К4
3-133-4

Проверена-56 г.

Проверено-85

Индекс	К4		Шифр хранения
Авторский знак	3-133-4		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

Отд. VI
инв. 758.

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

ПРОВЕРЕНА

„Полезная Библіотека“

Учен. б. отд. VI
Отд 9-1
инв 758
1208
1287 61

~~ЧУДЕСА~~ ПОЛЯРНАГО МІРА

Е. ЛЕБАЗЕИЛЬ

Переводъ Е. Костко

Съ 35 рисунками въ текстѣ

Второе изданіе, пересмотрѣнное и дополненное
А. ЗЕЛЕНИНЫМЪ

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ М-ва Нар. Просв. **одобрено** для ученич., средн. и старш. возраста библіотекъ средн. учебн. завед. мужскихъ и женскихъ, для учен. библ. учит. институт. и семин. и город. учил. и для безпл. народ. библ. и читаленъ. Гл. Управл. Военно-учебн. завед. **рекомендовано** для кадетск. библіотекъ.

Центральная В-Морская Библиотека ВМФ СССР

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Гос. Публ. Библ. имени Салтыкова-Щедрина
Обм.-846

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 АВГУСТА 1901 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ., СТРЕМЯННАЯ, 12.

3-я Детскос. Труд. Школа
№ 1201
БИБЛІОТЕКА
ДАРСКОСЕЛЬСКАЯ ЗЕМСКАЯ ГИМНАЗІЯ М-ВА НАРОДН ПРОСВѢЩ

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Цѣлый рядъ путешествій, совершенныхъ за послѣднія десятилѣтія въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ, пробудилъ въ обществѣ глубокій интересъ къ полярному царству вѣчныхъ снѣговъ, къ этой таинственной странѣ, гдѣ многіе серьезные изслѣдователи еще недавно предполагали существованіе теплаго, свободнаго ото льда моря. Въ виду этого редакція журнала „Природа и Люди“ сочла умѣстнымъ въ 1895 г. издать книжку Лебазейля, который живо и талантливо, хотя и въ сжатомъ видѣ, описываетъ своеобразную и во многихъ отношеніяхъ глубоко интересную природу сѣверныхъ полярныхъ странъ, ихъ флору, фауну, ихъ обитателей и т. д., а въ то же время раскрываетъ передъ читателями великую эпопею знаменитыхъ путешественниковъ, издавна направлявшихся въ предѣлы дальняго, пустыннаго, но въ то же время заманчиваго и весьма интереснаго въ научномъ отношеніи сѣвера.

За послѣдніе годы Нансенъ, Джексонъ, герцогъ Абруцскій и др. прибавили не мало блестящихъ страницъ къ исторіи полярныхъ экспедицій, такъ что явилась необходимость дополнить и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотрѣть сообразно современному состоянію науки во многомъ устарѣвшую книжку Лебазейля.

А. Зеленинъ.

---

*

ГЛАВА I.

Арктическія страны.

Полярныя пустыни.—Времена года на крайнемъ сѣверѣ.—Лѣтній видъ. — Миражъ. — Зимняя стужа. — Вьюги. — Сѣверное сіяніе. — Вѣчные снѣга. — Величайшіе ледники земного шара. — Обвалъ глетчера.

Бросивъ взглядъ на карту арктическихъ странъ, центръ которыхъ составляетъ сѣверный полюсъ, мы увидимъ часть земного шара, ограниченную полярнымъ кругомъ и изрѣзанную внутри морями. Кольцо земли, прилегающее къ полярному кругу, разступается въ двухъ мѣстахъ: между Азіей и Америкой и между Гренландіей и Европой. Къ краямъ кольца примыкаютъ острова: Новая Земля, архипелагъ Новой Сибири, Земля Врангеля и острова Парри, другіе-же, какъ Шпицбергенъ, земля Франца-Іосифа, о-ва Гринельскіе, о-ва Гранта и сѣверная часть Гренландіи лежатъ ближе къ полюсу; за ними уже ничего не видно, кромѣ безпредѣльнаго полярнаго бассейна.

На самомъ полюсѣ земного шара, окруженномъ со всѣхъ сторонъ непреодолимымъ ледянымъ валомъ, царитъ *геній сѣвера*, мрачный духъ, презрительно смѣющійся надъ всѣми стремленіями человѣка проникнуть внутрь его таинственнаго царства. Въ его распоряженіи находится множество могущественныхъ средствъ остановить на пути въ заповѣдныя его владѣнія самыхъ отважныхъ изъ путешественниковъ. Здѣсь воздвигаетъ онъ передъ мореплавателями ледяныя стѣны, тамъ

высылаетъ противъ нихъ легіоны пловучихъ ледяныхъ горъ, то окутывается непроницаемою завѣсою мглистыхъ тумановъ, то напускаетъ на нихъ грозную бурю, неуступающую свирѣпостью самымъ страшнымъ тропическимъ ураганамъ. Это недоступное царство сѣвернаго владыки окружено Ледовитымъ океаномъ, рамку для котораго составляютъ расширенныя оконечности сѣверныхъ материковъ, обледенѣвшіе въ вѣчныхъ снѣгахъ берега Азіи, Европы и Америки.

Природой своей арктическія страны рѣзко отличаются отъ тѣхъ, въ которыхъ мы живемъ, точно онѣ принадлежатъ къ другому міру. Солнце не восходитъ надъ ними по утрамъ и не заходитъ по вечерамъ; тамъ не существуетъ привычнаго для насъ постояннаго чередованія дня и ночи, тамъ невѣдома наша умѣренная температура, самыя рѣзкія перемѣны которой не нарушаютъ жизненнаго процесса флоры и фауны. Въ этихъ странахъ солнце стоитъ надъ горизонтомъ и день продолжается безсмѣнно въ теченіе двухъ, трехъ и даже четырехъ мѣсяцевъ, смотря по градусу широты; потомъ лучезарное свѣтило исчезаетъ, и наступаетъ ночь на такой-же долгій періодъ времени. Тепло продолжительнаго, свѣтлаго лѣта, казалось-бы, должно съ избыткомъ вознаградить страну за холодъ и тьму долгой зимы, но этого нѣтъ: солнце со своими косыми лучами, прерываемыми часто облаками и густыми туманами, не имѣетъ силы уничтожить пагубныя послѣдствія такой продолжительной ночи, и потому тамъ лѣтомъ все-таки холодно и земля покрывается инеемъ.

Такимъ образомъ арктическія поясъ — суровая пустыня. Человѣкъ не могъ подчинить ее себѣ и преобразить. Море, омывающее всю эту страну и изрѣзывающее ее безчисленными заливами и бухтами, отказывается носить на своихъ водахъ корабли; замерзая, оно останавливаетъ ихъ, сжимаетъ своими льдинами, а когда оттепель даетъ имъ свободу, оно мчитъ имъ на встрѣчу цѣлыя глыбы обзаливщихся глетчеровъ, подвергая разрушительнымъ столкновеніямъ. Промерзшая земля, лежащая большую часть года подъ густымъ слоемъ снѣга, не покрывается лѣсомъ и не даетъ жатвы. Самое большее, что

она можетъ пропзвести, это двѣ, три породы малорослыхъ, подобныхъ кустарникамъ, деревьевъ, стелющихся по землѣ,

Предѣлъ древесной растительности.

нѣсколько ничтожныхъ травъ и разные виды мховъ и лишаевъ — послѣдніе проблески умирающей растительной жизни.

Однако, люди все-таки умудряются жить въ этихъ обездоленныхъ странахъ, но они не строятъ тамъ ни городовъ, ни постоянныхъ жилищъ, они остаются бродячими племенами, не знающими ни промышленности, ни искусствъ, ни соціальныхъ связей, живутъ лѣтомъ въ шатрахъ, а зимой въ подземельныхъ логовищахъ и проводятъ время въ погонѣ за добычей.

На крайнемъ сѣверѣ небо и воздухъ отличаются поразительными явленіями, какъ и все въ этихъ удивительныхъ странахъ. Самое замѣчательное изъ этихъ явленій — долгое, безпрерывное присутствіе на небѣ солнца, смѣняемое такимъ же долгимъ отсутствіемъ его. На широтѣ 70° оно безсмѣнно стоитъ надъ горизонтомъ въ теченіи 60 дней, послѣ чего скрывается на такой же періодъ времени. На широтѣ 80° оно стоитъ подрядъ 134 дня, потомъ прячется на четыре мѣсяца. На сѣверномъ полюсѣ длится непрерывный день съ 21 марта по 23 сентября, остальная часть года состоитъ изъ двухъ періодовъ сумерокъ, по пятидесяти дней каждый, раздѣленныхъ безпросвѣтной ночью, продолжающейся два съ половиной мѣсяца.

Пусть читатель вообразитъ себя на одной изъ выдающихся точекъ сѣвера, напримѣръ, на Шпицбергенѣ. Отсюда можно прослѣдить любопытную смѣну временъ года.

Къ концу января, послѣ долгой темноты, можно замѣтить со стороны юга слабый свѣтъ, возвѣщающій о приближеніи солнца; съ каждымъ днемъ свѣтъ этотъ становится ярче и ближе подходитъ къ зениту; наконецъ въ серединѣ февраля показывается на минуту край солнечнаго диска и сейчасъ же исчезаетъ; во всѣ послѣдующіе дни видимый нами сегментъ увеличивается, пока не выплыветъ изъ моря все лучезарное свѣтило: долгая зимняя ночь кончилась. Съ этихъ поръ день чередуется съ ночью въ теченіе 65 дней, до 21 апрѣля, послѣ котораго солнце болѣе не скрывается; оно поднимается на небѣ въ теченіи двѣнадцати часовъ, затѣмъ одинаковое число часовъ опускается, но не переходитъ линію горизонта. Такимъ образомъ оно движется по небу, на виду у всѣхъ четыре мѣсяца подъ рядъ.

Но и лѣто кончается въ свою очередь; 23 августа солнце въ первый разъ заходитъ. Скрывается оно не надолго и эта первая ночь можетъ скорѣе назваться сумерками; но съ этого числа день быстро уменьшается и наконецъ, 26 октября солнце погружается въ море и болѣе не показывается.

Первое время послѣ этого на небѣ еще остается блѣдный свѣтъ, но понемногу исчезаетъ и онъ, и небо застилается зимнею мглою. Съ этихъ поръ только слабое сіяніе луны, да мерцаніе звѣздъ озаряютъ эти унылыя страны,—землю, погребенную подъ снѣжнымъ покровомъ, и скованный льдомъ океанъ.

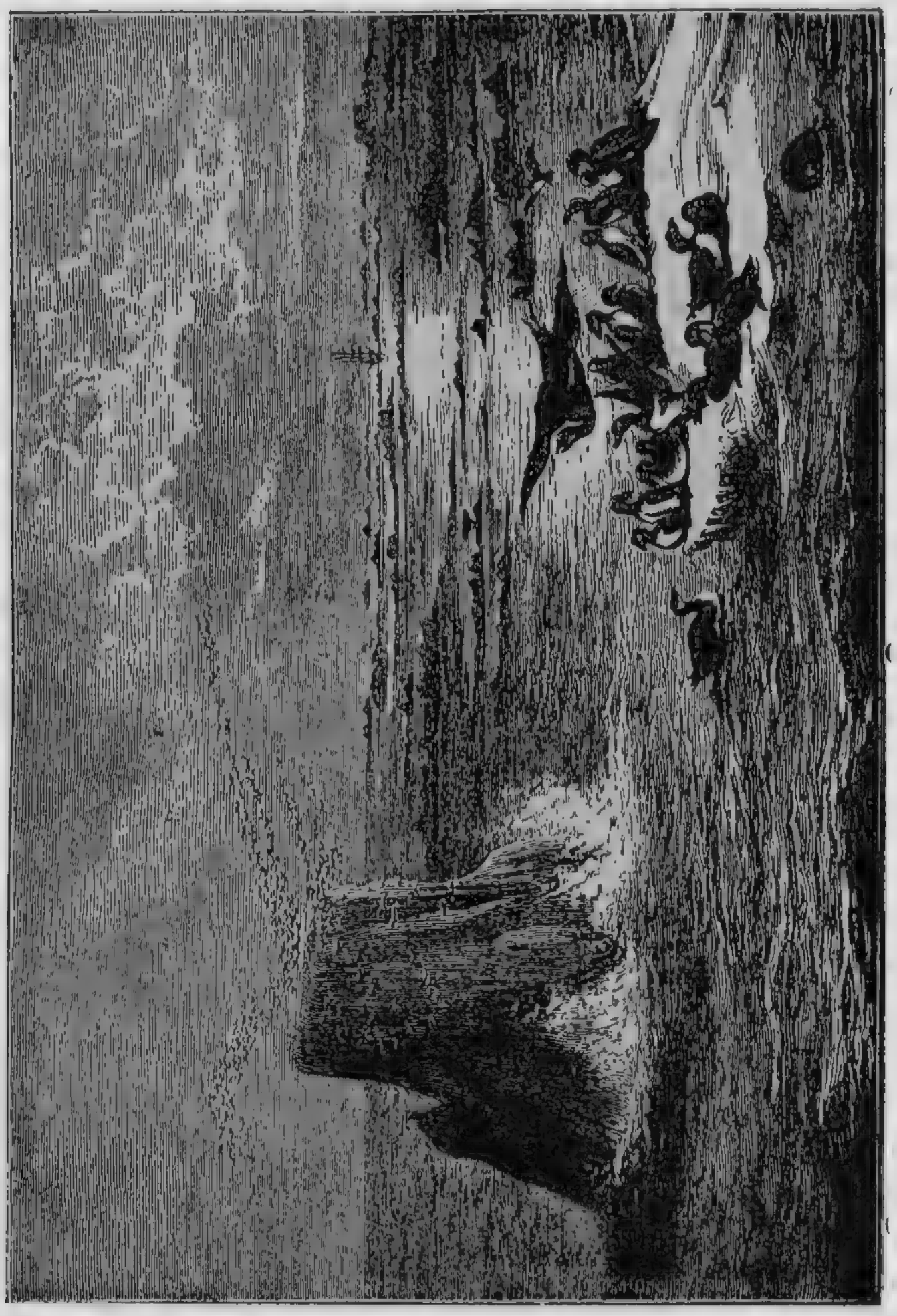
Полярное лѣто не приноситъ съ собой ни свѣта, ни тепла. Сіяя на небѣ въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ, солнце никогда не поднимается высоко надъ горизонтомъ и потому бросаетъ на землю только косые лучи, которые скользятъ по предметамъ вмѣсто того, чтобы падать на нихъ перпендикулярно. Кромѣ того, солнечные лучи должны тамъ проходить черезъ очень густой слой воздуха, оставляя на немъ значительную часть своей теплоты. 6 и 8 градусовъ выше нуля считается самой высокой температурой, являющейся въ іюнѣ и іюлѣ. Въ августѣ средняя температура обозначается на термометрѣ тѣмъ пространствомъ, которое находится между 0 и 1° сверху. Весною въ указаніяхъ термометра замѣтно колебаніе; въ мартѣ температура между 20° и 50° ниже точки замерзанія; въ апрѣлѣ между 10 и 40 градусами; въ маѣ между 0 и 30. Подобныя колебанія происходятъ оттого, что небо даже лѣтомъ никогда не бываетъ яснымъ въ продолженіе цѣлаго дня; оно внезапно заслоняется тучами; густые туманы поднимаясь надъ моремъ, наполняютъ собою пространство; сильные вѣтры, охлаждаясь около ледниковъ и плавающихъ льдинъ, начинаютъ крутить на своемъ пути цѣлые столбы снѣга и града: это среди лѣта вернулась зима со всѣми ея ужасами.

Но и подъ этимъ пасмурнымъ небомъ встрѣчаются свѣтлые часы, въ особенности въ іюнѣ, когда солнечные лучи ярко свѣтятъ въ чистомъ воздухѣ. Въ эти часы однообразная бѣлая скатерть, покрывающая горы и долины, въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ разрывается и даетъ, наконецъ, увидѣть землю. Снѣгъ таетъ, стекаетъ ручейками и водопадами; со всѣхъ сторонъ слышится журчаніе воды. Скромная полярная флора пробуждается отъ долгаго сна; малорослыя ивы и вербы развертываютъ свои листья, свои золотистые вѣнчики и бѣлые цвѣточки, напоминающіе о другихъ, счастливыхъ странахъ. На морѣ, подернутомъ легкой зыбью, мирно плаваютъ огромныя льдины въ своемъ серебристомъ нарядѣ. Мѣстность оживляется видомъ множества животныхъ, словно собравшихся сюда на свиданіе. Цѣлые стада тюленей и моржей невозмутимо лежатъ на льдинахъ, подобно коровамъ и овцамъ на пастбищѣ; тысячи маленькихъ водныхъ птичекъ украшаютъ собой ледяные утесы; по всѣмъ направленіямъ летаютъ стаи утокъ и гагъ, отыскивая себѣ удобное мѣсто для отдыха; надъ поверхностью воды кружатся морскія ласточки. Все напоминаетъ весну, все говоритъ о счастливой жизни.

Нерѣдко въ такіе часы само небо принимаетъ участіе въ общемъ ликованіи и дѣлаетъ человѣка свидѣтелемъ одного изъ лучшихъ своихъ зрѣлищъ — миража. Горизонтъ словно возвышается и какъ бы удваивается. Предметы, находящіеся на далекомъ разстояніи, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла поднимаются на воздухъ. Плавающія поля, айсберги, глетчеры, берега съ ихъ мысами и бухтами, — все это, какъ въ зеркалѣ, отражено на небѣ. Но вскорѣ ихъ форма и величина начинаютъ мѣняться; они раздвигаются то въ ширину, то въ вышину, вслѣдствіе колебанія воздуха. На небѣ появляются новыя фигуры: храмы, обелиски, массивныя стѣны съ темными воротами и гигантскіе портики; они колеблются, погружаются въ воздушную глубь и въ свою очередь видоизмѣняются. Острая колокольня превращается въ шпагу или крестъ, крестъ принимаетъ контуры человѣческаго тѣла. Еще нѣсколько минутъ, — и прежніе образы исчезаютъ: вотъ возвышается на холмѣ крѣпость, за нею тянется долина, усѣянная деревьями, которыя понемногу стушевываются, уступая мѣсто всевозможнымъ животнымъ,—медвѣдямъ, собакамъ, птицамъ, а минуту спустя — людямъ, плавно танцующимъ въ воздухѣ и

перепрыгивающими съ моря на небо. Точно присутствуешь на какой-нибудь феерiи, гдѣ превращенiя слѣдуютъ одно за другимъ безъ перерыва, точно смотришь въ гигантскiй калейдо-



Лѣтнiй пейзажъ.

скопъ, безостановочно переворачиваемый чьей-то невидимой рукой. Но стоитъ подуть вѣтру и всколыхнуть морскую поверхность, какъ фантастическая картина изчезаетъ.

Итакъ, полярное лѣто, несмотря на всю свою перемѣнчивость, еще примиряетъ съ собой путешественниковъ, зима же наводитъ на нихъ ужасъ. Холодъ, не побѣждаемый болѣе солнцемъ, достигаетъ страшной силы. Термометръ спускается до 30 и 35 градусовъ ниже нуля. А въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ на сѣверѣ Америки и на прилегающихъ къ ней островахъ, холодъ часто достигаетъ 55 и 58°. Подобная температура тяжело отзывается на человѣкѣ, въ особенности при вѣтрѣ. Легче перенести холодъ въ 40 и 50 градусовъ при спокойной погодѣ, чѣмъ въ 20 градусовъ во время вѣтра.

Еще тѣло можно закутать въ мѣхъ или плотныя шерстяныя ткани, но лицо, въ особенности носъ и губы, не возможно закрыть, вслѣдствіе выдѣляемыхъ ими дыхательныхъ паровъ, которые будучи задержаны, моментально замерзаютъ. Лейтенантъ Белло, отправившійся съ англичанами къ островамъ Парри на поиски Франклина, разсказываетъ, что товарищи его, закутавшіе себѣ все лицо, не могли послѣ вытащить ни галстуха, ни кашнэ, превратившихся въ ледяныя палки. Сѣверный вѣтеръ причиняетъ открытому лицу такую же боль, какъ если бы васъ изо всей силы стегнули кожаннымъ ремнемъ; вамъ кажется, что у васъ отрываются куски мяса.

Послѣ этой острой боли наступаетъ окоченѣніе; кровь отливаетъ; пораженныя холодомъ мѣста становятся синими; если они начнутъ послѣ этого бѣлѣть, значитъ все кончено: они навсегда отморожены. Руки тоже страдаютъ отъ холода; кожа на нихъ трескается и образуются раны. Прикосновеніе къ какой-нибудь желѣзной или стальной вещи вызываетъ въ рукѣ такую же боль, какъ при обжогѣ. Одинъ путешественникъ, остановившись въ январѣ на берегу Невольничьяго озера, въ Америкѣ, вздумалъ при —56° вымыть лицо передъ костромъ: вся борода его замерзла прежде чѣмъ онъ успѣлъ вытереться полотенцемъ.

Жизнь человѣка подвергается серьезной опасности, когда при морозѣ и вѣтрѣ начнется вьюга. Трудно себѣ представить, каковы бываютъ полярныя вьюги. Вообразите густыя бѣлыя облака, которыя начинаютъ кружиться въ пространствѣ; съ

каждой минутой движеніе ихъ дѣлается быстрѣе, они летятъ вверхъ, опутываютъ вершины, скатываются съ горныхъ обрывовъ, ударяясь о скалы, бѣшено кружатся въ воздухѣ и, подобно огромнымъ волнамъ, мчатся по ледяной поверхности моря. Изъ нихъ образуются колонны, цѣлыя стѣны, которыя несутся впередъ, догоняютъ другъ друга, сталкиваются, раздѣляются, снова соединяются и взгромождаются одна на другую. Это какой-то адскій танецъ, бѣсовскій пиръ ночныхъ призраковъ. Будучи застигнутымъ вьюгой, надо призвать все свое хладнокровіе, чтобы не почувствовать себя потерянным. Вы силитесь повернуться къ вѣтру спиной, но вьюга васъ преслѣдуетъ, снѣжные хлопья облѣпляютъ васъ со всѣхъ сторонъ; они проникаютъ въ горло, въ уши; въ ноздри, въ глаза, слѣпляя рѣсницы льдинками, они образуютъ изъ усовъ и бороды одинъ ледяной комъ, который прирастаетъ къ заледенѣвшей одеждѣ: вы чувствуете, что вся ваша фигура начинаетъ принимать окаменѣлый видъ и призываете всю свою силу чтобы воспротивиться этому.

Но, что самое ужасное въ полярной зимѣ, это ея вѣчная тьма. Она не опасна для нашей физической жизни, но своей мертвенной скукой она парализуетъ нашъ умъ. Чтобъ выносить эту долгую тьму, надо постоянно призывать всю свою волю, все свое мужество, все свое терпѣніе. А подобное усиліе не легко дается. Непроницаемая мгла и зловѣщее уединеніе, среди которыхъ проводишь недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, ложатся тяжелымъ гнетомъ на ваше мышленіе, поражаютъ всѣ ваши моральныя силы. Вѣчное молчаніе вокругъ васъ начинаетъ дѣйствовать на воображеніе; вы чувствуете себя не по себѣ, вами овладѣваетъ ужасъ.

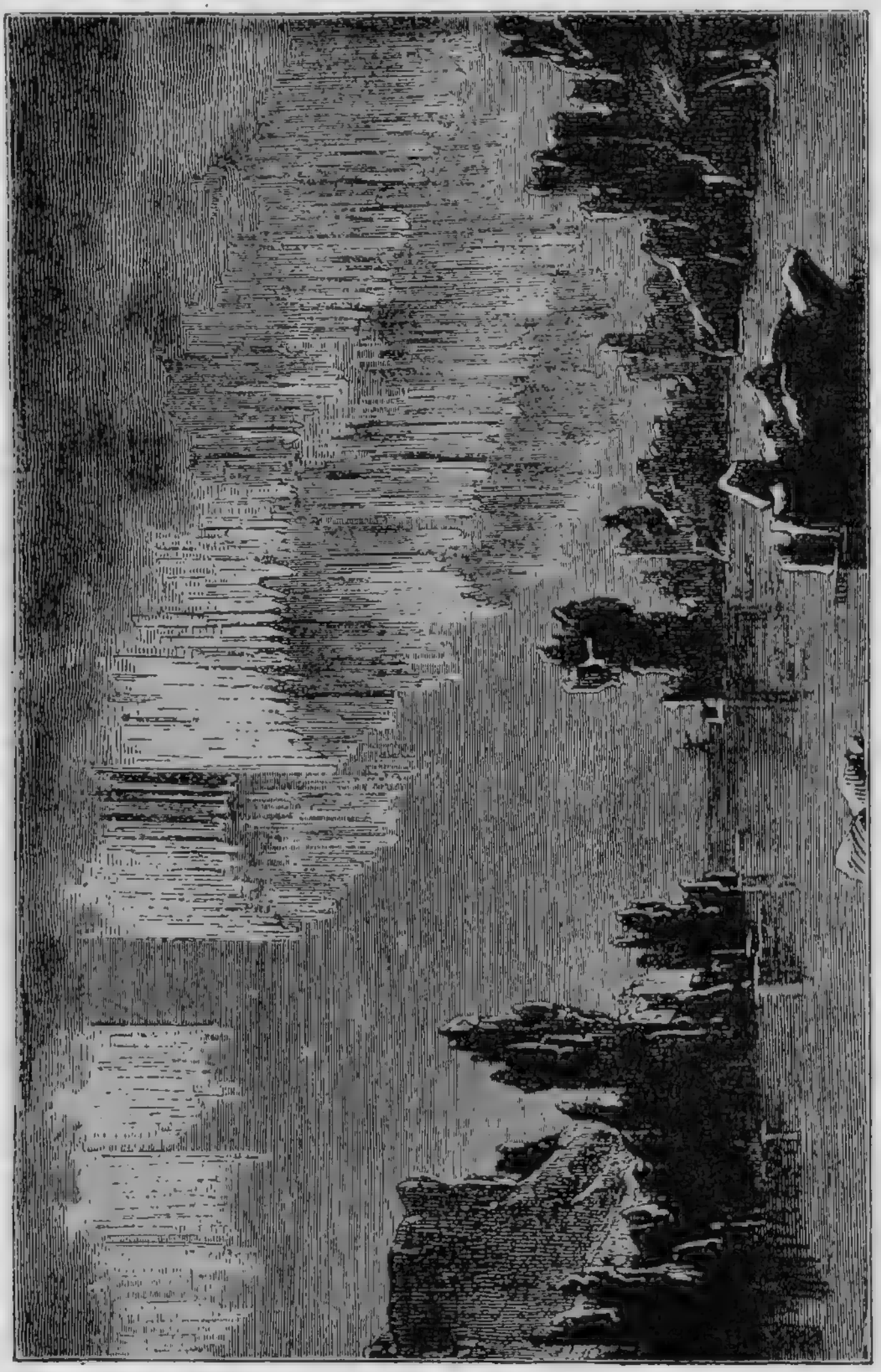
Докторъ Гессъ испытывалъ всѣ эти впечатлѣнія; вотъ какъ онъ описываетъ ихъ: „Небеса и земля погружены въ вѣчный покой. Нигдѣ ни одного признака жизни, ни одного воспоминанія о ней. Умъ ни надъ чѣмъ не работаетъ, ни на чемъ не отдыхаетъ. Безконечная созвѣздія не могутъ уронить ни одной радостной искорки въ эту мертвую атмосферу. Холодныя, безжизненныя звѣзды ничего не говорятъ сердцу. Глаза устаютъ

смотрѣть на нихъ и снова обращаются къ землѣ; ухо чутко прислушивается, не нарушитъ-ли хоть малѣйшій шумъ это подавляющее молчаніе, но нѣтъ, не раздается ни одного человѣческаго шага, ни одного живого голоса. Не слышно даже слабаго крика птицъ, даже легкаго шелеста вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ. Въ этой безпредѣльной пустынѣ я слышу только біеніе собственнаго серца; кровь бьющая въ моихъ артеріяхъ утомляетъ меня своими сильными ударами. Молчаніе перестаетъ быть отрицательнымъ понятіемъ, оно надѣляется положительными качествами. Я слышу его, вижу, чувствую. Страшнымъ призракомъ встаетъ оно передо мной, возвѣщая конецъ всему существующему, наполняя мою душу чувствомъ смерти... Я не могу долѣе выносить этого: я сбѣгаю со скалы, на которой спдѣлъ; я начинаю ходить, сильно стуча ногами заставляя скрипѣть снѣгъ, чтобъ только удалить ужасное видѣніе, прогнать страшный призракъ“.

Путешественникъ, переживающій долгую полярную ночь, вознаграждается время отъ времени однимъ только зрѣлищемъ,—это сѣвернымъ сіяніемъ. Очень продолжительное или короткое, ослѣпительное или едва замѣтное, оно является въ арктическихъ странахъ рѣдко, но регулярно. Феноменъ этотъ, какъ извѣстно, происходитъ благодаря электрическому лучеиспусканію земли, этому огромному магниту, сѣверный полюсъ котораго находится въ Сѣверной Америкѣ, на берегу земли Боотіи, а южный полюсъ въ морѣ, на югѣ Австраліи, недалеко отъ земли Викторіи. Это выдѣленіе электрическаго тока происходитъ не съ трескомъ и шумомъ, какъ въ нашихъ странахъ, а совершается оно тихо, безъ грохота и вреда; это — спокойное теченіе, сопровождаемое часто дивной красотой, на которую любуешься, не испытывая ни страха, ни сожалѣнія.

Описать въ точности сѣверное сіяніе невозможно: во-первыхъ потому, что слова окажутся безсильными для передачи всей этой прелести, а во-вторыхъ потому, что оно отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ формъ и никогда не повторяется въ прежнемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, основываясь

на главныхъ признакахъ, явленія эти можно раздѣлить на нѣсколько типовъ. То это — свѣтовыя пятна, подобныя тѣмъ,



Сѣверное сіяніе.

которыя отражаются на потолкѣ отъ камина, то — лучи ослѣпительной бѣлизны, начинающіеся отъ горизонта и доходящіе до зенита, точно невидимая кисть, по выраженію Шарля Мар-

тина, проводитъ ихъ по небу; иногда кисть круто останавливается и лучи остаются неоконченными, но иллюминація продолжается на другомъ концѣ; тамъ вырывается цѣлый снопъ свѣтовыхъ лучей, расширяется, разсѣивается, достигаетъ зенита, затѣмъ блѣднѣетъ и гаснетъ.

Или-же зрителю кажется, что на небѣ развертываются огромныя знамена, вытканыя изъ свѣта и золота; они движутся какъ-бы колеблемые вѣтромъ, закручиваются и снова распускаются; ихъ длинная бахрома спускается надъ самой головой зрителя, и тотъ удивляется, почему онъ не слышитъ шелеста матеріи.

Наконецъ, самая красивая форма сѣвернаго сіянія, это лучезарная арка, образующаяся надъ горизонтомъ, съ чернымъ сегментомъ внутри. Эта арка ослѣпительно бѣлаго цвѣта переходитъ въ ярко-красный и выкидываетъ изъ верхней своей части по всѣмъ направленіямъ цѣлые пучки лучей: точно гигантскій вѣеръ распростерся по небу. На зенитѣ, гдѣ соединяются всѣ лучи, образуется сіяющая корона, которая въ свою очередь выбрасываетъ снопы огней. Небосклонъ принимаетъ видъ пламеннаго свода; пламя это движется и переливается разными цвѣтами, какъ во время пожара или изверженія вулкана; точно видишь передъ собой огненное море съ разноцѣтными волнами. Фонъ картины—красный, и на этомъ фонѣ сверкаютъ по очереди всѣ цвѣта и оттѣнки призмы. Вотъ выплываютъ желтыя и синія полосы, онѣ смѣшиваются и переходятъ въ ярко-зеленый цвѣтъ; синія и оранжевыя полосы, быстро передвигаясь, встрѣчаются и входятъ одна въ въ другую, образуя прекрасныя фіолетовыя линіи, изрѣзывающія желтоватый кругъ; потомъ всѣ отдѣльные оттѣнки смѣшиваются вмѣстѣ, составляя миріады бѣлыхъ огней, которые взлѣтаютъ, колеблясь и кружась, къ зениту. Никакіе фейерверки не могутъ дать подобной иллюминаціи; глядя на небо, невольно прислушиваешься, не раздастся-ли шумъ при разрывѣ этихъ огненныхъ букетовъ: но напрасно—кругомъ царитъ глубокое безмолвіе.

Если взглянуть въ это время на землю, увидишь чудную

картину. Всѣ предметы облиты всевозможными цвѣтами, точно иллюминованные бенгальскимъ огнемъ. Вершины айсберговъ горятъ волшебнымъ огнемъ, рѣзко отличаясь отъ черноватой тѣни, въ которой погружены ихъ основанія: невольно вспоминается панорама Неаполя во время изверженія Везувія. Верхушки горъ, снѣжные ковры, ледяная поверхность моря, все горитъ, внезапно гаснетъ и снова вспыхиваетъ, точно тысячи метеоровъ, летающихъ и бѣгающихъ въ пространствѣ, кружатся въ фантастическомъ танцѣ.

Сѣверное сіяніе.

Но это чудесное зрѣлище длится только нѣсколько минутъ. Блестящая арка перестаетъ испускать новые лучи, а старые постепенно блѣднѣютъ, гаснутъ; ихъ замѣняетъ какой-то неопредѣленный свѣтъ, слабѣющій съ каждой минутой; съ возрастающей быстротой вытягиваются и сжимаются свѣтовыя пятна подобно сердцу, которое учащенно бьется передъ тѣмъ, какъ остановиться. Это — агонія сѣвернаго сіянія. Вскорѣ всѣ созвѣздія, утонувшія въ потокѣ свѣта, выплываютъ на небо, и полярная ночь снова тяготѣетъ надъ ледянымъ океаномъ и безмолвной, застывшей землей.

128761

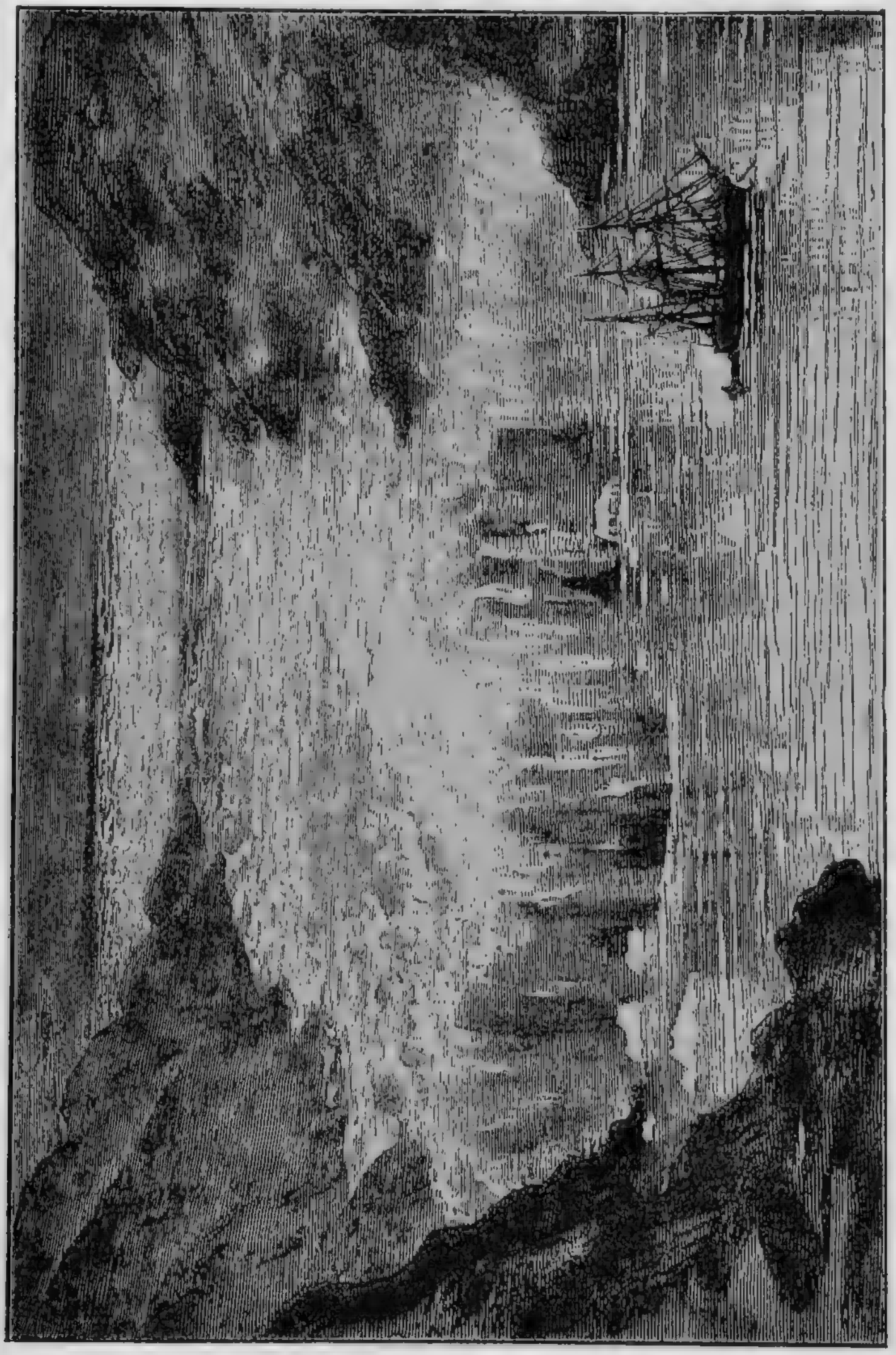
Вотъ еще другое описаніе дугообразнаго сѣвернаго сіянія:

...Ночь одѣваетъ покрытую снѣгомъ землю. Звѣзды матовымъ блескомъ свѣтятся сквозь мягкій туманъ, который такъ часто на крайнемъ сѣверѣ затѣмняетъ ихъ свѣтъ... Далеко на горизонтѣ около той стороны, гдѣ онъ пересѣкается магнитнымъ меридіаномъ, появляется вдругъ широкая, ярко свѣтящаяся лучезарная дуга, коворая иногда по нѣсколько часовъ волнуется, измѣняетъ форму, словно трепещетъ... Но вотъ начинаютъ изъ нея выскакивать лучи, которые соединяются въ отдѣльные пучки и, вытягиваясь по небу, доходятъ до зенита. Вскорѣ изъ свѣтящейся арки подымаются огненные столбы по одиночкѣ или разомъ въ нѣсколькихъ противоположныхъ точкахъ горизонта, эти столбы сливаются въ одно мерцающее пламенное море, которое волнуется и ежеминутно измѣняетъ форму своихъ свѣтящихся волнъ.

Въ точкѣ небеснаго свода, на которую указываетъ магнитная стрѣлка, лучи наконецъ встрѣчаются и сливаясь образуютъ дивный свѣтовой куполъ, такъ называемый *вѣнецъ*. Въ это время сіяніе достигло своего наибольшаго великолѣпія; лучи въ своемъ основаніи красные, въ срединѣ — зеленые, а ближе къ зениту — блѣдно-желтые сверкаютъ ярче всего и въ то-же время начинаютъ съ необыкновенною быстротою носиться по небесному своду, перелетая съ одного мѣста на другое и получая различные оттѣнки своей окраски. Дивно прозрачны эти цвѣта. Красный цвѣтъ близокъ къ свѣтлому кроваво-красному, зеленый становится по временамъ настоящимъ изумрудным, всѣ цвѣта смѣшиваются въ чудныхъ переливахъ.

Если восхищенное око отъ пламенѣющаго небосклона обратится къ землѣ, то и здѣсь оно увидитъ все въ какомъ-то волшебномъ свѣтѣ. Темное море, черное, какъ асфальтовое озеро, рѣзко отличается отъ виднѣющеяся вдали снѣжной поверхности, которая наконецъ теряется въ снѣжныхъ горахъ. Очертанія всѣхъ предметовъ дрожатъ, какъ будто всѣ видимые предметы не существуютъ на самомъ дѣлѣ, а созданы мечтой. Вершины скалъ одѣты мерцающимъ блескомъ, который самъ какъ будто выходитъ изъ скалы, словно пламя изъ кратера.

Абсолютное безмолвіе полярной ночи еще болѣе увеличиваетъ прелесть этого дивнаго зрѣлища...



Ледникъ Сермитсіалика.

Но вотъ мало по малу блѣднѣетъ вѣнецъ, свѣтовая дуга разрывается, лучи становятся рѣже, безцвѣтнѣй. Вскорѣ по

всему небесному своду въ безпорядкѣ разбрасываются широкія блѣдныя, почти пепельнаго цвѣта, но слегка свѣтящіеся пятна, которыя постепенно сливаются въ бѣловатое нѣжное облако. Наконецъ темная ночь поглощаетъ все чудное зрѣлище, и снова зимній мракъ одѣваетъ пустынный ландшафтъ.

Арктическіе страны—царство вѣчныхъ снѣговъ; они одни тамъ благодѣнствуютъ, одни чувствуютъ себя хозяевами, скопляясь вѣками и образуя на возвышенностяхъ величественные ледники, самые большіе на всемъ земномъ шарѣ.

Въ этихъ странахъ, вслѣдствіе удаленія отъ экватора и географической высоты мѣста, вода на возвышенныхъ мѣстахъ не можетъ оставаться въ жидкомъ видѣ; дождей тамъ нѣтъ, и атмосферные пары, доставляемые моремъ, принесенные издалека вѣтрами, затвердѣваютъ и падаютъ хлопьями снѣга. Снѣгъ этотъ ложится толстыми слоями на вершины и склоны горъ и замерзаетъ. Но эта застывшая, кристальная масса не имѣетъ упругости камня: она отличается извѣстнаго рода мягкостью, она разливается, течетъ. Теченіе ея очень медленно; она тянется, стелется по землѣ, но ничто не въ силахъ остановить ея движеніе. Въ причудливыхъ формахъ оставляетъ она свой слѣдъ по пути; она обрисовываетъ вершины красивыми контурами, спускается въ долины и ущелья, заполняя ихъ, падаетъ въ пропасти окаменѣлыми водопадами и ложится прозрачными пластами въ широкихъ проходахъ. Если по дорогѣ она встрѣчаетъ препятствіе въ видѣ выступа горы или скалистой глыбы, она срываетъ ихъ и несетъ за собой. Ледяная рѣка, незамѣтно подвигаясь впередъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ достигаетъ берега моря; но она не останавливается здѣсь; широкая, высокая, подобно огромному утесу, продолжаетъ она двигаться, наполняя собой цѣлыя бухты, гдѣ она образуетъ новый ледяной берегъ, вытѣсняя воду и, наконецъ, скользя по наклонной почвѣ морского дна, исчезаетъ въ глубинѣ.

Ни Сибирскіе, ни Американскіе берега, какъ низкія и плоскія страны, не имѣютъ ледниковъ; послѣдніе красуются только тамъ, гдѣ почва возвышенна; при чемъ образованіе ихъ обусловливается не слишкомъ большой высотой: на 60° широты

достаточно 800 метровъ высоты мѣста, на 70°—500 метровъ, а на 80° еще меньше. Шпицбергенъ, остроконечныя горы котораго достигаютъ до 1,400 метровъ высоты, весь покрытъ ледниками; многіе изъ нихъ имѣютъ отъ сорока до пятидесяти миль длины при десяти миляхъ ширины и образуютъ на берегахъ перпендикулярныя стѣнки отъ четырехсотъ до пятисотъ футовъ вышины. Мореплаватель Скоресби разсказываетъ, что, плавая у береговъ Шпицбергена, онъ увидѣлъ ледяную глыбу, величиной съ большой соборъ, которая оторвавшись отъ огромной кристальной стѣны, рухнула въ море. По словамъ другого путешественника, въ этихъ мѣстахъ не проходитъ ни одного часа безъ оглушительнаго грохота, производимаго паденіемъ одной изъ ледяныхъ лавинъ.

Новая Земля и Земля Франца Іосифа тоже представляютъ изъ себя массивныя горы, сплошь покрытыя блестящей мантіей изъ замерзшаго снѣга.

Вся середина острова Янъ-Майена занята обширнымъ ледникомъ, развѣтвленія котораго образуютъ на берегу бѣлые откосы въ 300 метровъ вышины; послѣдніе прерываются высокими скалами, наслоенными горизонтально, подобно гигантскимъ лѣстницамъ, причемъ ступеньки ихъ, мѣстами красноватыя, мѣстами черныя, полуобвалившіяся, напоминаютъ собой древнія развалины. Это разнообразіе цвѣта и формы происходитъ оттого, что здѣсь, какъ и въ Исландіи, ледъ встрѣчаетъ врага—огонь вулкановъ. Когда наступаетъ изверженіе, и пламенная лава падаетъ на ледъ, послѣдній таетъ и стекаетъ съ горъ потоками воды, но разрушеніе его не полно, онъ таетъ только мѣстами, и, когда лава охладѣваетъ, снова владычествуетъ.

Самые многочисленные и обширные ледники находятся въ Гренландіи. Страна эта, простирающаяся отъ 60° до 80° широты и высотой своей надъ уровнемъ моря достигающая 500 метровъ, а внутри материка 4500 метровъ, представляетъ изъ себя безпредѣльный резервуаръ льда. По вычисленіямъ доктора Гесса, въ Гренландіи приходится среднимъ числомъ 200 миріаметровъ длины на 100 ширины, что составляетъ

20,000 квадратныхъ миріаметровъ, толщина-же покрывающаго льда имѣетъ 165 метровъ, слѣдовательно весь объемъ этой заледенѣлой воды выражается огромной цифрой—320 трилліоновъ кубическихъ метровъ, т. е. около 320,000 кубич. километровъ! Ледъ этотъ проникаетъ всюду, наполняя собой многочисленныя углубленія скалистыхъ береговъ Гренландіи.

Многіе изъ Гренландскихъ ледниковъ, въ особенности прилегающіе къ западному берегу, были открыты и даже изслѣдованы нѣкоторыми мореплавателями, а именно: ледникъ Сермитсіаликъ (см. рис.), занимающій цѣлый фіордъ своей прозрачной высокой стѣной, въ четыре мили длины; ледникъ Тиндаль, — около мыса Парри, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Баффиново море становится уже и уступаетъ мѣсто Смитову проливу; ледникъ Джона, наполнившій собой цѣлую долину въ 18 километровъ длины и медленно, но безостановочно двигающійся къ фіорду Фульке, котораго онъ, конечно, и достигнетъ черезъ нѣсколько лѣтъ; наконецъ, сѣвернѣе, ледникъ Гумбольдта, самый большой изъ всѣхъ ледниковъ, образующій отъ мыса Агассиса до мыса Форбъ, т. е. отъ 79° до 80°, ослѣпительный утесъ, длиною въ сто десять километровъ и вышиною около трехсотъ футовъ.

Достигнувъ вершины одного изъ этихъ ледниковъ, получаешь такое впечатлѣніе, какого не даетъ никакое другое зрѣлище: ни лѣсъ съ разнообразіемъ его формъ и оттѣнковъ, ни открытое море, то бурное, то спокойное, не имѣетъ этой поразительной, подавляющей торжественности. Чувствуешь, что стоишь среди пустыни, среди ледяной, безграничной Сахары, однообразіе которой не нарушается ни скалой, ни холмомъ, ни малѣйшимъ уступомъ почвы; видна одна форма, или вѣрнѣе, отсутствіе всякой формы, виденъ одинъ цвѣтъ: ослѣпительный блескъ; чувствуешь, что находишься въ присутствіи единственнаго въ природѣ элемента, который покорилъ и заставилъ исчезнуть всѣ другіе, который и насъ поглотитъ, если мы долго останемся въ его владѣніяхъ...

Въ другомъ мѣстѣ картина мѣняется: безконечная, однообразная равнина переходитъ въ полнѣйшій хаосъ, не менѣе

величественный и зловѣщій: толстый ледяной слой, сломившись вслѣдствіе обвала горной почвы, образовалъ множество длинныхъ, глубокихъ разсѣлинъ, то параллельныхъ, то соединившихся и перепутанныхъ, и низвергся окаменѣлыми водопадами въ зіяющія пропасти: настоящая Ніагара, замерзшая сверху до низу, во всемъ величіи своего паденія. А вотъ медленно и величественно спускается по покатой долинѣ ледяной потокъ, образуя цѣлую серію площадокъ и террасъ, отстоящихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга, подобно ступенькамъ колоссальной лѣстницы изъ бѣлаго мрамора. Глубокое безмолвіе, царящее на этихъ уединенныхъ высотахъ, не внушаетъ сладостнаго чувства мира: тишина нарушается время отъ времени глухимъ рокотомъ, подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, — это стонетъ ледникъ, трескаясь до самаго основанія. Вамъ начинаетъ казаться, что почва, на которой вы стоите, ненадежна; неподвижный, повидимому, ледъ—само движеніе; зіяющая бездна можетъ съ минуты на минуту раскрыться подъ вашими ногами.

Самая живописная часть Гренландскихъ ледниковъ, это тотъ откосъ, которымъ они заканчиваются со стороны моря. Издали видна только вертикальная, стройная стѣна, но по мѣрѣ приближенія замѣчаешь на ней выступы, углубленія, прихотливо изогнутыя, цѣлую архитектуру, странную, величественную — произведеніе лѣтняго солнца, опалившаго лицо ледника и вызвавшаго появленіе ручейковъ, рѣчекъ и водопадовъ, которые изрѣзали и изрыли ледникъ по всѣмъ направленіямъ; морскія волны, ударяясь постоянно о ледяной берегъ, подмыли его основаніе, и кристальныя массы, лежащія выше, лишившись опоры, рухнули въ море.

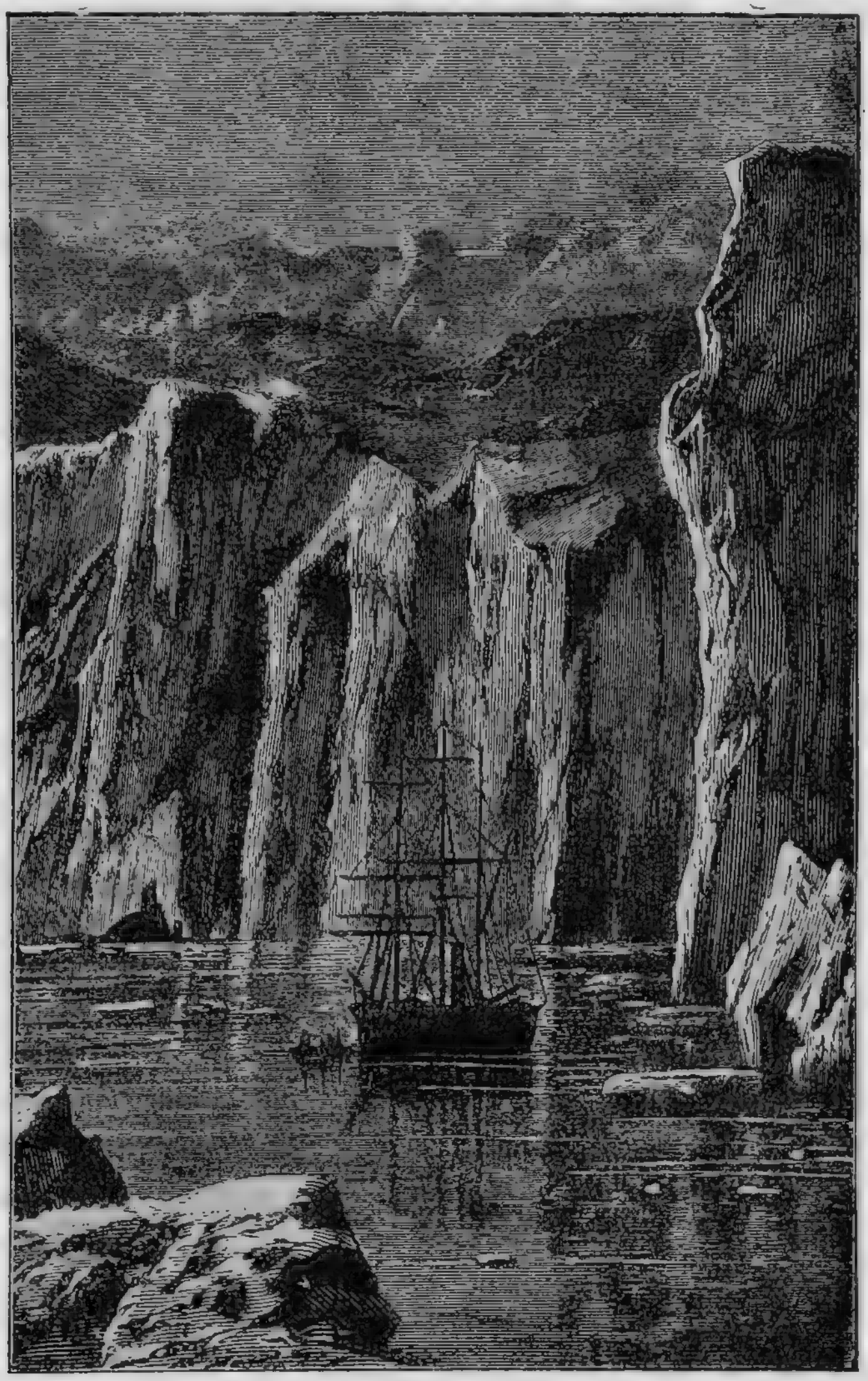
Докторъ Гессъ сравниваетъ обвалившійся фасадъ ледника Тиндаля съ полуразрушенной галлереей гигантскаго зданія: «тутъ,—говоритъ онъ,—выступившая вершина готическаго собора, тамъ—большое стрѣльчатое окно, дальше—нормандская паперть съ глубокимъ проваломъ, потомъ—колонны, то гладкія, то изборожденныя, надъ ними навѣсы свода, заканчивающагося кристальными иглами, а наверху, надъ всѣми арками и галле-

реями, полными тѣни, высятся остроконечныя колокольни, зубчатыя башни, доходящія своими шпицами до самой вершины огромнаго фасада ледника и размножающіяся позади его въ безпредѣльномъ количествѣ». Въ тѣ минуты, когда ярко сіяетъ солнце, мрачные ледники оживаютъ: серебристая бѣлизна льдовъ. лазурь въ глубинѣ слоевъ, свѣтло-зеленый цвѣтъ моря, проникающаго въ хрустальные гроты, радуга, играющая тысячью переливовъ въ пѣнистыхъ брызгахъ водопадовъ, — все это сіяетъ волшебнымъ огнемъ, озаряя подобно иллюминаціи эти темные дворцы.

Архитектурное положеніе льдовъ, только что описанное нами, не постоянно; оно вѣчно измѣняется. Тамъ, гдѣ нѣсколько дней назадъ высился ледяной шпицъ, явилось пустое пространство, вмѣсто ямы или прямой плоскости воздвиглись столбы, и вновь представившаяся картина ледника не имѣетъ ничего общаго съ прежней.

Докторъ Гессъ былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ перемѣнъ, совершающихся почти всегда внезапно. Онъ находился въ 1869 году въ фіордѣ Сермитсіаликъ, на яхтѣ «Пантера». Любуясь вмѣстѣ съ экипажемъ величественнымъ видомъ ледника, онъ вдругъ услышалъ рядъ оглушительныхъ ударовъ, вслѣдъ за которыми огромныя глыбы льда отдѣлились отъ верхней части главнаго корпуса и рухнули въ море, поднявъ въ немъ бѣшеные валы, едва не потопившіе судна. Затѣмъ раздался ужасный трескъ, сухой, острый, и перепуганные моряки приготовились быть свидѣтелями полнаго обвала. Мѣстность была самая живописная: цѣлый лабиринтъ большихъ ледяныхъ столбовъ, возвышающихся надъ стрѣльчатыми арками, а впереди—стройная ледяная башня, болѣе 200 футовъ вышиной, совершенно изолированная отъ остальной части ледника и ушедшая своимъ основаніемъ въ прозрачныя волны моря. — «И вотъ,—говоритъ докторъ Гессъ,—слышанный нами трескъ произошелъ вслѣдствіе надлома этой чудной кристальной башни. Точно лишившись опоры, она стала тихо опускаться въ зіяющую бездну. Это не было паденіе, это было разслоеніе, которое продолжалось съ четверть минуты. Башня разсыпалась, точно

состояла изъ чешуи, или, вѣрнѣе, изъ листочковъ, которые отпадали слой за слоемъ. Въ первое мгновеніе мы не могли



Фасадъ ледника.

дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ, такъ какъ весь фасадъ ледника былъ подернутъ легкой дымкой; но вотъ

изъ груди нашей вырвались невольные крики восторга; казалось, никакая опасность не могла бы нарушить обаянія подобнаго зрѣлища; волненіе наше не знало границъ, когда наконецъ высокій шпицъ башни медленно спустился въ бездну пѣны и навѣки исчезъ въ ней. Другія части ледника испытали въ свою очередь подобное же распаденіе, причиненное, конечно сотрясеніемъ отъ перваго обвала. Множество колоннъ менѣе совершенной формы обрушивались такимъ же образомъ; отдѣлявшіеся отъ нихъ пласты съ шумомъ падали въ море, среди рева волнъ, а вся ледяная масса трещала, гудѣла, издавала стоны. Потомъ всѣ отдѣльные звуки слились въ одинъ страшный ревъ, отраженный эхомъ горъ и наведшій ужасъ на весь экипажъ.

Самые оглушительные раскаты грома —ничто въ сравненіи съ этимъ воплемъ разбивающагося льда. Казалось, были надломлены самыя основанія всего земного шара. Отъ начала паденія первой колонны шумъ возрасталъ съ каждой минутой съ поразительной регулярностью; онъ напоминалъ собою завываніе вѣтра передъ бурей, которое постепенно переходитъ въ страшный ревъ вихря, съ корнемъ вырывающаго деревья и крутящаго все, что попадется ему на пути».

Во время этого смятенія можно было различить, какъ на морѣ образуется валъ, который, все расширяясь и возвышаясь, постепенно ускорялъ свой ходъ и наконецъ понесся съ быстротою шквала; рринувшись на утесистый берегъ, онъ достигъ своимъ хребтомъ до ста футовъ высоты и съ шумомъ скатился въ море. За этимъ первымъ шкваломъ послѣдовалъ второй, третій, и, наконецъ, волны стали затихать. Только смятеніе, причиняемое землетрясеніемъ, можетъ сравниться съ тѣмъ, что происходило въ то время на морѣ. Къ счастью, якорь «Пантеры» держался крѣпко, иначе судно взбрасываемое хребтами волнъ, давно было бы унесено и разбито о скалы.

ГЛАВА II.

Полярное море.

Вліяніе Гольфстрема. — Ледоходъ. — Ледяныя поля. — Образованіе льдовъ въ открытомъ морѣ. — Опасности полярнаго моря. — Отраженіе льдовъ на небѣ. — Туманы. — Суда, унесенныя плавающими льдинами. — Гипотеза о существованіи Свободнаго Полярнаго моря. — Палеокристальное море.

Море не имѣетъ той пассивности, неподвижности, какою отличается земля. Оно оживлено особою внутреннею жизнію. Благодаря непрерывному движенію своихъ волнъ, легкости смѣшенія и подвижности своихъ жидкихъ частицъ, оно защищается отъ дѣйствія холода и борется противъ попытокъ зимы заковать его льдомъ. Даже Ледовитому океану удается въ нѣкоторыхъ пунктахъ отстаивать свою незамерзаемость благодаря помощи другого океана, Атлантическаго. Послѣдній посылаетъ ему черезъ широкій каналъ между Гренландіей и Норвегіей одно изъ самыхъ могущественныхъ своихъ теченій,—Гольфстремъ.

Эта рѣка Атлантики почерпаетъ свои воды въ теплыхъ тропическихъ странахъ; она мчитъ ихъ въ Мексиканскій заливъ, огибаетъ Флориду, затѣмъ отдаляется отъ американскихъ береговъ и, направивъ одну изъ своихъ вѣтвей къ Баффинову морю, вдоль Гренландіи, сама течетъ къ Европѣ; здѣсь она проходитъ вдоль берега Франціи и Британскихъ острововъ, омываетъ острова Янъ-Майенъ, острова Шерри, западную сторону Шпицбергена и Новой Земли и проникаетъ даже въ полярный бассейнъ. Благодѣтельное вліяніе этого теченія, которое мало охлаждается отъ соприкосновенія съ водами холодныхъ странъ, слишкомъ очевидно. Благодаря ему Норвежскій берегъ не покрывается льдомъ даже въ сѣверной своей части; климатъ острововъ Шерри, мимо которыхъ оно проходитъ, отличается несравненно меньшей суровостью, чѣмъ климатъ острова Мельвиля, лежащаго на той-же широтѣ; благодаря ему-же, въ проливѣ, омывающемъ западный берегъ Гренландіи,

не замерзаетъ вода, тогда какъ восточный берегъ загроможденъ льдами, западные берега Шпицпергена и Новой Земли тоже рѣзко отличаются своей температурой отъ восточныхъ, на которыхъ не отражается благотворнаго вліянія Гольфстрема.

Воды замерзаютъ во всѣхъ тѣхъ сѣверныхъ странахъ, гдѣ Гольфстремъ не проходитъ или заслоняется и покоряется полярнымъ теченіямъ; но замерзаютъ онѣ не сразу, онѣ долго борятся съ налагаемымъ на нихъ игомъ, выражая свое возмущеніе штормами.

Первыми замерзаютъ фіорды, заливы и устья рѣкъ, а за ними ледъ сковываетъ море. Громадная сплошная льдина прицѣпляется къ берегу Сибири, переплываетъ Беринговъ проливъ, надавливаетъ своей массой на американскій берегъ, сжимаетъ архипелагъ Парри, переходитъ черезъ Баффиново море и соединяетъ собою Гренландію со Шпицбергеномъ, а Шпицбергенъ съ Новой Землей. Такимъ образомъ въ теченіе трехъ четвертей года сѣверный полюсъ на громадное пространство окруженъ непреодолимымъ ледянымъ барьеромъ.

Издали эти безграничныя ледяныя поля, покрывающія море вплоть до горизонта, кажутся гладкими и непрерывными; они напоминаютъ безконечныя однообразныя степи Россіи; но въ дѣйствительности они отличаются неровностью и шероховатостью. Вслѣдствіе внезапныхъ измѣненій въ температурѣ, или дѣйствія приливовъ и отливовъ, льдины перемѣщаются и разламываются на множество частей всевозможныхъ размѣровъ; части эти, сильно сталкиваясь, принимаютъ различныя положенія, подпирая другъ друга или взгромождаясь одна на другую; потомъ морозы перепаиваютъ по своему всѣ отдѣльные ледяные островки и образуютъ сплошную льдину, взъерошенную шероховатостями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледяная кора представляетъ изъ себя настоящій хаосъ формъ. Это — цѣлый лабиринтъ утесовъ и обрывовъ, косыхъ и перпендикулярныхъ терасъ, остроконечныхъ скалъ, раздѣленныхъ долинами и ущельями, — точно Скалистыя Горы въ маломъ размѣрѣ, по сравненію одного американскаго путешественника.

Лѣтомъ льдины трескаются и раздѣляются; обширныя ледяныя равнины отстаютъ отъ главной массы, приросшей къ

На айсбергѣ.

землѣ, и плывутъ; подобно огромнымъ плотамъ двигаются онѣ по волѣ теченій и вѣтровъ. Однѣ спускаются черезъ Берин-

говъ проливъ въ Тихій океанъ; другія, слѣдуя съ запада на востокъ, огибаютъ сложный лабиринтъ острововъ Парри и выходятъ черезъ Ланкастерскій проливъ; третьи проходятъ черезъ Кенедскій каналъ, Смитовъ проливъ и собираются въ Баффиновомъ морѣ, откуда направляются къ Атлантическому океану, соединяясь съ тѣми льдинами, которыя идутъ отъ Шпицбергена и восточнаго берега Гренландіи. Это всемірный ледоходъ; все море загромождается ледяными пластами, которые, слѣдуя другъ за другомъ, распускаются въ теплыхъ водахъ. Движеніе ихъ медленно и величественно; они плывутъ въ глубокомъ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ глухимъ трескомъ разбивающагося льда. Иногда на этихъ ледяныхъ плотахъ плывутъ цѣлыми стаями птицы и тюлени.

Размѣры пловучихъ льдинъ очень разнообразны. Нѣкоторыя изъ нихъ равняются нѣсколькимъ сотнямъ квадратныхъ километровъ, другія измѣряются метрами. Тоже можно сказать и объ ихъ толщинѣ. Тѣ, которыя пережили одну зиму, сравнительно тонки; онѣ имѣютъ не болѣе двухъ метровъ надъ поверхностью воды и пяти или шести метровъ подъ водою. Другія-же льдины, болѣе сложной формаціи, отличаются несравненно большей толщиной. Докторъ Гессъ описалъ одну изъ послѣднихъ, видѣнную имъ въ Баффиновомъ морѣ: въ десять километровъ длины и въ семь — ширины, льдина эта въ самыхъ низкихъ своихъ частяхъ возвышалась надъ уровнемъ моря на двадцать футовъ; вся толщина этой огромной массы должна была равняться 160 футамъ, а вѣсъ — шести милліардамъ тоннъ *); поверхность ея была покрыта круглыми холмами въ 80 футовъ вышины, раздѣленными глубокими, извилистыми долинами; кругомъ она была окаймлена цѣпью остроконечныхъ горъ, изъ которыхъ многія имѣли 100 и 120 футовъ высоты. Возвышенности эти образовались вслѣдствіе скопленія ледяныхъ глыбъ всевозможныхъ размѣровъ. Множество иглъ самыхъ фантастическихъ очертаній украшали еще льдину по всѣмъ направленіямъ.

*) Тонна — 62 пуда.

«Еслибъ тысячи городовъ, подобныхъ Лиссабону, — говоритъ докторъ Гессъ, — обрушились другъ на друга, они не могли-бы представить болѣе величественной и хаотической груды обломковъ».

Подобнаго рода ледяныя поля образуются въ глубокихъ фіордахъ, въ полной безопасности отъ вѣтровъ и волненій открытаго моря; они пріобрѣтаютъ здѣсь такую толщину, что солнце одного лѣта не въ силахъ растопить ихъ. Съ теченіемъ времени они покрываются густыми слоями снѣга, который, замерзая, постоянно увеличиваетъ ихъ толщину. Часто во время ледохода они отрываются отъ берега и бродятъ по океану, напоминая собой плавающіе глетчеры; понемногу они приближаются къ южнымъ морямъ, гдѣ и распускаются. Если-же имъ попадется на пути какой-нибудь мысъ, который ихъ остановитъ, они сростаются съ одной изъ старыхъ льдинъ и, такимъ образомъ, продолжаютъ свое существованіе и развитіе. На берегахъ Сибири и Гренландіи можно встрѣтить такія ледяныя глыбы, которыя существуютъ цѣлые вѣка и, вѣроятно, никогда не растаютъ.

Но замкнутыя бухты, фіорды и узкіе каналы несоставляютъ необходимости для образованія льдовъ въ океанѣ. Даже и въ совершенно открытомъ морѣ при страшныхъ зимнихъ морозахъ могутъ образоваться ледяныя поля еще большаго протяженія.

Мореплаватель Скоресби видѣлъ, какъ въ открытомъ океанѣ подъ 72^0 с. ш. образовался ледъ такой толщины, что корабль, несомый хорошимъ вѣтромъ, былъ задержанъ на своемъ пути.

Сначала образуются мелкіе отдѣльные кристаллы, будто снѣжинки, плавающія въ водѣ. Они уравниваютъ морскую поверхность и устраняютъ волненіе, какъ масло, налитое сверху. Подъ вліяніемъ сильнаго холода отдѣльные кристаллы должны смерзаться въ плоскіе куски, но этому мѣшаетъ волненіе моря, такъ что обыкновенно образуются небольшія округлыя льдинки дюйма въ 3 въ поперечникѣ; но лишь волненіе хотя немного уменьшается, эти чешуеобразные диски сростаются между собою въ льдины большей величины, уже около 1—3 футовъ въ поперечникѣ.

Если же случится, что волненіе моря, хотя на время, совершенно прекратится, то въ нѣсколько часовъ образуются огромныя льдины, и случается, что въ однѣ сутки поверхность моря на необозримое пространство покрывается сплошною ледяною корой. Самыя большія ледяныя поля въ Ледовитомъ океанѣ образуются, вѣроятно, именно такимъ образомъ, при чемъ толщина ихъ, сначала незначительная, съ теченіемъ времени увеличивается до 10—15 фут.

Наоборотъ: сильный вѣтеръ можетъ взломать ледяную поверхность на огромномъ пространствѣ, искрошить и уничтожить ледяныя поля и даже толстыя ледяныя глыбы.

Такимъ образомъ, арктическій океанъ, замерзающій зимой, покрытый лѣтомъ плавающими льдинами, не бываетъ никогда свободнымъ и удобнымъ для безопаснаго плаванія судовъ.

И сколько препятствій, сколько опасностей встрѣчаютъ отважные мореплаватели въ этомъ коварномъ океанѣ!

Особенно опаснымъ оказывается плаванье въ морѣ, наполненномъ плавучими льдинами во время бури.

«Нѣтъ словъ, говоритъ капитанъ Бичи, участникъ знаменитой экспедиціи Франклина въ 1818 г.: которыми можно было-бы описать страшную борьбу льда съ бушующимъ океаномъ. Повсюду, гдѣ бурное море бьетъ своими громадными волнами о твердый предметъ—берегъ или скалу, повсюду оно представляетъ чудное, поразительное зрѣлище; но эффектъ необыкновенно усиливается, если бурное море борется съ громадными массами, которыя и сами находятся въ мощномъ движеніи. Волна ударяетъ черезъ ледяную скалу и скрываетъ ее на нѣсколько саженей подъ водой; но вслѣдъ за этимъ снова выходитъ изъ-подъ воды скала; шумящими водопадами стекаютъ волны съ ея главы, и каждая отдѣльная масса, покачиваясь на своемъ лонѣ, трется, бьется и борется со своими сосѣдями, пока не раздробится на тысячи кусковъ и не взгромоздится на хребетъ ближайшей ледяной скалы. И такая гигантская битва не ограничивается какимъ-нибудь отдѣльнымъ пунктомъ, а повторяется въ безконечномъ разнообразіи на всемъ горизонтѣ.

Если къ этой судорожной сценѣ прибавить блескъ льда, отражающагося на темныхъ тучахъ какимъ-то неестественнымъ серебристымъ блескомъ, то читатель можетъ себѣ представить, какое страшное и въ то же время торжественное и высокое впечатлѣніе должна произвести эта картина на зрителя»...

Безконечныя опасности представляются тогда для корабля, попавшаго въ эту борьбу разъяренной стихіи со льдами.

... Летитъ корабль по вѣтру на встрѣчу льдамъ, рѣшительная минута все ближе и ближе. Всѣ, затаивъ дыханіе, съ замираніемъ сердца ждутъ страшнаго удара... Трещитъ остовъ корабля, какъ будто разламывается онъ, гнутся мачты, но судно отскакиваетъ назадъ. Хотя оно сдѣлало глубокую трещину въ ледяной стѣнѣ, но набѣгающія сзади волны отбрасываютъ корабль боковою стороною къ бурному морю.

Отдѣльныя ледяныя скалы, какъ будто брошенныя рукою невидимаго исполина, бьютъ бока корабля... Какъ выдержать ему такіе удары? Хотя мачты чуть не ломятся подъ страшнымъ напоромъ вздутыхъ парусовъ, но число послѣднихъ нужно еще увеличить, чтобы поворотить корабль и придать ему силу глубже врѣзаться въ ледъ. Трудная задача во время бури и въ такомъ положеніи, но для героевъ моряковъ, которые отваживались вступать въ борьбу съ мрачнымъ геніемъ сѣвернаго океана — все возможно... Корабль слушаетъ своего начальника, какъ конь хорошаго наѣздника; медленно поворачивается судно носомъ ко льду, рѣжетъ четырнадцатифутовую толщину льдины, доселѣ грозившей гибелью, а теперь сдѣлавшейся спасительнымъ брустверомъ, защищающимъ корабль отъ ударовъ другихъ пловучихъ скалъ, и въ такой самодѣльной бухтѣ спокойно ждетъ корабль окончанія бушующаго шторма.

Къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ Полярнаго моря принадлежитъ отраженіе льдовъ на небѣ. Прямо надъ горизонтомъ появляется въ воздухѣ свѣтлая полоса, похожая отчасти на утреннюю зарю, только безъ краснаго отблеска и на ней вырисовывается подробнѣйшая карта льдовъ, находящихся за 20—30 миль за границею обыкновеннаго кругозора.

Для опытнаго морехода такая небесная карта иногда можетъ быть весьма полезной, такъ какъ по ней можно судить не только о присутствіи вблизи значительныхъ скопленій льдовъ, но и о взаимномъ ихъ расположеніи, и о свойствѣ самыхъ льдовъ. Опытный взглядъ по этому отраженному изображенію можетъ даже опредѣлить, рыхлый-ли ледъ или сплошной, есть-ли въ немъ проходы и въ какомъ мѣстѣ они находятся.

Такъ напр. Скоресби въ своемъ достопамятномъ плаваніи 7 іюня 1821 г. только такимъ образомъ и могъ оріентироваться въ лабиринтѣ льдовъ, въ который попало его судно. На небѣ появилось ясное изображеніе льдовъ, которые находились миль на 30 впереди; Скоресби довольно точно могъ опредѣлить число ледяныхъ полей, ихъ величину и очертанія. Сплошной ледъ давалъ мутный желтоватый отблескъ, тогда какъ проливы и свободныя ото льда пространства обозначались голубоватыми полосами или голубовато-черными пятнами на небѣ. Слѣдуя согласно указаніямъ этой карты, начертанной на небѣ, Скорезби съумѣлъ отыскать выходъ изъ льдовъ долго сковывавшихъ его корабль.

Такимъ образомъ заботливая природа даже въ такихъ негостепріимныхъ и обездоленныхъ странахъ, каковы полярныя области океана, подаетъ человѣку руку помощи и облегчаетъ борьбу съ препятствіями, которыя сама же она нагромождаетъ на пути мореходца.

Къ наиболѣе опаснымъ и неблагопріятнымъ для мореплавателей свойствамъ Полярнаго моря надо причислить необыкновенно густые туманы, которые почти постоянно окутываютъ поверхность моря на необозримое пространство и держатся по цѣлымъ недѣлямъ. Они совершенно застилаютъ горизонтъ и мѣшаютъ обозрѣть окрестности, такъ что мореходцамъ остается или идти на угадъ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ, или же стоять на якорѣ у какой-нибудь ледяной горы, ожидая, пока хотя на минуту разорвется непроницаемая пелена тумана и можно будетъ что нибудь разсмотрѣть вокругъ.

Кромѣ того такіе туманы, особенно если они держатся

долго, производятъ чрезвычайно удручающее впечатлѣніе на мореплавателей, а влажный пронизывающій холодъ тумана весьма вредно отзывается на ихъ здоровьи.

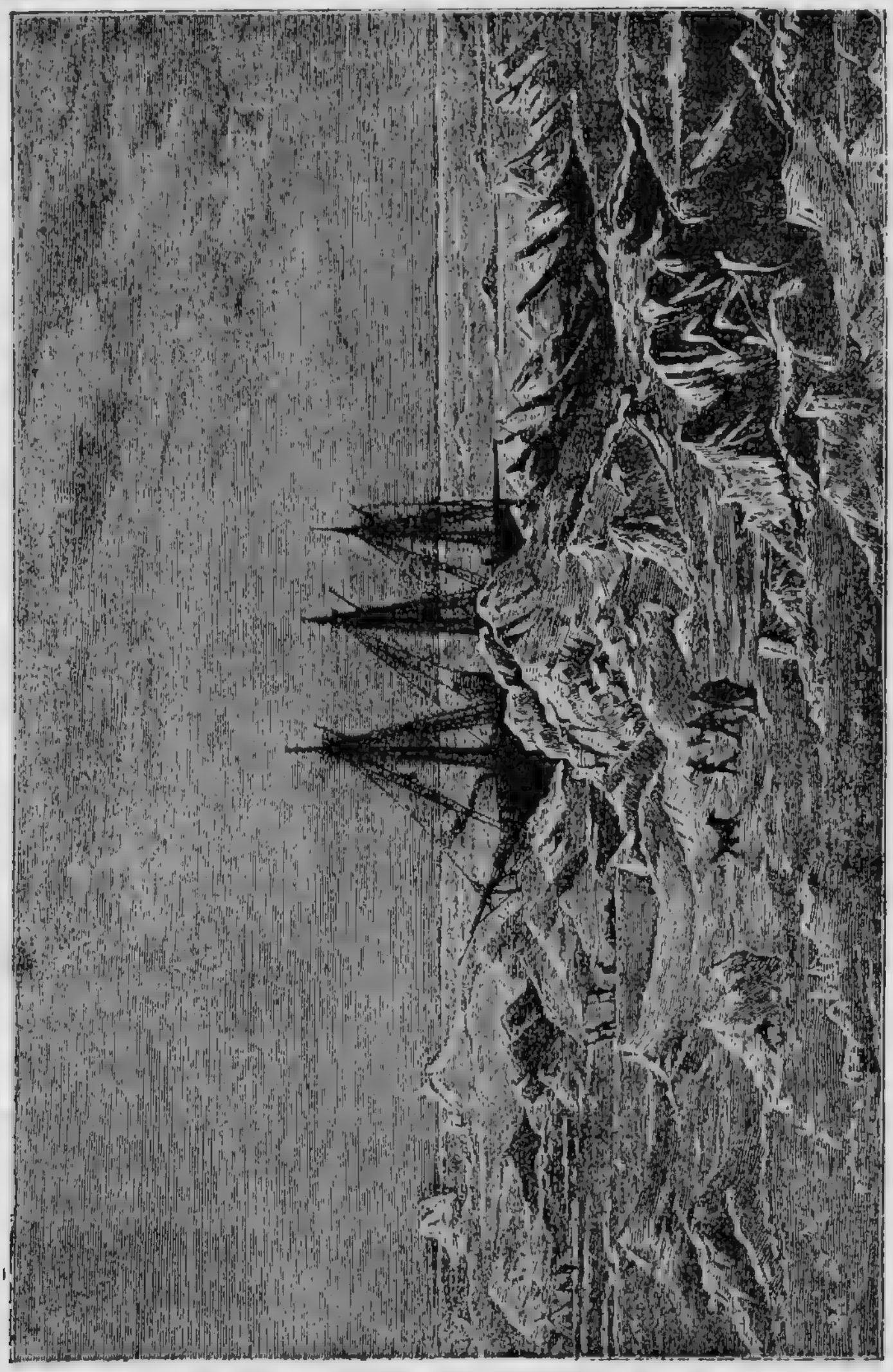
Самое благопріятное для мореплавателей время, это — іюль и августъ; но горе имъ, если ихъ застанутъ холода: при первомъ-же морозѣ плавающія льдины, окружающія суда, сомкнутся и не выпустятъ свою жертву въ продолженіе десяти мѣсяцевъ; даже по прошествіи этого срока они могутъ остаться въ тискахъ ледяной глыбы, которая долго будетъ носиться по открытому морю, часто проходя даже полярный кругъ. Подобные случаи не рѣдкость: въ 1849 году два судна—«l'Entreprise» и «l'Jnvestigator», подъ командой Джемса Росса, были захвачены ледянымъ полемъ, имѣющимъ болѣе пятидесяти миль въ окружности, и увлечены черезъ проливы Барровъ и Ланкастерскій въ Баффиново море. Это вынужденное путешествіе удручало экипажъ своей медленностью: за цѣлый день суда проходили отъ 3—2 миль. Наконецъ, безъ всякой видимой причины, точно по волшебству, сковавшая ихъ льдина разлетѣлась на тысячи осколковъ, и суда были освобождены. Въ сентябрѣ 1850 года два американскихъ корабля изъ Гринелльской экспедиціи, посланные по приказанію капитана Гавенъ на поиски Джона Франклина, были на томъ-же пути захвачены такимъ-же ледянымъ полемъ. Они получили свободу только десять мѣсяцевъ спустя, въ іюлѣ 1851 года, пройдя за это время 400 миль. Капитанъ Мак-Клинтокъ со своимъ судномъ «Фоксъ» былъ въ 1857 году захваченъ въ плѣнъ плавающимъ ледянымъ островомъ, на которомъ онъ провелъ девять мѣсяцевъ, спустившись за это время изъ верхней части Мельвиллской бухты до нижней части Девисова пролива, т. е. отъ 75° до 63 широты; сильная буря, разразившаяся на морѣ, внезапно освободила его. Лѣтомъ 1867 года въ одинъ изъ американскихъ портовъ прибыло китоловное судно, болѣе года затерянное во льдахъ.

Легко представить себѣ, чему подвергаются суда, захваченныя ледяными глыбами. Временами ледяная кора такъ сильно сжимаетъ корабль, что корпусъ его трещитъ, какъ

орѣхъ въ щипцахъ. Иногда подъ вліяніемъ движеній моря кора перемѣщается, колеблется, приподнимается и несчастное судно испытываетъ бѣшеную качку, — килевую и боковую, среди окаменѣлыхъ, кристальныхъ волнъ. Наконецъ, вслѣдствіе столкновенія съ другими льдинами или съ противными теченіями, на ледяномъ полѣ образуются трещины во всю длину его поверхности, при чемъ множество ледяныхъ осколковъ взлетаетъ на воздухъ; такимъ-же образомъ подбрасываются и суда, находившіяся на мѣстѣ трещины.

До сихъ поръ мы говорили только о моряхъ, омывающихъ берега материковъ и острововъ. Но что-же дѣлается въ тѣхъ безпредѣльныхъ пространствахъ, которыя удаляются отъ береговъ и простираются до полюса? Долгое время всѣ держались того мнѣнія, что полярный бассейнъ не покрывается льдомъ. Въ подтвержденіе этой гипотезы приводились теоріи и факты. Многіе доказывали, что ледъ образуется только въ сосѣдствѣ съ землей, — около береговъ и на возвышенныхъ мѣстахъ; въ открытомъ-же морѣ, при постоянномъ волненіи воды, вызываемомъ вѣтрами и теченіями, при смѣшеніи и перемѣщеніи, верхнихъ холодныхъ слоевъ съ теплыми нижними, вода не можетъ замерзать. Еще въ 1590 году, во времена Баренца многіе утверждали, что къ востоку отъ сѣверной оконечности Новой Земли существуетъ море, удобное для плаванія судовъ, что голландскіе рыбаки плавали вокругъ Шпицбергена по всѣмъ направленіямъ; Скоресби заходилъ со своимъ судномъ далѣе 81° широты, описывая примѣты тѣхъ полосъ воды, которыя встрѣчались ему на пути среди льдинъ около полюса; въ 1822 году адмиралъ Врангель, путешествуя со своими спутниками по сѣверному берегу Сибири, покрытому льдомъ, былъ внезапно остановленъ открывшимся передъ нимъ безграничнымъ моремъ, которое съ тѣхъ поръ стало обозначаться на всѣхъ картахъ подъ именемъ «Полинія». Ко всѣмъ этимъ даннымъ докторъ Канъ прибавляетъ въ 1854 году новый аргументъ: многіе изъ его экипажа, достигнувъ на саняхъ мыса Конституціи, на землѣ Вашингтона, не могли обогнуть этотъ мысъ вслѣдствіе открывшейся передъ ними воды; поднявшись на возвышеніе,

они увидѣли огромное водяное пространство, волны котораго съ шумомъ ударяли о выступы берега; кромѣ того таяніе



Корабль затертый льдами.

снѣга на скалахъ, появленіе множества птицъ, убогая растительность, возрастающее повышеніе термометра,—все это слу-

жило признакомъ того, что по мѣрѣ приближенія къ самому полюсу климатъ долженъ становиться теплѣе. Наконецъ, въ 1861 году докторъ Гессъ, миновавъ мысъ Либеръ и проникнувъ на сѣверъ на 180 километровъ дальше доктора Кана, поднялся на одну скалу въ 800 футовъ высоты, откуда увидѣлъ огромную ледяную пелену, испещренную вдали безчисленными бассейнами проточной воды, которые соединялись на горизонтѣ въ одинъ безпредѣльный резервуаръ черновато-синяго цвѣта: онъ не сомнѣвался тогда, что вступилъ на берегъ великаго Свободнаго моря полюса.

Но съ тѣхъ поръ появилось много фактовъ, опровергающихъ прежнюю гипотезу. Австро-Венгерская экспедиція Тегетгофа, открывшая въ 1872 г. землю Франца Іосифа, къ сѣверу отъ Новой Земли, углубилась на сѣверъ далѣе 82° и очутилась лицомъ къ лицу не съ обширнымъ моремъ, а съ маленькимъ бассейномъ проточной воды, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ ледяной равниной, примыкавшей сѣвернѣе къ какимъ-то неизвѣстнымъ землямъ. Въ 1873 году Галль, несчастный командиръ «Polaris'a», погибшаго въ этомъ путешествіи, открылъ только новый, замерзшій каналъ Робезоновъ, составляющій продолженіе Кеннедскаго пролива. Послѣ него въ 1875 году капитанъ Нарсь со своими лейтенантами Маркагамомъ, Альдрихомъ и Бомонтомъ, казалось, достигли, наконецъ, берега Свободнаго моря; при выходѣ изъ Робезонова пролива они замѣтили, что земля уклоняется съ одной стороны къ востоку, съ другой—къ западу и югу; но вмѣсто желаннаго Свободнаго моря передъ ними раскрывалось огромное ледяное пространство,—скопленіе массивныхъ, вѣковыхъ льдинъ, постоянно увеличивавшихся отъ зимнихъ снѣговъ и достигавшихъ своей толщиной отъ 84 до 100 футовъ.

Эта ледяная масса — неровная, холмистая, неудобная для ѣзды, плотно опиралась въ берегъ Гренландіи и далѣе, насколько могъ прослѣдить лейтенантъ Альдрихъ, въ землю Гранта; на сѣверъ она простиралась за 83 градусъ. Это замерзшее море получило наименованіе «Палеокристальнаго», вслѣдствіе древности покрывающаго его льда.

Но до какихъ-же поръ тянется Палеокристальное море? Занимаетъ-ли оно весь полярный бассейнъ? Мореплаватели, открывшіе это море, утверждаютъ, что оно безпредѣльно и недоступно ни для какихъ изслѣдованій. Царствующее на немъ безмолвіе, отсутствіе тюленей, бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ соколовъ и другихъ птицъ, которыя направлялись-бы къ сѣверу, все это болѣе или менѣе доказываетъ, что за этимъ моремъ не существуетъ ни земель, ни проточной воды. Но во всякомъ случаѣ было-бы слишкомъ смѣло считать это за непреложную истину. До сихъ поръ полюсъ хранитъ свою тайну; можно было-бы признать се непроницаемой и для грядущихъ временъ, если-бъ любопытство и смѣлость человѣка имѣли предѣлы.

ГЛАВА III.

Пловучія ледяныя горы.

Происхожденіе „айсберговъ“. — „Рожденіе“ айсберга. — Колоссальный объемъ и странныя формы этихъ льдовъ. — Волшебное зрѣлище. — Столкновеніе айсберга съ судномъ. — Разрушеніе ледяныхъ горъ.

Въ морѣ кромѣ плоскихъ льдинъ различныхъ размѣровъ: отъ небольшихъ дисковъ въ 1 ф. въ поперечникѣ до ледяныхъ полей протяженіемъ въ нѣсколько сотъ верстъ, есть еще другого рода и иного происхожденія льдины, наиболѣе колоссальныя. Это—ледяныя горы или «айсберги», оторванныя части отъ тѣхъ ледниковъ, которые, какъ раньше указано, образуются на возвышенныхъ мѣстахъ арктическихъ странъ. Эти огромныя глыбы замерзшей прѣсной воды, — обычное произведеніе снѣговъ, — рѣзко отличаются своимъ живописнымъ видомъ отъ однообразныхъ ледяныхъ полей, и множество мореплавателей, несмотря на всю опасность встрѣчи съ «айсбергами», не могли отказать себѣ въ удовольствіи любоваться ими.

Образованіе ледяныхъ горъ не одинаково. Однѣ отдѣляются отъ фасада ледника и падаютъ въ море; другія, вынырнувъ

изъ глубины, плаваютъ на морской поверхности, — явленіе на первый взглядъ непонятное, но при внимательномъ наблюденіи легко объяснимое. Мы говорили раньше, что ледникъ, достигнувъ берега моря, продолжаетъ свое медленное, но непрерывное движеніе; онъ вытѣсняетъ воду, идетъ по дну океана, исчезая подъ водой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина послѣдняго превышаетъ его высоту. Онъ движется по дну океана иногда на разстояніи нѣсколькихъ миль. Но ледъ имѣетъ меньшую плотность, чѣмъ вода, онъ, какъ болѣе легкій, стремится наверхъ; такимъ образомъ начинается непрерывная борьба между водой, стремящейся вытолкнуть тѣ окраины подводной льдины, которыя не достаютъ до дна, и между послѣдними, не поддающимися напору воды вслѣдствіе своего сцѣпленія съ основной подводной массой и въ силу своей тяжести. Наконецъ законъ равновѣсія беретъ верхъ: подводный ледникъ уступаетъ, ломается, и выдающаяся его часть, освобожденная отъ сдерживавшихъ ее узъ, всплываетъ на поверхность воды въ формѣ колоссальной льдины.

Докторъ Гессъ былъ свидѣтелемъ появленія одного изъ такихъ «айсберговъ»*); онъ утверждаетъ, что болѣе грандіознаго зрѣлища не видѣлъ во всю свою жизнь. Стоя на одномъ изъ холмовъ на западной сторонѣ Гренландіи, надъ фіордомъ Окпадлартокъ (среди Красныхъ Скалъ), онъ наблюдалъ различные островки, скалы и множество плавающихъ льдинъ, почти сплошь покрывающихъ поверхность моря. Вдругъ спутникъ его, мѣстный охотникъ, прервалъ его размышленія: «Слушайте! ледникъ будетъ *разрѣшаться*». Это выраженіе употребляется въ Гренландіи при появленіи на свѣтъ новаго айсберга. Въ ту же минуту раздался оглушительный ударъ, сопровождаемый другими, еще болѣе сильными; казалось, раздирались подземные пласты, точно въ моментъ землетрясенія.

«Смотрите!—крикнулъ охотникъ,—вотъ онъ поднимается!» Дѣйствительно, часть огромной льдины величественно всплывала на поверхность. Морскія волны, вытиснутыя новымъ пришельцемъ, съ шумомъ ударили въ другіе айсберги и зака-

*) Айсбергъ—нѣмецкое слово, означающее: „ледяная гора“.

чалп ихъ. Въ то же время раздался продолжительный трескъ, напоминающій собой цѣлый рядъ пушечныхъ выстрѣловъ: это былъ послѣдній разрывъ, — полное освобожденіе кристальной глыбы отъ подводной ледяной массы.

«Она выплыла изъ бездны подобно левіаѳану *), поднявшему надъ волнами свою чудовищную голову, — говоритъ свидѣтель этой сцены,—потомъ, внезапно нырнувъ, она перевернулась, при чемъ верхняя ея часть, выступавшая изъ воды, оказалась внизу, а нижняя, прилегавшая къ леднику, всплыла наверхъ. Воды потревоженныя этимъ переворотомъ, струились съ ея кристальныхъ боковъ и съ шумомъ падали въ бурное море. Дикая круговая качка этого «сына полярныхъ морозовъ» не поддается описанію; качка эта продолжалась нѣсколько часовъ подъ-рядъ, при чемъ новый пришелецъ среди пѣны и паровъ надолго исчезалъ подъ водой и снова всплывалъ на поверхность».

Море въ своемъ волненіи было восхитительно; гигантскія волны, проникая въ фіордъ, яростно ударяли въ вертикальную стѣну ледника и, пѣнясь и завывая, снова падали въ море; другія, высоко вздымая свои бѣлые хребты, носились по поверхности; ледъ, попадаясь имъ на пути, стоналъ, трещалъ, таялъ и разсыпался; самыя маленькія изъ ледяныхъ горъ, не выдерживая ихъ бурнаго натиска, изчезали подъ водой, какъ во время бури. А огромный младенецъ-айсбергъ, причина всего этого смятенія, продолжалъ купаться въ волнахъ; при каждомъ его движеніи отъ него отдѣлялись ледяные пласты, и сухой звукъ надлома ясно слышался среди рева волнъ и звона сталкивающихся льдинокъ.

Только по прошествіи многихъ часовъ вокругъ новой ледяной горы водворилась тишина; гора эта нашла, наконецъ, равновѣсіе и гордо поплыла среди подобныхъ себѣ льдинъ по стихнувшимъ водамъ бухты.

Большинство ледяныхъ «горъ» вполнѣ заслуживаютъ свое названіе. Еслибъ можно было нѣкоторыхъ изъ нихъ вытащить на берегъ и видѣть ихъ во всей величинѣ, онѣ оказались-бы

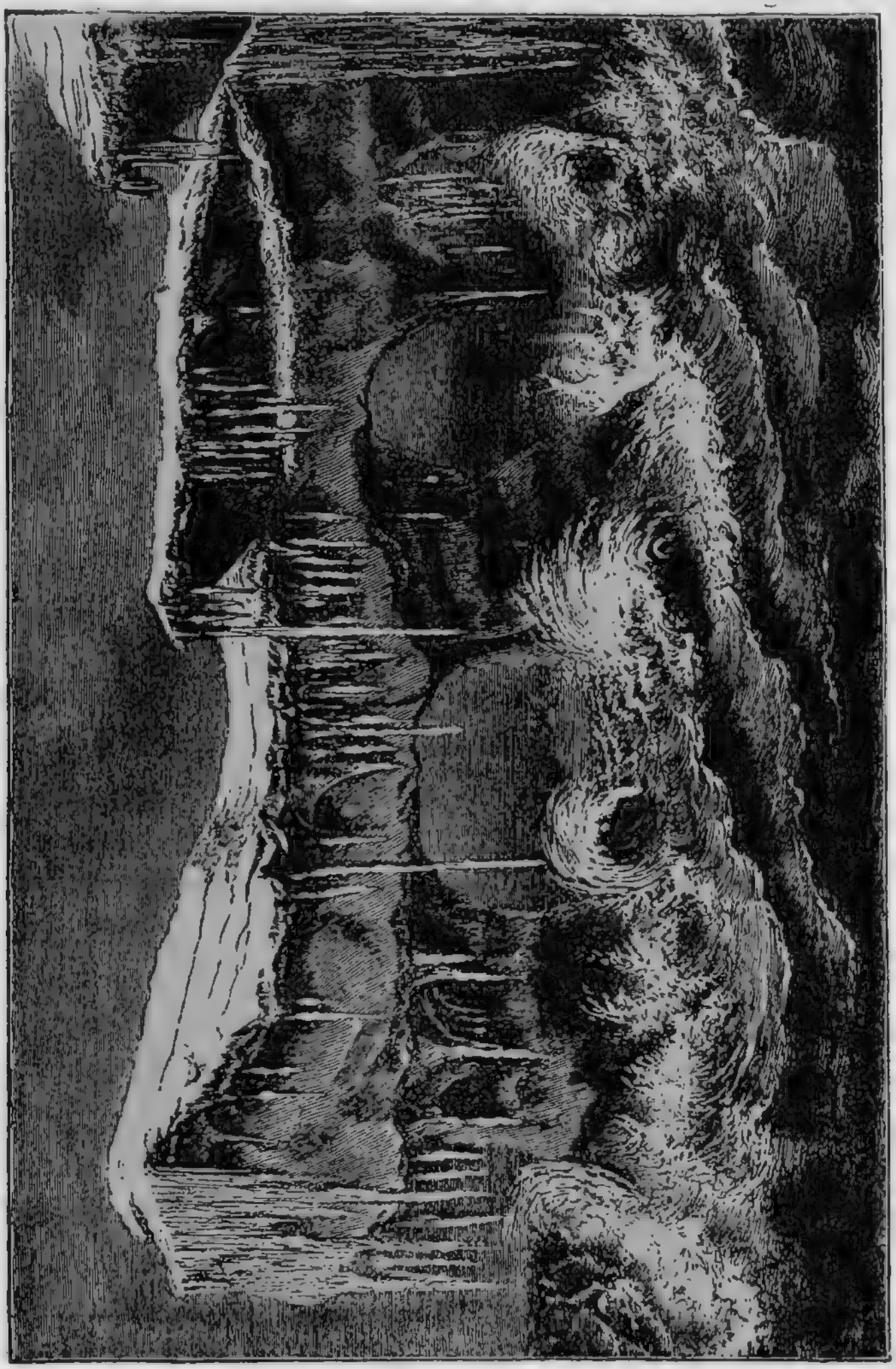
*) Левіаѳанъ — библейское животное.

не меньше настоящихъ горъ. Даже въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются передъ нашими глазами, т. е. показывая намъ одну верхушку и пряча остальную часть подъ водой, онѣ поражаютъ своими размѣрами. Многія надъ уровнемъ моря возвышаются на 60, 80 и 100 метровъ. Длиной и шириной онѣ часто достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ метровъ. Одинъ мореплаватель, желая въ точности измѣрить одного изъ этихъ гигантовъ, съ опасностью жизни вскарабкался на него и изслѣдовалъ его по всѣмъ направленіямъ: самая меньшая изъ его сторонъ имѣла до 1,165 метровъ, самая большая — до 2,000 метровъ; высота надъ уровнемъ моря—60 метрамъ; слѣдовательно объемъ этой льдины только въ одной надводной своей части, выражался чудовищной цифрой въ 1,360,887 тоннъ. Но скрытая подъ водою часть колосса превосходитъ видимую раза въ 4, такъ что вѣсъ всей ледяной горы измѣряется приблизительно въ 6,605,000 тоннъ или въ 389,510,000 пудовъ, а объемъ около 675,000,000 куб. метр., т. е. около $^2/_3$ кубич. версты!

Во время спокойной погоды эти плывущія громады, при своемъ восхожденіи на хребетъ волнъ и паденіи, производятъ страшный шумъ и волненіе, такъ что не только зрѣніе, но и слухъ поражаются одинаково. Однако обыкновенному волненію моря онѣ не подчиняются. Самый сильный вѣтеръ на нихъ повидимому не производитъ никакого дѣйствія, и глядя на быстро несущіяся мимо льдины, кажется, что айсбергъ идетъ даже обратно. При бурѣ айсбергъ можетъ даже дать защиту кораблю, который пріютится отъ вѣтра подъ этою плавучею горою, хотя приближеніе къ айсбергамъ, какъ будетъ видно дальше, далеко не безопасно само по себѣ.

Форма айсберговъ крайне разнообразна и оригинальна. Недавно отдѣлившіяся отъ подводнаго ледника имѣютъ довольно правильныя очертанія, представляя широкія параллельныплощадки и чисто отшлифованныя длинныя грани; но тѣ изъ нихъ, которые, по волѣ теченій, уже долго носились по морямъ, испытывая на себѣ вліяніе солнца и воды и столкновеній съ другими льдинами, тѣ въ своей формѣ до такой сте-

пени разнообразны, что никакимъ сравненіемъ нельзя дать о нихъ яснаго представленія. То—это разрушенный замокъ,



Айсбергъ.

то—готическое зданіе съ высокими колокольнями и остроконечными зубцами; то—развалины города, испытавшаго бомбардировку, то—тріумфальная арка съ высокими воротами,

пли длинный обелискъ, какимъ-то чудомъ стоящій во весь ростъ, то наконецъ,— настоящая каменоломня паросскаго мрамора, изрытая эксплоатаціонными галлереями, подпертыми множествомъ столбовъ.

Есть и другія формы, менѣе грандіозныя, но оригинальныя и изящныя: широкій, круглый столъ на одной ножкѣ, изогнутый спиралью, съ цѣлымъ столовымъ приборомъ изъ рѣзного серебра; коническая палатка съ отверстіемъ посрединѣ, изъ котораго, такъ и кажется, выйдетъ кто-нибудь; огромныя медовыя соты со множествомъ ячеекъ; гигантскій стулъ или кушетка, обитая бѣлымъ бархатомъ. Встрѣчаются и такія, которыя напоминаютъ людей и животныхъ въ увеличенномъ видѣ; вотъ—бѣлый медвѣдь, стерегущій добычу, а тамъ—гигантскій лебедь, распустившій свои бѣлыя крылья...

Эти ледяныя горы, подобно стадамъ, медленно двигаются другъ за другомъ; смотря по мѣстности, времени года и силѣ теченій, онѣ или оставляютъ между собою значительные промежутки, или настолько тѣсно сплочиваются, что мореплаватель попавъ въ этотъ подвижной лабиринтъ, перестаетъ видѣть небо, точно стоя въ ущельѣ загроможденномъ скалами, или среди высокихъ стволовъ густого лѣса. Напрасно было-бы пытаться сосчитать количество ледяныхъ горъ, слѣдующихъ по морю, — ихъ число не исчерпывается ни сотнями, ни тысячами.

Иногда въ лѣтнее время, когда ярко блеститъ солнце, въ особенности въ тѣ часы, когда оно опускается до горизонта и окрашиваетъ небо и море въ ярко-малиновый, пурпурный и золотой цвѣтъ, айсберги, освѣщенные почти горизонтально его лучами, представляютъ великолѣпное зрѣлище. Они перестаютъ быть мрачными. Они не кажутся болѣе скорбными произведеніями полярныхъ морозовъ. Отполированная поверхность ихъ отражаетъ подобно зеркалу чудные оттѣнки неба; ихъ углы и грани разлагаютъ свѣтъ и играютъ радужными цвѣтами. Это— расплавленныя массы серебра и золота, это — опалы, бриллианты, рубины, гигантскіе изумруды; ихъ форма исчезаетъ въ ихъ ослѣпительномъ блескѣ. Въ полосахъ тѣни, которую

оставляютъ за собой эти огромные кристаллы, море играетъ мягкими, чистыми переливами, переходящими изъ нѣжно-зеленаго цвѣта въ блѣдно-голубой; легкія волны, скользя вдоль ихъ стѣнъ, походятъ на жидкіе драгоцѣнные каменья.

И ко всему этому, какъ-бы дополняя великолѣпіе картины, съ вершины и краевъ этихъ пловучихъ горъ сбѣгаютъ мил-

Айсбергъ въ формѣ памятника.

ліоны водопадовъ и ручейковъ, образовавшихся изъ озеръ талой воды, наполнявшихъ собой впадины и неровности поверхности льдины: эти водопады, смотря по высотѣ и объему своихъ водъ, образуютъ то чистыя, прозрачныя полосы воды, которыя среди пѣны и брызгъ падаютъ въ море, то — мелкія паровыя облака, которыя разсѣиваются въ воздухѣ, то — тол-

стыя, бѣлыя колонны, часто украшенныя пестрымъ поясомъ радуги.

Но суровая сѣверная природа не долго балуетъ путешественника подобными зрѣлищами. Вскорѣ волшебная иллюминація гаснетъ, надъ моремъ поднимается густой туманъ и айсберги теряютъ ту дивную красоту, которую придавалъ имъ свѣтъ; сквозь покрывающій ихъ туманъ они кажутся огромными бѣлыми гробами, которые слѣдуютъ другъ за другомъ, чтобъ опуститься въ мрачную бездну.

Ничто не представляетъ для мореплавателя такой опасности, какъ встрѣча съ айсбергами въ туманное время, когда нельзя разглядѣть ихъ приближенія. Одного толчка ледяной горы достаточно, чтобъ пробить бокъ судна и потопить его. Но если даже и замѣтишь ихъ, не всегда возможно ихъ избѣгнуть; айсберги преслѣдуютъ судно, словно направляемые злымъ духомъ. Нерѣдко случалось, что въ тотъ моментъ, когда судно проходило между двумя плавающими горами, послѣднія, внезапно сблизившись, буквально затирали его въ ледяныхъ тискахъ; или-же съ одного изъ послѣднихъ ледниковъ вслѣдствіе полученнаго толчка начинали отдѣляться тяжелые ледяные пласты, съ шумомъ падая въ море и угрожая ежеминутно раздавить судно.

Близкое сосѣдство айсберговъ наиболѣе опасно въ іюлѣ и августѣ, когда, вслѣдствіе теплыхъ солнечныхъ лучей, они таютъ и разбиваются. Докторъ Гессъ испыталъ на себѣ эту опасность. Судно, которымъ онъ управлялъ, увлеченное теченіемъ, подошло къ самой стѣнѣ одного изъ айсберговъ, возвышающагося надъ мачтами болѣе, чѣмъ на тридцать метровъ. Съ помощью багровъ экипажу удалось было оттолкнуться отъ грознаго гиганта, какъ вдругъ сильное теченіе, совративъ судно съ пути, бросило снова на него. Хотя толчекъ былъ не изъ сильныхъ, тѣмъ не менѣе отъ ледяной массы отдѣлилось нѣсколько кусковъ и упало въ море, къ счастію, никого не задѣвъ. Судно поспѣшило по возможности ретироваться. Въ то-же время отъ подводной ледяной массы оторвалась огромная глыба и, подпрыгнувъ надъ водой, грохнулась въ море, поднявъ

цѣлыя облака пѣны. Ледяная гора нѣсколько уравновѣсилась; но экипажу грозила другая опасность: судя по скрипу киля, подъ судномъ находилась длинная ледяная полоса, грозившая ежемпнутно взбросить его на воздухъ.

«Изнуренные работой,—говоритъ докторъ Гессъ,—мы уже готовились оставить багры, когда самъ айсбергъ помогъ намъ: раздался страшный трескъ, сопровождаемый множествомъ другихъ ударовъ. Это распалась противоположная сторона горы, удаленная отъ насъ; глыба за глыбой падала въ море, а гора продолжала вертѣться, купаясь въ водѣ. Окаменѣвъ отъ ужаса, мы ждали каждую минуту, что ближайшая къ намъ часть айсберга рухнетъ и увлечетъ насъ за собою: наше судно было-бы такъ же погребено подъ этой льдиной, какъ хижины пастуховъ подъ Альпійскими лавинами».

Наконецъ, одному изъ матросовъ удалось перебраться на другой айсбергъ и укрѣпить тамъ канатъ; весь экипажъ налегъ на этотъ канатъ, и судно было сдвинуто. Айсбергъ, словно сожалѣя о выпущенной добычѣ, сломалъ рею и задѣлъ судно за бортъ, но оно было спасено и быстро удалялось отъ злополучнаго мѣста. Не прошло оно и двадцати метровъ, какъ совершился грозпвшій ему обвалъ: обращенная къ судну стѣна горы надломилась и всей своей громадой рухнула въ море, поднявъ въ немъ бѣшеные валы. Экипажъ могъ спокойно созерцать недавній предметъ своего ужаса. Чудовище, казалось, опрокидывалось, вертѣлось, какъ живое существо, и съ каждымъ его движеніемъ отъ него отдѣлялись пласты и падали въ бушующее море; по истеченіи нѣсколькихъ часовъ отъ грознаго гиганта осталась только небольшая льдина, ничтожное доказательство его прежняго величія, а отдѣлившіеся отъ него пласты спокойно колыхались на морской поверхности.

Докторъ Гессъ прибавляетъ, что въ Баффиновомъ морѣ онъ видѣлъ болѣе сотни айсберговъ, не менѣе грозныхъ только что описаннаго имъ; въ воздухѣ носился непрерывный гулъ отъ ихъ постепеннаго разрушенія. Одинъ изъ нихъ, высокій, величественный, напоминавшій собой зданіе Британскаго парламента, представлялъ особенно грандіозную картину распа-

денія: сначала отдѣлилась высокая башня и съ шумомъ упала въ море, спугнувъ цѣлыя стаи чаекъ, пріютившихся на ея кровлѣ; за ней послѣдовали боковыя колонны и весь четыреугольный павильонъ; тогда остальная масса, значительно уменьшенная, начала нырять и снова всплывать на поверхность. Послѣ такого почти пятичасового движенія великолѣпный гигантъ превратился въ ничтожнаго карлика, возвышающагося едва на пятьдесятъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Другой айсбергъ болѣе двухъ километровъ длины и тридцати метровъ высоты, начиная таять, раздѣлился на двѣ части при оглушительномъ шумѣ; тысяча пушекъ, выстрѣлившихъ одновременно, не могли-бы произвести подобнаго грохота. Обѣ гигантскія половины долго качались среди волнъ, не находя равновѣсія и, наконецъ, плавно поплыли по морю.

Подобному разрушенію особенно подвержены старые айсберги; они надламываются отъ малѣйшаго толчка, отъ каждаго упавшаго на нихъ солнечнаго луча; долго блуждая по морямъ, повинуясь вѣтрамъ и теченіямъ, гоняющимъ ихъ отъ сѣвера къ югу, отъ юга къ сѣверу, эти айсберги понемногу повреждаются и при первомъ удобномъ случаѣ разрушаются вполнѣ.

Судьба молодыхъ, недавно отдѣлившихся отъ родного ледника, различна. Нѣкоторые живутъ вѣками: вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ встрѣчаютъ они какую-нибудь льдину и срастаются съ ней, составляя одно тѣло, которое часто напоминаетъ собой огромный лугъ, усѣянный высокими стогами сѣна. Другіе айсберги, унесенные къ югу, не имѣютъ времени распуститься въ арктическихъ моряхъ; они переплываютъ полярный кругъ, проходятъ мимо южной оконечности Гренландіи, входятъ въ Атлантическій океанъ и, прежде чѣмъ погрузиться въ него на вѣки, спускаются до 40° широты. Такимъ образомъ они попадаютъ на тотъ путь, по которому слѣдуютъ трансатлантическіе пароходы, плавающіе между Англіей и Нью-Іоркомъ, и угрожаютъ имъ своимъ сосѣдствомъ. Потому-то въ тѣхъ мѣстахъ и разставлены часовые, извѣщающіе капитана о присутствіи на морѣ айсберговъ. Но какъ разглядѣть

ихъ во время густыхъ тумановъ? Ни одна карта не можетъ указать на присутствіе или отсутствіе въ морѣ этихъ морскихъ гигантовъ, и многіе совершенно справедливо приписываютъ имъ необъяснимое исчезновеніе большихъ судовъ, не вернувшихся изъ плаванія.

Айсберги состоятъ не изъ одного только льда: они содержатъ часто въ своихъ нѣдрахъ обломки скалъ, слои земли и песку, сорванные съ горъ тѣми ледниками, отъ которыхъ они произошли. Во время таянія въ теплыхъ водахъ они выпускаютъ свою ношу, которая падаетъ на дно моря. Они оставляютъ такимъ образомъ по пути знаки своего прохожденія, давая грядущимъ вѣкамъ вѣрное указаніе на то, что они существовали. Позднѣе, когда пройдутъ многія столѣтія и тысячелѣтія, когда земли, покрытыя теперь водою и составляющія морское дно, явятся новыми материками, тогда будущіе обитатели ихъ съ изумленіемъ найдутъ въ разныхъ мѣстахъ большія скалистыя глыбы, оторванныя когда-то отъ отдаленныхъ, невѣдомыхъ горъ и брошенныя сюда айсбергами, подобно переноснымъ валунамъ, которые попадаются въ лугахъ Иллинойса, свидѣтельствуя о томъ, что прежде часть нынѣшней Сѣверной Америки составляла дно океана. Полагаютъ также, что этимъ путемъ произошла огромная Ньюфаундлэндская мель.

ГЛАВА IV.

Природа полярныхъ странъ. Взглядъ на отдаленное прошлое.

Общій видъ полярныхъ пустынь. — Окаменѣлые лѣса. — Древняя арктическая фауна. — Подземныя груды костей. — Большія млекопитающія, найденныя во льду.

Сѣверныя полярныя страны по ихъ природѣ и общему виду можно раздѣлить на два пояса: *тундры* и *лѣса*. Первый поясъ простирается болѣе или менѣе узкой полосой вдоль берега Ледовитаго океана. Второй окружаетъ въ видѣ широкаго

вѣчнозеленаго вѣнца безлѣсныя сѣверныя пустыни и на югѣ переходитъ постепенно или въ степи, или подымается на склоны высокихъ горъ и тамъ снова исчезаетъ отъ дыханія вѣчной зимы.

Во всемъ мірѣ нѣтъ ничего печальнѣе и безплоднѣе обнаженной тундры, состоитъ ли она изъ необозримыхъ болотъ или изъ сухой почвы, покрытой кожистыми и грибообразными слизистыми лишаями. Желтоватые мхи и сѣровато-бурые лишаи — главнѣйшіе представители здѣшней убогой флоры — образуютъ невзрачный, жиденькій коверъ, которымъ покрывается здѣсь природа на праздничное время короткаго полуторамѣсячнаго лѣта, и только изрѣдка, какъ диковинка, и то исключительно на склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ благодатному югу, подымаются тощія и убогія, какъ и вся здѣшняя природа, растенія, свойственныя другимъ странамъ, и точно украдкою, несмѣло распускаютъ свои крошечные цвѣтки.

Повсюду свирѣпые леденящіе вѣтры, обвѣвающіе берега полярнаго моря, уничтожаютъ своимъ губительнымъ дыханіемъ древесную растительность. Вѣтры эти дуютъ со страшною силою при 30—40 и даже 50-ти-градусныхъ морозахъ... Какое дерево, какой кустикъ осмѣлится поднять свою голову?

Распространеніе безлѣсныхъ пустынь отъ берега Ледовитаго океана вглубь страны обусловливается не климатическими условіями, а главнымъ образомъ рельефомъ поверхности — насколько предоставляется свободы сѣверному вѣтру разгуливать по прибрежной части страны. На всемъ своемъ пути, гдѣ ему есть просторъ, вѣтеръ на десятки и сотни миль склоняетъ къ землѣ растенія, какъ покорнаго раба, и уничтожаетъ ихъ своимъ тлѣтворнымъ дыханіемъ.

Къ югу тундра мало-по-малу переходитъ въ лѣсныя заросли. Границы этихъ двухъ поясовъ сѣверныхъ пустынь нельзя опредѣлить даже и съ приблизительною точностью; между ними остается еще болѣе или менѣе широкая нейтральная область, гдѣ нельзя рѣшить, остается ли все еще побѣда за полярными вѣтрами, или начинаетъ забирать силу древесная растительность. Въ иныхъ мѣстахъ тундра глубоко

врѣзывается въ лѣсную область, въ другихъ же наоборотъ—лѣса побѣдоносно стремятся къ сѣверу и подходятъ почти къ самому берегу океана. Какъ будто два враждебныхъ войска стоятъ другъ противъ друга, и во время сраженія тамъ одолѣваетъ одна сторона, здѣсь—другая.

Зимою тундра имѣетъ чрезвычайно печальный, безотрадный видъ. Ужасная мертвящая тишина царитъ тамъ и лишь изрѣдка нарушается лаемъ одинокаго песца или крикомъ бѣлой полярной совы—пѣвицы достойной этихъ странъ.

Но лишь только окончится суровая зима, и на небѣ засіяетъ лучезарное свѣтило, согрѣвающее промерзшую землю, хотя и косыми, но за то почти безпрерывными, лучами, и въ этомъ обездоленномъ краю начинается праздникъ природы—весна. Снѣга сбѣгаютъ шумными водяными потоками, вскрываются рѣки, озера и растаиваютъ необозримыя болота.

На короткое время оживляется тогда пустынная тундра. Съ юга стаи за стаями летятъ безчисленные утки, гуси, лебеди, чайки... Чудный инстинктъ влечетъ этихъ птицъ изъ далекихъ южныхъ странъ сюда, гдѣ по неизмѣримымъ болотамъ и озерамъ, по многоводнымъ рѣкамъ и, наконецъ, по берегу самаго океана эти крылатые гости въ изобиліи находятъ себѣ пищу и въ то же время въ совершенной безопасности могутъ вить себѣ гнѣзда, выводить птенцовъ, линять.

Иныя птицы располагаются у самой границы лѣсовъ, другія же летятъ дальше: на плоскій берегъ океана и на многочисленные полярные острова. Здѣсь въ наиболѣе кормныхъ мѣстечкахъ онѣ скопляются въ поразительныхъ количествахъ и откладываютъ яйца прямо на голую тундру. За водяными и береговыми птицами летятъ тоже цѣлыми стаями хищники: ястребы, соколы, орлы.

Когда такимъ образомъ лѣтняя теплота влечетъ къ сѣверу стаи перелетныхъ птицъ, въ тоже время въ рѣкахъ, вливающихъ свои воды въ Ледовитый океанъ, происходитъ тоже великое переселеніе обитателей, но только оно идетъ въ противоположномъ направленіи. Лососи и осетры безчисленными легіонами плывутъ изъ моря вглубь материка, слѣпо повинуясь

голосу природы, который влечетъ ихъ откладывать икру въ прѣсныхъ и болѣе теплыхъ водахъ.

Наконецъ, и въ лѣсной области въ то же время происходитъ передвиженіе животныхъ. Сѣверный олень оставляетъ лѣсныя заросли, гдѣ лѣтомъ появляются миріады всевозможныхъ крылатыхъ кровопійцъ: оводовъ, комаровъ, мошекъ, и спасаясь отъ нихъ стремится къ прохладнымъ берегамъ ледянаго моря, покрытымъ тучными постбищами мховъ и мясистыхъ лишаевъ.

Такъ на нѣсколько мѣсяцевъ пустынная тундра оживляется кипучею жизнью залетныхъ и пришлыхъ гостей. Тогда появляется въ тундрѣ и человѣкъ. Идутъ сюда и рыболовъ, и промышленникъ морского звѣря, и звѣроловъ, и пастухъ, охраняющій свои стада одомашленныхъ оленей. Жители воздуха, водъ и твердой земли, даже сама земля со своимъ тощимъ растительнымъ покровомъ должны удовлетворить различнымъ потребностямъ человѣка—утолить голодъ, одѣть тѣло, удовлетворить корыстолюбію.

Быстро проходитъ радостное лѣто. Въ сентябрѣ уже появляются значительные морозы, вьюги, солнце показывается на небосклонѣ лишь на нѣсколько часовъ...

При первыхъ признакахъ приближающейся зимы все населеніе торопится закончить здѣсь всѣ свои дѣла и поспѣшно оставляетъ эту страну, гдѣ скоро изсякнутъ источники жизни, или бѣжитъ отъ быстро усиливающейся стужи. Гуси, утки, лебеди, журавли, цапли, густыми стаями летятъ къ югу. Олень снова идетъ въ лѣсъ, гдѣ менѣе страшны ему лютые морозы и гибельныя вьюги. Лососи и осетры плывутъ обратно въ море... Ничто не удерживаетъ уже и человѣка въ безлѣсной пустынѣ. Вскорѣ и твердая земля, и замерзшая земля, и замерзшее озеро, и скованная рѣка — словомъ вся поверхность на 7, 8 и даже 9 мѣсяцевъ скрывается подъ толстымъ снѣговымъ слоемъ. Снова водворится въ пустынѣ мертвая тишина, нарушаемая лишь визгомъ бушующихъ вѣтровъ...

Вслѣдствіе суровыхъ климатическихъ условій арктическая флора очень бѣдна; но все-таки она существуетъ. Даже въ

гористыхъ мѣстностяхъ, какъ на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи, можно встрѣтить въ іюнѣ и іюлѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стаялъ снѣгъ, низкія растенія, попадающіяся между мховъ и и лишаевъ. Ихъ находятъ также и у подошвы утесовъ, на той части земли, на которую падаетъ пометъ изъ птичьихъ гнѣздъ. Вотъ лютикъ, вѣтряница, каменоломка и даже одна изъ низшихъ породъ мака...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Норвегіи, встрѣчается береза, дикая рябина и низкорослая сосна; эти деревья растутъ здѣсь благодаря сосѣдству Гольфстрема, смягчающаго воздухъ своими теплыми парами. За 70° широты не попадается ни одного дерева; лишь тощіе кустарники слегка возвышаются надъ влажными мхами.

Арктическая флора поражаетъ не только своимъ убожествомъ, но и однообразіемъ. Почти всѣ растенія, видимыя на Шпицбергенѣ (81 порода явнобрачныхъ на 93), попадаются въ Гренландіи, на берегахъ проливовъ Ланкастрскаго, Баррова и Мельвильскаго, на сѣверѣ Америки и на плоскихъ берегахъ Сибири.

Большинство изъ этихъ растеній отличается удивительной живучестью; если имъ не удается расцвѣсти лѣтомъ, они ждутъ слѣдующаго года, а то расцвѣтаютъ и на третій годъ. Тѣ-же которыя не живучи, словно чувствуя это, торопятся жить. Не успѣетъ еще стаять снѣгъ, какъ они пускаютъ свои отпрыски; быстро появляются листики, а черезъ нѣсколько дней уже наливаются почки; они распускаются и даютъ созрѣвать плодамъ, которые опадаютъ съ первымъ осеннимъ снѣгомъ. Весь процессъ совершается менѣе, чѣмъ въ шесть недѣль.

Много - много лѣтъ назадъ растительность этихъ странъ была иная. Деревья росли тамъ въ изобиліи; густые лѣса покрывали почву. Въ тѣхъ отдаленныхъ временахъ различаютъ два періода, значительно отличающихся другъ отъ друга. Въ ближайшій къ намъ періодъ березы и сосны росли тамъ вплоть до берега Ледовитаго океана. Цѣлые слои этихъ деревьевъ найдены были вдоль береговъ и даже въ устьѣ рѣки Мекензи; слои эти настолько густы, что составляютъ собой холмы, фу-

товъ въ сто вышины: рѣка своими волнами стерла кору, обнаживъ самый стволъ, ясно указывающій на его происхожденіе. Подобные-же слои, только еще гуще, найдены были на островѣ Банки; стволы и вѣтви виднѣлись изъ покрывшей ихъ глинистой почвы. Разрывая эти слоистые холмики, изслѣдователи нашли, что всѣ они древесной формаціи, что подтвердилось множествомъ попавшихся имъ сосновыхъ шишекъ. Точно также въ Сибири между Яной и Индигиркой находятся въ огромномъ количествѣ залежи стволовъ березы, и мѣстные обитатели, Юкагиры, пользуются ими, какъ прекраснымъ топливомъ, говоря, что эти деревья остались отъ временъ Адама. Стволами этими наполнены и тѣ болотистыя полосы, которыя, покрытыя льдомъ, тянутся вдоль берега Сибири. Сѣвернѣе, на островѣ Новой Сибири, лежащемъ подъ 75° широты, существуютъ горы, состоящія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ изъ смолистыхъ пластовъ древесныхъ стволовъ, достигавшихъ 180 футовъ вышины.

Другой періодъ, предшествовавшій этому, отличался еще большимъ процвѣтаніемъ растительности.

Древность его существованія доказываютъ намъ богатыя каменноугольныя залежи, найденныя въ третичныхъ пластахъ на Шпицбергенѣ, въ Исландіи, въ Гренландіи, на архипелагѣ Парри, на сибирскихъ берегахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Пласты эти указываютъ на то, что въ тотъ отдаленный періодъ арктическіе лѣса состояли не изъ однихъ березовыхъ и еловыхъ деревьевъ; изслѣдователи ископаемыхъ растеній насчитываютъ 128 древесныхъ видовъ, въ числѣ которыхъ попадаются самыя красивыя и величественныя деревья юга. Особенно часто встрѣчается Sequoia gigantea, краса Калифорніи; изящные кипарисы, подобные японскимъ, буковыя и каштановыя деревья, восемь разновидностей дуба, тополи, платаны и дикія смоковницы, липы, ивы, тюльпанники и магноліи, наконецъ, грушевое и орѣховое дерево, виноградники и другіе кустарники съ гибкими и вьющимися стеблями. Такимъ образомъ, полярныя страны были когда-то украшены прекрасными лѣсами съ разнообразными деревьями, съ кустар-

никами и ліанами, вьющимися вокругъ стволовъ и перебѣгающими съ вѣтки на вѣтку.

Чѣмъ объяснить это изобиліе растительности, составляющее такой рѣзкій контрастъ съ настоящимъ убожествомъ? Нѣкоторые утверждали, что всѣ эти деревья могли быть занесены сюда въ окаменѣломъ видѣ изъ южныхъ странъ морскими теченіями. Но противъ такого мнѣнія говоритъ огромная величина слоевъ, образованныхъ этими деревьями, и явные отпечатки листьевъ со всѣми зазубринками, жилками и самыми мельчайшими точечками. По всему видно, что эти деревья жили тамъ, гдѣ они найдены. Слѣдовательно, нужно предположить, что въ прежнія времена климатъ арктическихъ странъ былъ несравненно теплѣе настоящаго. Гдѣ же причина теперешняго охлажденія? Не уклонилась ли земная ось отъ своего первоначальнаго направленія? Не былъ ли тогда земной шаръ болѣе приближенъ къ солнцу, не посылало ли послѣднее болѣе теплыхъ лучей, или не проходила ли вся солнечная система черезъ болѣе теплыя небесныя страны? Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не рѣшенъ окончательно. Наиболѣе естественное предположеніе, объясняющее теплоту климата сѣверныхъ странъ, заключается въ томъ, что въ весьма отдаленныя времена кромѣ солнечной теплоты оказывала большое вліяніе и собственная внутренняя теплота земли, когда охлажденная кора была гораздо тоньше, чѣмъ теперь.

Изслѣдованіе почвы доказало намъ, что въ прежнія времена въ арктическихъ странахъ была не только иная флора, но и иная фауна.

Нѣтъ больше сомнѣнія въ томъ, что когда-то на берегахъ Ледовитаго океана жилъ мамонтъ, носорогъ и гиппопотамъ. Изслѣдователи находили и до сихъ поръ находятъ въ огромномъ количествѣ останки этихъ млекопитающихъ на всемъ протяженіи Сибирскаго берега и въ другихъ мѣстахъ. Со времени перваго открытія русскими клыковъ мамонта на приморскомъ Сибирскомъ берегу, клыки эти сдѣлались важнымъ предметомъ торговли.

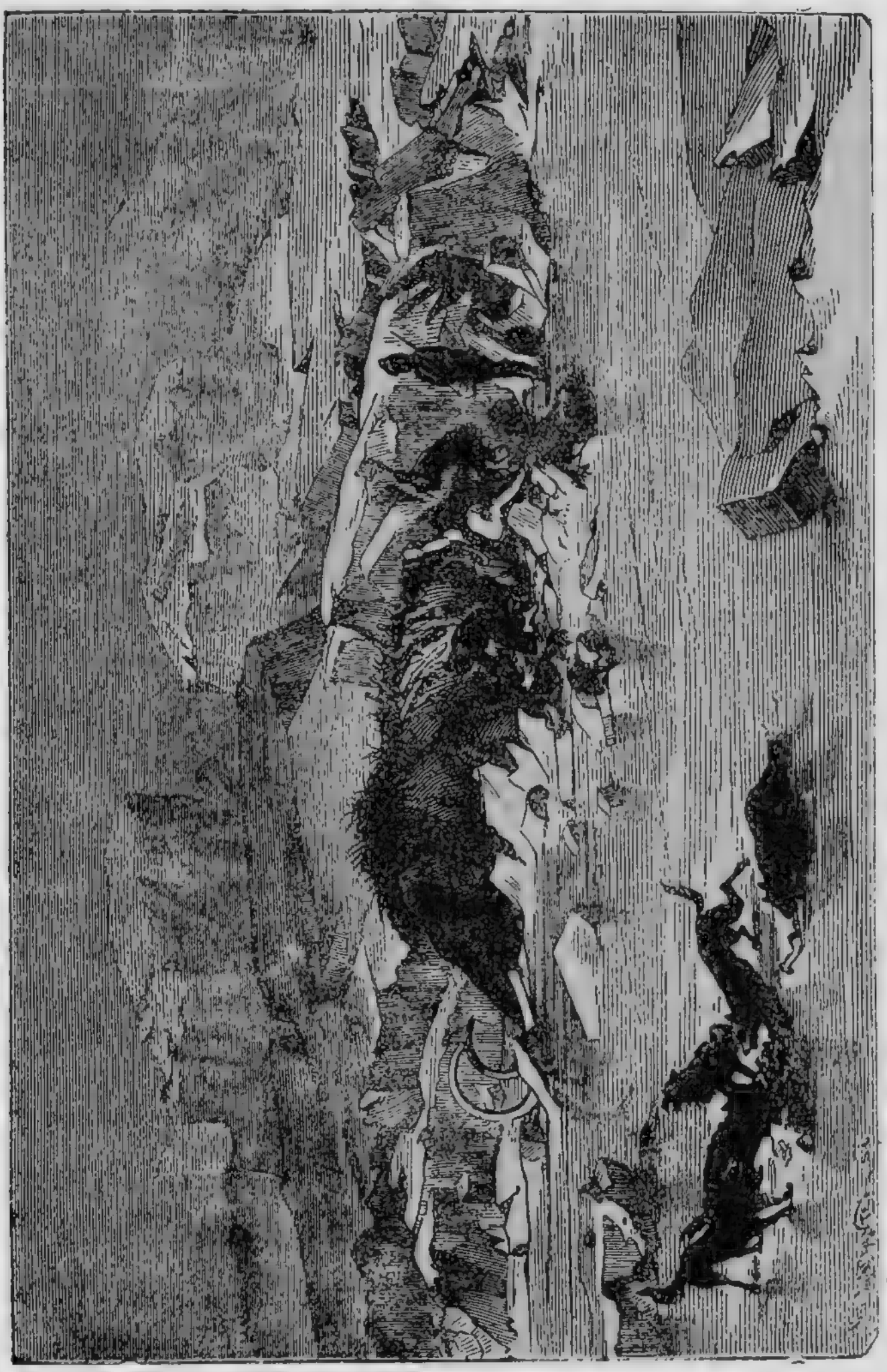
Когда купецъ Ляховъ въ 1770 году открылъ острова, на-

званные его именемъ, онъ нашелъ ихъ положительно усыпанными животными скелетами и клыками слоновой кости, вслѣдствіе чего онъ далъ имъ названіе «костистыхъ острововъ». Почва содержала въ себѣ столько же мамонта, сколько песку и льда, она вся состояла изъ этихъ трехъ веществъ. Ляховъ и товарищи его нашли тамъ также головы, похожія на бизона, отростки оленьихъ роговъ и рога носорога, изъ которыхъ они сдѣлали себѣ лукп. Съ тѣхъ поръ туземцы, подражая русскимъ, стали каждое лѣто, пользуясь оттапваніемъ почвы, находить множество подобныхъ же костей и клыковъ. Въ теченіе одного 1821 года добыли 20,000 фунтовъ слоновой кости на островахъ Новой Сибири; нѣкоторые изъ этихъ мамонтовыхъ зубовъ вѣсили по 480 фунтовъ. Американскій берегъ, окаймляющій Беринговъ проливъ, содержитъ въ своихъ ледникахъ тоже скелеты разныхъ животныхъ; находимые тамъ мамонтовы клыки долго поддерживали торговыя сношенія между эскимосами и азіатскими чукчами.

Кромѣ того было сдѣлано открытіе еще болѣе поразительное, — найденъ былъ не только скелетъ мамонта, но весь мамонтъ, съ мясомъ и кожей, лежавшій во льду цѣлыя столѣтія. «Въ 1739 году,—разсказываетъ Кювье,—одинъ тунгусскій рыбакъ замѣтилъ на берегу Ледовитаго моря, около устья Лены, какую-то странную ледяную глыбу, непохожую какъ будто на другія льдины. Въ слѣдующемъ году ему показалось, что глыба сдѣлалась какъ будто меньше, но онъ не обратилъ на это вниманія. Въ концѣ третьяго лѣта дѣло выяснилось: изо льда выступила спина и клыкъ животнаго. Только на пятый годъ стаялъ ледъ въ остальныхъ мѣстахъ и на песчаной мели обнажилось огромное животное. Въ 1804 году рыбакъ вытащилъ клыки и продалъ ихъ за пятьдесятъ рублей.

Только два года спустя, слѣдовательно на седьмой годъ послѣ перваго открытія, членъ С.-Петербургской академіи, М. Адамсъ, будучи въ Якутскѣ, узналъ объ этомъ и поспѣшилъ къ мѣсту открытія. Онъ нашелъ тамъ тѣло мамонта, къ несчастію, сильно попорченное. Якуты вырывали изъ него мясо и кормили имъ собакъ; хищныя животныя тоже истре-

пали его порядочно, но все же весь скелетъ сохранился цѣлымъ за исключеніемъ передней ноги; кости оказались скрѣпленными благодаря связкамъ и кожѣ; одно изъ ушей было



Мамонтъ открытый во льдахъ.

нетронуто, и можно было ясно различить зрачекъ въ глазу; въ черепѣ лежалъ высохшій мозгъ. Шея животнаго была украшена длинной гривой, кожа — черной щетиной и красно-

ватой шерстью; скелетъ былъ настолько тяжелъ, что десять человѣкъ могли съ трудомъ поднять его. Часть щетины и шерсти, оставленной послѣ пира бѣлыми медвѣдями, вывѣсила болѣе 30 фунтовъ; огромная голова оказалась вѣсомъ болѣе 400 фунтовъ, а проданные рыбакомъ клыки имѣли по девяти футовъ длины. Этотъ интересный образчикъ исчезнувшей фауны былъ перенесенъ въ зданіе С.-Петербургской академіи.

Нѣсколько ранѣе натуралистъ Палласъ открылъ въ той-же мѣстности, на берегахъ Вилюя притока Лены, почти нетронутое тѣло носорога. Въ 1866 году, на берегахъ Енисея былъ найденъ второй мамонтъ прекрасно сохранившійся.

Всѣ сообщенные нами факты заставляютъ сильно призадуматься о прошломъ земного шара. Многіе стараются уяснить себѣ, что представляли сѣверныя страны въ ту эпоху, когда томъ паслись стада огромныхъ млекопитающихъ, обгладывая густую листву обширныхъ лѣсовъ; какіе внезапные перевороты или продолжительно дѣйствовавшія, а, можетъ быть, и теперь дѣйствующія причины вызвали исчезновеніе этихъ могучихъ породъ? Если эти причины надо искать помимо вліянія холода и воды, то почему же останки этихъ животныхъ соединены грудами, составляя неисчерпаемые слои костей? Очевидно, разлитіе моря, застигнувшее ихъ при жизни, заставило ихъ искать спасенія на возвышенныхъ, наиболѣе защищенныхъ островкахъ, откуда бурные потоки смели ихъ останки, разбросавъ ихъ потомъ по разнымъ мѣстамъ.

Во всякомъ случаѣ вѣрно только то, что эти земли были нѣкогда покрыты океаномъ; въ верхнихъ слояхъ почвы до сихъ поръ попадаются морскія раковины, даже на мѣстахъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря на четыреста и пятьсотъ футовъ. Эти раковины, плотно прикрѣпленныя къ костямъ, врѣзанныя даже въ ихъ внутренніе слои, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что тѣ и другія вмѣстѣ находились подъ водой. Къ тому же найдены были на утесахъ острова Принца Уэльскаго и въ сѣверной Гренландіи кости и даже цѣлый скелетъ кита: кости эти могли тамъ на-

ходиться только вслѣдствіе поднятія почвы, составлявшей прежде русло моря. Такое переходное состояніе этихъ странъ то въ видѣ суши, то на глубинѣ океана, то опять подымаясь изъ морской пучины заставляетъ допустить періодическое колебаніе земной коры, которая то скрывается подъ уровнемъ океана, со всѣми живущими на ней существами, то снова выступаетъ изъ воды, принимая новыхъ обитателей, приноравливающихся къ тому, что онъ имъ даетъ?

ГЛАВА V.

Современная арктическая фауна.—Бѣлый медвѣдь.

Его охота на тюленя. – Зимній постъ. — Нападеніе медвѣдей на суда. — Осторожность этихъ животныхъ. — Отчаянная храбрость самки при защитѣ дѣтенышей.

Несмотря на всю разницу между теперешней и прежней фауной арктическихъ странъ, нельзя не удивиться, какъ она теперь при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ можетъ существовать, не уменьшаясь. Она не отличается разнообразіемъ родовъ, но зато поражаетъ количествомъ представителей каждаго рода. Изъ отчетовъ мореплавателей-охотниковъ мы узнаемъ поразительныя цифры. Скоресби высчитываетъ, что за все время своихъ путешествій онъ убилъ нѣсколько сотенъ китовъ, нѣсколько тысячъ тюленей и болѣе восьмидесяти бѣлыхъ медвѣдей. Англійскій охотникъ Лэмонтъ, находясь со своей яхтой два лѣтнихъ сезона на восточныхъ берегахъ Шпицбергена, убилъ съ товарищемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ двѣсти штукъ медвѣдей, сѣверныхъ оленей, тюленей и моржей, не считая птицъ. Докторъ Гессъ, во время стоянки съ экипажемъ въ портѣ Фулькѣ, въ самомъ разгарѣ зимы, насчитываетъ убитыми 74 сѣверныхъ оленя и 21 лисицу.

Макъ-Клинтокъ, принимавшій участіе въ экспедиціи за поисками Джона Франклина, разсказываетъ, что, прибывъ на островъ Мельвилль, онъ увидѣлъ безчисленное множество дичи: медвѣдей, оленей, мускусныхъ овце-быковъ, лисицъ, зайцевъ и

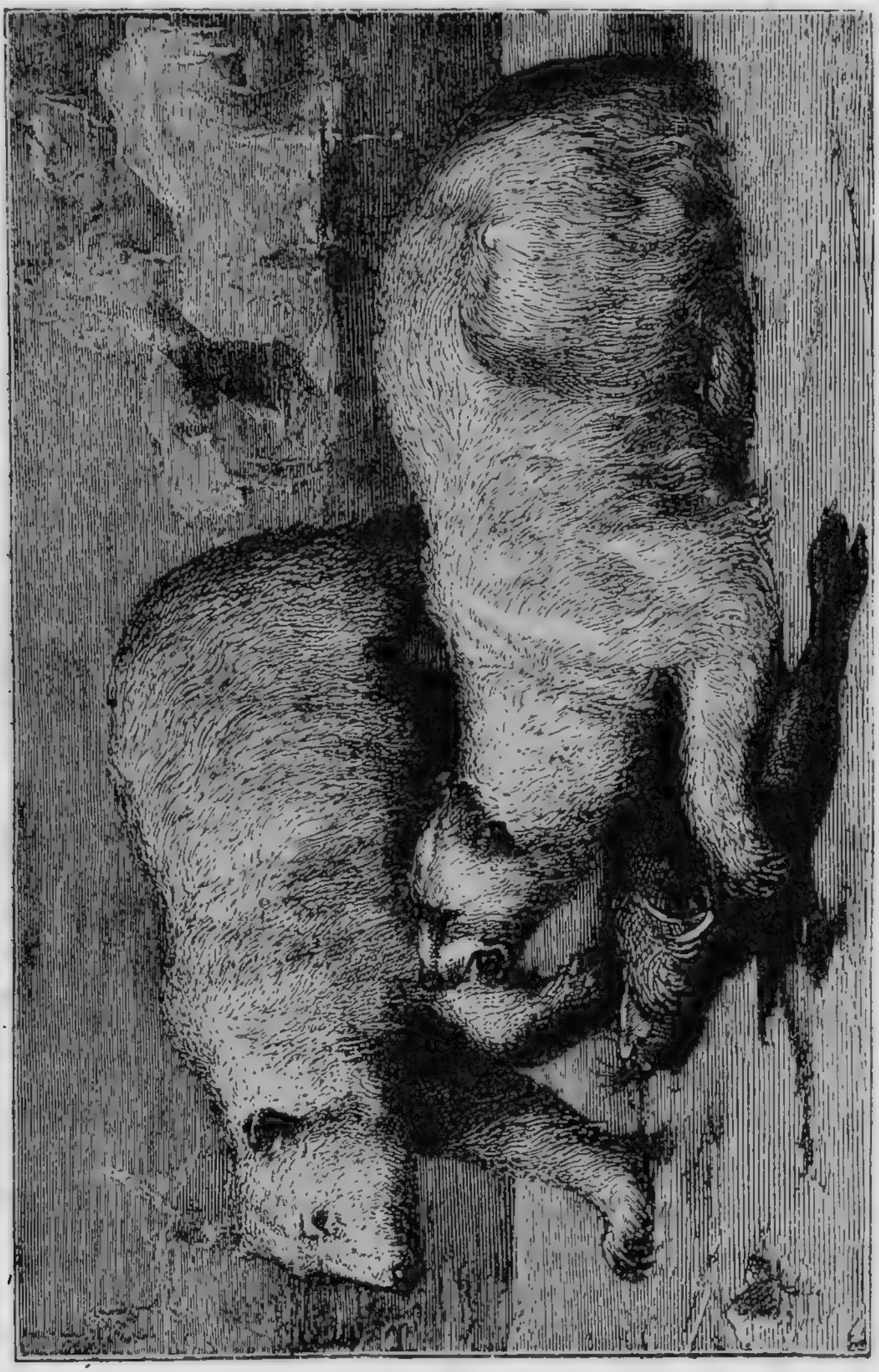
рябчиковъ; всѣ они точно сошлись сюда на свиданіе. Сезонъ тогда былъ самымъ благопріятнымъ для охоты; это было въ серединѣ мая; склоны горъ, освободясь отъ снѣга, покрылись зелеными коврами изъ травы и мху; количество убитой дичи было такъ велико, что превзошло даже всѣ ожиданія; позднѣе, при наступленіи зимы, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, было все-таки убито четыре медвѣдя, восемь оленей, двадцать лисицъ, девять зайцевъ, одинъ китъ, около сотни тюленей и болѣе трехъ сотъ птицъ, не считая потерянаго единорога и нѣсколькихъ медвѣдей.

Имена упомянутыхъ нами животныхъ: бѣлаго медвѣдя, лисицы, оленя, мускуснаго овце-быка, зайца, кита, тюленя и моржа, какъ главныхъ представителей млекопитающихъ, встрѣчаются во всѣхъ разсказахъ путешественниковъ. Если прибавить къ нимъ еще нѣсколько мелкихъ породъ, какъ горностая, житника-грызуна и лемминга, мы перечислимъ тогда всю фауну крайняго сѣвера.

Изъ всѣхъ этихъ животныхъ самый грозный—бѣлый медвѣдь; онъ—царь полярныхъ четвероногихъ. Онъ проводитъ жизнь, гоняясь за добычей, блуждая по снѣжнымъ равнинамъ, странствуя по морямъ на льдинахъ, которыя уносятъ его за сотни миль отъ берега и принуждаютъ нерѣдко пускаться вплавь къ другой льдинѣ или къ полосѣ земли.

Цѣль всѣхъ его странствованій—тюлени, составляющіе его обычную пищу. Какъ ни многочисленны эти животныя, напасть на нихъ очень трудно: они всегда настороже. Медвѣдю-охотнику приходится быть крайне осторожнымъ. Замѣтивъ на льду черную точку, онъ ложится на животъ и, отталкиваясь задними ногами, подвигается впередъ, скользя по льду. Между тѣмъ тюлень спитъ, но спитъ по своему, т. е. вполовину; онъ просыпается черезъ каждыя десять секундъ, поднимаетъ голову и обозрѣваетъ мѣстность. Во время этихъ просонковъ медвѣдь останавливается и лежитъ безъ движенія; ничто не выдаетъ его присутствія, онъ сливается бѣлизной шерсти со снѣгомъ и льдомъ. Приблизившись къ своей жертвѣ на разстояніе нѣсколькихъ метровъ, онъ внезапно кидается на нее. Однако,

чаще случается, что тюлень, замѣтивъ его во время, успѣваетъ скрыться подъ водой.



Бѣлые медвѣди.

Медвѣдь, котораго нужда заставила быть хитрымъ, употребляетъ и другія средства при погонѣ за добычей. Несмотря

на свое уѣмнье плавать, онъ не старается перегнать тюленя на водѣ, онъ выжидаетъ случая, чтобы неожиданно напасть на него подъ водою. Онъ медленно приближается, лавируя между льдинами; затѣмъ, пока тюлень спокойно плыветъ, высунувъ голову изъ воды, онъ быстро ныряетъ, подплываетъ къ нему и въ водѣ вцѣпляется въ него когтями.

Странствуя по льдинамъ, медвѣдь нерѣдко слышитъ нюхомъ близкое присутствіе снѣжнаго тайника, въ которомъ самка прячетъ дѣтеныша, и очень ловко овладѣваетъ послѣднимъ. Онъ отодвигается на нѣсколько шаговъ, чтобы сдѣлать сильнѣе прыжокъ, прыгаетъ и падаетъ всей своей тяжестью на сводъ тайника, который и разбиваетъ; въ то же время онъ роется лапой внутри, отыскивая маленькаго тюленя, и вытаскиваетъ его. Многіе утверждаютъ, что, овладѣвъ дѣтенышемъ, медвѣдь часто пользуется имъ, какъ приманкой для самки: придерживая его за нижніе плавники, онъ просовываетъ его въ море черезъ отверстіе въ ледяномъ полу тайника. Когда испуганная самка подплываетъ, медвѣдь отодвигаетъ свою добычу, самка-же, забывъ всякія предосторожности, придвигается все ближе къ дѣтенышу и, наконецъ, просовываетъ голову въ отверстіе тайника медвѣдь хватаетъ ее второй лапой и овладѣваетъ обоими.

Несмотря на всю свою хитрость и ловкость, полярный медвѣдь часто голодаетъ, въ особенности зимой, когда тюлени только на минуту высовываютъ голову изъ-подъ льдины, чтобы подышать воздухомъ, и снова прячутся подъ защищающій ихъ ледяной потолокъ. Положеніе медвѣдя тогда очень плачевно. Онъ бродитъ безъ устали, ища добычи, которой нигдѣ не находитъ, бродитъ голодный среди мертвой, ледяной природы, окутанной туманами; вьюги заслоняютъ ему путь, обманчивая ледяная почва обламывается подъ его лапами, а съ ледниковъ обрушиваются то и дѣло огромныя глыбы, грозящія раздавить его.

Въ это-то голодное время онъ и отваживается приблизиться къ судамъ, о присутствіи которыхъ узнаетъ своимъ тонкимъ обоняніемъ; его привлекаютъ не люди, находящіеся на суднѣ

а провизія. Онъ слышитъ за нѣсколько миль запахъ жарящагося сала и другихъ снадобьевъ; онъ идетъ на этотъ запахъ, приподнявъ морду, вынюхивая воздухъ, и во все время стоянки судна не перестаетъ бродить около него. Очень трудно прятать отъ него провизію; онъ съѣдаетъ все, что попадается: свѣчи, табакъ, кофе и даже парусный холстъ. Пробовали прятать провіантъ подъ груду камней или подъ обломокъ скалы, который можно было поднять только при помощи тяжелаго инструмента, но медвѣдь все-таки умудрялся проникнуть внутрь и все съѣсть.

Докторъ Канъ разсказываетъ, что одна изъ такихъ кладовыхъ, устроенныхъ имъ и его экипажемъ около ледника Гумбольдта въ 1854 году, была до-чиста разграблена медвѣдями: «въ ней не осталось ни одного куска провизіи, за исключеніемъ того, что было упаковано въ желѣзные ящики, не поддававшіеся ни когтямъ, ни зубамъ. Медвѣди мяли ихъ, кусали, катали и, наконецъ, видя, что они не поддаются, разбросали въ разныя стороны. Бочка съ водкой, скрѣпленная желѣзными обручами, была обращена въ щепки, оловянный ящикъ съ ликеромъ былъ до того измятъ, что принялъ форму шара; на всѣхъ этихъ вещахъ остались слѣды когтей и зубовъ». Все, что походило на пищу, было съѣдено; даже флагъ, развѣвавшійся надъ кладовой, былъ изгрызанъ до палки. Кругомъ, на снѣгу, были видны медвѣжьи слѣды и клоки шерсти.

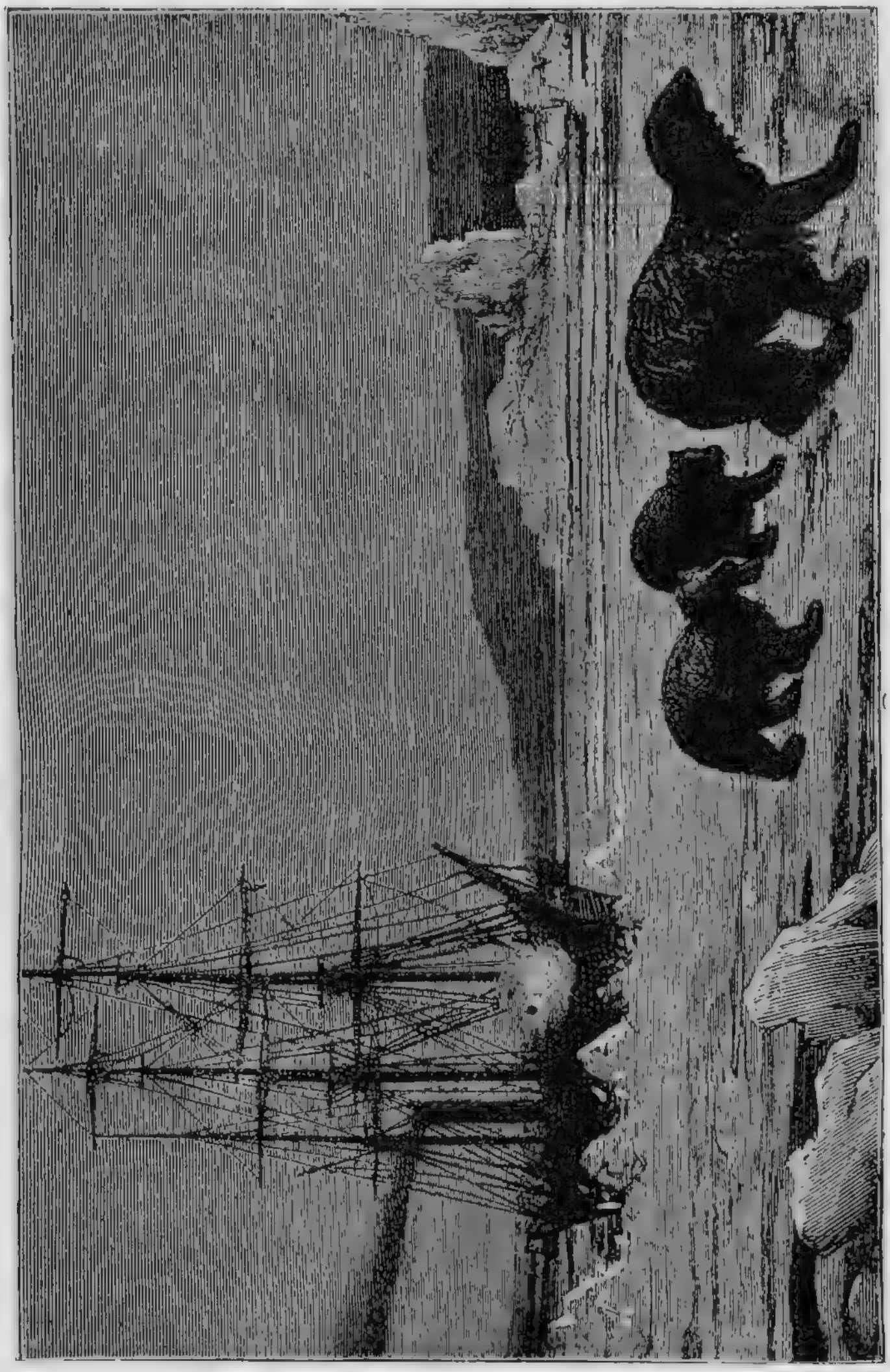
Медвѣдей нельзя осуждать за воровство; ихъ понуждаетъ къ этому страшный голодъ, отъ котораго они нерѣдко даже околѣваютъ. Докторъ Копеландъ, плававшій на «Германіи», разсказываетъ, что, распоровъ однажды животъ одного изъ медвѣдей, сторожившихъ нѣсколько мѣсяцевъ его судно, онъ нашелъ въ немъ вмѣсто всякой пищи кусочекъ фланели, выброшенной портнымъ. У другихъ медвѣдей были совсѣмъ пустые животы, или слегка наполненные морской травой и водой,—скудное пропитаніе для кровожаднаго животнаго, имѣющаго пять футовъ вышины, восемь длины, тысячу фунтовъ вѣсу и, благодаря холоду, усиливающійся аппетитъ.

Несмотря на испытываемый голодъ, медвѣди все-таки жи-

вуть и размножаются. Скоресби разсказываетъ, что онъ видѣлъ на одномъ изъ береговъ Гренландіи стаю медвѣдей штукъ во сто, изъ которыхъ двадцать были убиты его людьми. Изъ отчета Герарда Вера, спутника знаменитаго голландскаго мореплавателя, Вильяма Барентца, видно, какое количество медвѣдей нападало на ихъ судно, стоявшее зимою въ 1596 г. у сѣвернаго берега Новой Земли.

Вотъ выписка изъ этого отчета: «9 сентября двое медвѣдей подошли къ самому судну; мы затрубили и выстрѣлили въ нихъ изъ мушкетовъ; они убѣжали. 15-го — подошли три медвѣдя, изъ нихъ одинъ спрятался за льдину, а двое другихъ приблизились къ самому судну. На льду стояла у насъ кадка съ мясомъ; одинъ изъ медвѣдей отважился просунуть туда голову, но былъ тотчасъ-же убитъ выстрѣломъ; второй, поднявшись на заднія лапы, готовился броситься на насъ, но одинъ изъ нашихъ ранилъ его въ животъ, и онъ съ воемъ бросился бѣжать. 28-го подкрался одинъ медвѣдь, но, завидѣвъ много людей, скрылся. 29-го появилось трое медвѣдей и прямо направилось къ судну; экипажъ, сговорившись, поднялъ страшный крикъ и медвѣди разбѣжались. 10-го октября одинъ изъ нашихъ вышелъ на берегъ; едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ на него напалъ медвѣдь; внѣ себя отъ ужаса онъ бросился къ судну, крича: «медвѣдь, медвѣдь!» Животное, замѣтивъ погоню, скрылось. 11-го, во время выгрузки вина, къ намъ приблизился медвѣдь, прятавшійся до тѣхъ поръ за льдину; мы послали ему навстрѣчу градъ выстрѣловъ, и онъ бросился бѣжать. 16-го вечеромъ пробрался на судно незамѣтно медвѣдь, но съ наступленіемъ дня, завидя людей, скрылся. 18-го мимо судна пробѣжалъ медвѣдь. 19-го на суднѣ было только два матроса и одинъ юнга; вдругъ появился медвѣдь, который быстро направился къ нимъ; тѣ стали бросать въ него полѣньями, но онъ не останавливался. Въ это время къ судну приближались другіе матросы, которые выстрѣлили въ него сзади, заставивъ его убѣжать. 25-го мы тащили по льду сани; вдругъ видимъ,—за нами гонятся три медвѣдя, мы—назадъ, къ судну, они за нами; мы начали въ нихъ бро-

сать палками, а потомъ одному изъ насъ удалось попасть топоромъ въ морду старшаго медвѣдя, онъ съ воплемъ кинулся



Нападеніе бѣлыхъ медвѣдей на корабль.

прочь, а за нимъ и двое другихъ. Мы благодарили Бога за спасеніе».

Этотъ безыскусственный разсказъ продолжается и дальше въ такомъ-же духѣ; въ немъ каждый день отмѣчается появленіе одного или нѣсколькихъ медвѣдей.

Изъ всего этого мы видимъ, что смѣлость медвѣдей не слишкомъ велика; часто достаточно не только раны, но даже угрозъ въ видѣ криковъ, чтобы заставить медвѣдя обратиться въ бѣгство. Тѣмъ не менѣе эти животныя не лишены храбрости; они часто съ яростью нападаютъ на тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ, вырываютъ изъ рукъ ружье или пику, разгрызая ихъ зубами. Лейтенантъ Белло разсказываетъ, что одинъ медвѣдь, пораженный девятью пулями, изъ которыхъ многія проникли ему въ голову, съ раздробленной лапой преслѣдовалъ охотниковъ съ такой яростью, что тѣ должны были спасаться бѣгствомъ и издали стрѣлять въ него. Иногда, побуждаемый голодомъ, медвѣдь первый дѣлаетъ нападеніе, что не разъ испыталъ на себѣ экипажъ «Германіи», стоявшей зимою 1870 года на островѣ Сабинѣ, близъ восточнаго берега Гренландіи. Однажды одинъ изъ матросовъ, прогуливаясь около ледника, недалеко отъ судна, увидѣлъ за собой огромнаго медвѣдя; не имѣя при себѣ оружія, онъ бросился по прямой дорогѣ къ судну, животное за нимъ; когда онъ останавливался, медвѣдь тоже дѣлалъ передышку, бросаясь за нимъ бѣжать при первомъ его движеніи впередъ. Несчастному казалось, что онъ уже чувствуетъ на затылкѣ горячее дыханіе звѣря; у него блеснула мысль сбросить поочередно съ себя каску, жилетъ и куртку; медвѣдь, дѣйствительно, занялся было этими предметами и нѣсколько отсталъ, но, наконецъ, ему это надоѣло; ускоривъ бѣгъ, онъ готовился уже схватить свою жертву, когда на ея крики поспѣшили вооруженные товарищи, и минуту спустя медвѣдь былъ убитъ. Въ другой разъ одинъ изъ ученыхъ, докторъ Бёргенъ, былъ схваченъ медвѣдемъ, который, опрокинувъ его, тащилъ за руку по шероховатымъ льдинамъ на разстояніи трехсотъ шаговъ; весь израненный, онъ былъ-бы, наконецъ, растерзанъ, еслибъ выстрѣлы экипажа не заставили звѣря спастись бѣгствомъ.

Итакъ, даже въ минуты самой отчаянной храбрости медвѣдя не оставляетъ чувство самосохраненія; онъ скорѣе выпу-

стить изъ зубовъ добычу, имѣя въ перспективѣ голодъ, скорѣе остановитъ свою ярость, чѣмъ подвергнетъ жизнь неминуемой опасности. Въ сущности, это плотоядное животное не должно-бы считаться хищнымъ; полярные льды какъ будто ослабили его кровожадные инстинкты и охладили кровь. Бѣлый медвѣдь—далеко не то, что африканскій левъ или индѣйскій тигръ.

Но есть случаи, когда это животное забываетъ всякую предосторожность и борется съ ожесточеніемъ, не щадя жизни. Это тогда, когда необходимо защитить дѣтенышей. Почти всѣ мореплаватели видѣли подобныя сцены и были глубоко тронуты мужествомъ самки. Спутники доктора Кана, путешествуя на саняхъ, видѣли, какъ собаки набросились на медвѣдицу, сопровождаемую медвѣженкомъ. Зная, что онъ не можетъ скоро бѣжать, самка не помышляла о спасеніи бѣгствомъ. Она остановилась лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Присѣвъ на заднія лапы и зажавъ между ними дѣтеныша, она подняла ужасный ревъ, разинувъ свою огромную пасть и защищаясь переднпми лапами. Временами она на шагъ отдѣлялась отъ медвѣженка и, вытянувъ шею, хватала ближайшую собаку. Во всѣхъ движеніяхъ ея виднѣлось отчаяніе. Эта ужасная борьба продолжалась долго; наконецъ, ей положили конецъ, выстрѣливъ въ самку, которая до послѣдней минуты не выпускала изъ лапъ дѣтеныша.

Докторъ Гессъ былъ свидѣтелемъ не менѣе драматичной сцены. На медвѣдицу съ медвѣженкомъ также напали собаки; море было близко и она могла бы легко спастись вплавь, но тогда нужно было бы оставить медвѣженка, а она этого не хотѣла. «Больно было слышать эти, душу раздирающіе, крики матери. Она видала опасность, но не могла спасаться одна. Страхъ и материнская любовь боролись въ ней. Она то бросалась къ морю, гдѣ было ея спасеніе, то снова бѣжала къ дѣтенышу, обнюхивая его и какъ бы успокаивая». Когда собаки настигли ее, она рѣшительно остановилась, понимая, что бѣжать безполезно; медвѣженокъ, обезумѣвъ отъ страха, кружился около матери, забивался между ея ногъ, ища защиты. Побоище было

ужасно. Двадцать собакъ сразу набросились на медвѣдицу, нѣкоторыя вскочили ей на шею, другія вцѣпились зубами сзади; она нѣсколько разъ отбивалась отъ нихъ, отбрасывая ихъ далеко отъ себя. Въ то же время она защищала дѣтеныша, который былъ покрытъ ранами, и старалась запрятать его между ногъ. На помощь собакамъ подоспѣли люди изъ экипажа и пять разъ выстрѣлили въ медвѣдицу, которая, истекая кровью, упала на медвѣженка. Но—минута, и она вскочила, яростно сбросивъ съ себя собакъ; тутъ она замѣтила, что дѣтище ея мертво: задушенный, покрытый ранами медвѣженокъ лежалъ у ея ногъ. Видя его распростертымъ, неподвижнымъ, она все забыла: собственныя раны, опасность, собакъ, которыя успѣли вернуться и снова вцѣпились въ нее; она съ безумной нѣжностью лизала своего дѣтеныша, пытаясь поднять его, не вѣря, что онъ умеръ; она ласкала его, поощряя къ новому бою. Наконецъ, видя, что больше не нужна ему, она начала снова защищаться. Въ это время подошелъ эскимосскій охотникъ съ рогатиной въ рукахъ; она бѣшено стряхнула съ себя собакъ и ринулась на него; онъ бросился бѣжать и уже рисковалъ быть растерзаннымъ, когда новый залпъ изъ ружей заставилъ ее упасть замертво на снѣгъ, обагренный кровью на далекомъ разстояніи.

ГЛАВА VI.

Другіе обитатели сѣверныхъ пустынь.

Сѣверныя лисицы.— Ихъ смѣлость.— Продѣлки съ путешественниками.— Сѣверные олени.— Переселеніе этихъ животныхъ.— Олени-какъ домашнія животныя лапландцевъ и сибиряковъ. Мускусные овце-быки.—Безчисленныя колоніи птицъ.

Сѣверныя лисицы встрѣчаются еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ медвѣди. Онѣ распространены во всѣхъ полярныхъ странахъ стараго и новаго свѣта. Формой своей онѣ походятъ на нашихъ лисицъ, но ростъ ихъ значительно меньше. Ихъ цвѣтъ мѣняется, смотря по времени года; лѣтомъ онѣ рыжеватыя или грязновато-сѣрыя; зимой нѣкоторыя дѣлаются, какъ

снѣгъ, бѣлыми, другія—синеватаго, стальнаго цвѣта, третьи бѣлыя, но съ черными хвостами.

Участь ихъ еще плачевнѣе медвѣжьей. Онѣ гораздо кровожаднѣе, чѣмъ бѣлые медвѣди, и при этомъ, какъ менѣе сильныя, еще труднѣе достаютъ себѣ пищу. На тюленей онѣ посматриваютъ съ жадностью, но не имѣютъ силы овладѣть ими. Лѣтомъ лисицы еще сравнительно благоденствуютъ; онѣ питаются леммингами, горностаями, многочисленными водяными птицами и ихъ яйцами. Но съ наступленіемъ зимы, когда прячется все живое, вокругъ лисицъ образуется пустота. Изрѣдка попадется имъ окоченѣлый заяцъ или рябчикъ, забившійся въ снѣгу. Имъ остается только ходить по стопамъ бѣлыхъ медвѣдей, подобно тому, какъ шакалы слѣдуютъ за львами въ надеждѣ полакомиться остатками ихъ пира. Часто онѣ принуждены довольствоваться тѣмъ, что выброситъ имъ море черезъ расщелины льдинъ, т. е. разными раковинами и даже морскими травами.

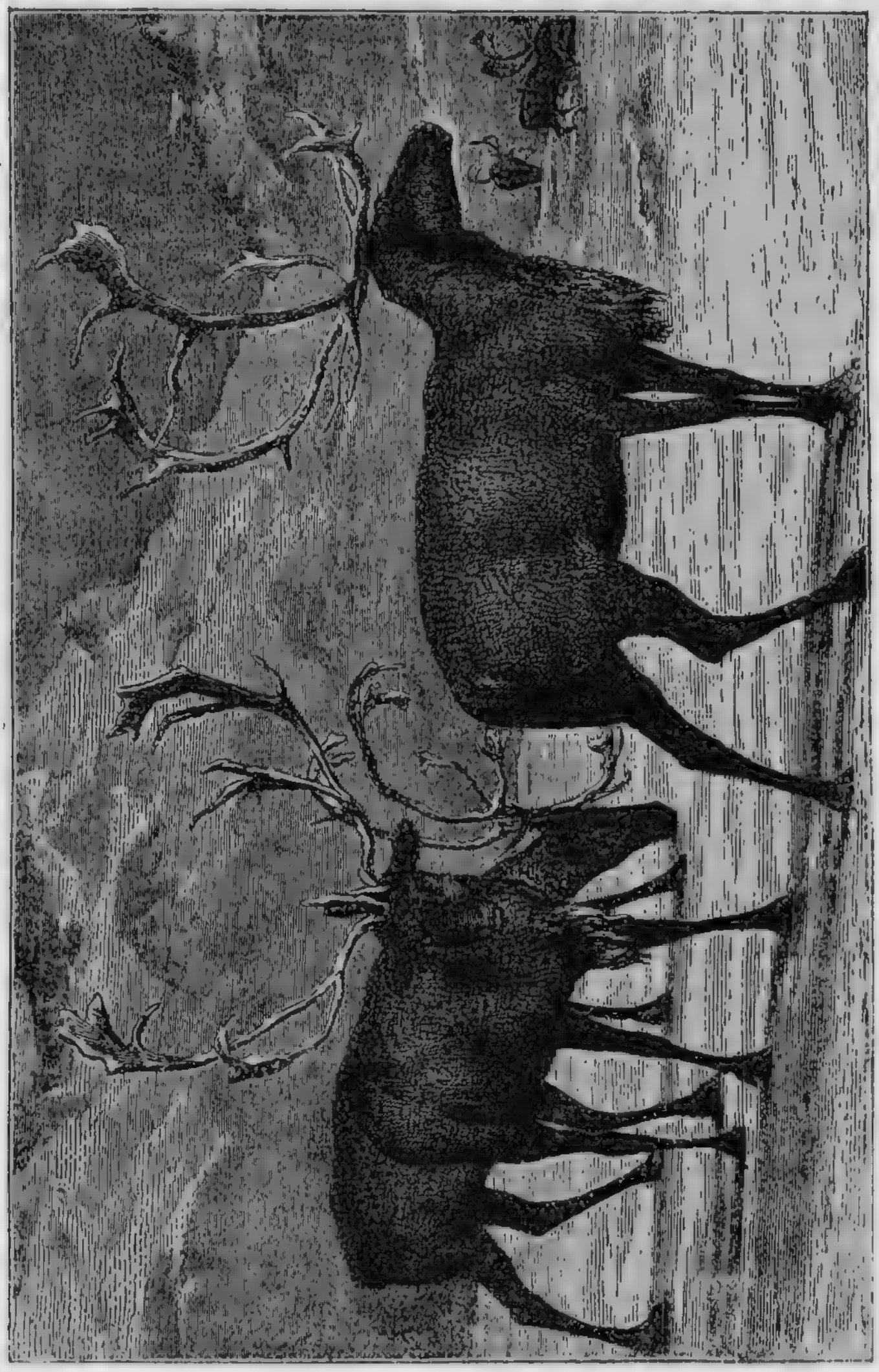
Когда въ льдахъ останавливается какое-нибудь судно, лисицы сбѣгаются къ нему въ огромномъ количествѣ; онѣ бродятъ вокругъ него по всѣмъ направленіямъ, вытянувъ морду, съ жадностью вдыхая запахъ съѣдобнаго и подхватывая выбрасываемые объѣдки. Когда нѣкоторые изъ экипажа отправляются на какую-нибудь экскурсію, лисицы ихъ сопровождаютъ; бѣгутъ за санями, бродятъ вокругъ шалашей и нерѣдко проникаютъ туда. Смѣлость ихъ поразительна; онѣ подходятъ къ вамъ, смотрятъ вамъ въ глазъ, испуская какіе-то звуки, похожіе на тихій лай. Если вы выстрѣлите въ нихъ, онѣ удаляются, но, видимо, съ большимъ сожалѣніемъ, постоянно оборачиваясь назадъ, и вскорѣ опять возвращаются.

Всѣ путешественники жалуются на ихъ назойливость; гг. Фогтъ и Борна, путешествуя по острову Янъ-Майену, должны были спасать отъ нихъ не только съѣстные припасы, но даже одежду. Когда Берингъ потерпѣлъ крушеніе въ проливѣ, названномъ его именемъ, синія лисицы до такой степени осаждали его экипажъ, что у матросовъ во время сна оказались изгрызанными подошвы на сапогахъ. Мореплавателю Штеллеру,

бывавшему въ той же мѣстности, тоже приходилось постоянно возиться съ этими отважными грабителями. «Продѣлки лисицъ,— говоритъ онъ,—превосходили даже хитрость обезьянъ; онѣ проникали днемъ и ночью въ наши жилища, воруя мѣшки, ботинки, чулки, все, до ножей и палокъ включительно. Онѣ такъ ловко доставали изъ бочекъ куски мяса, что вначалѣ мы даже не подозрѣвали объ этомъ. Если случалось намъ потрошить на воздухѣ какое-нибудь животное, лисицы нерѣдко вырывали изъ рукъ провизію, за что мы ихъ тотчасъ же убивали ножомъ. Куда бы мы ни запрятали дичь, какъ бы ни заваливали то мѣсто камнями, лисицы всюду проникали, помогая другъ другу разрушать наши сооруженія; мы пробовали класть провизію на столбы, но хитрыя животныя или подкапывали ихъ основаніе, или, подобно кошкамъ, карабкались на нихъ, достигали вершины и сбрасывали оттуда весь провіантъ. Онѣ наблюдали за всѣми нашими дѣйствіями и всюду слѣдовали за нами. Выброситъ ли море какого-нибудь звѣря, лисицы уже успѣютъ съѣсть его, прежде чѣмъ мы явимся на мѣсто дѣйствія; если же хищники не могли всего прикончить, онѣ на нашихъ же глазахъ уносятъ остатки въ горы. Ночью, во время нашего сна, лисицы стаскивали съ насъ звѣриныя шкуры, служившія одѣялами, шапки, рукавицы; мы придумали ложиться на убитыхъ нами бобровъ, чтобы лисицы не стащили ихъ ночью; каково же было наше удивленіе, когда, просыпаясь, мы видѣли, что у бобровъ выѣдены всѣ внутренности. Наконецъ, это намъ такъ надоѣло, что мы рѣшили безъ сожалѣнія убивать ихъ, чѣмъ попало. Мы протягивали имъ кусокъ говядины и, когда онѣ подбѣгали къ намъ, ударяли ихъ другой рукой топоромъ; или же, стоя около мертваго тюленя, мы дѣлали видъ, что не замѣчаемъ подходящихъ лисицъ и, когда тѣ принимались ѣсть, мы убивали ихъ палками. За все мое пребываніе тамъ я одинъ убилъ ихъ двѣсти штукъ. На третій день нашего пріѣзда, въ теченіе трехъ часовъ, было уложено на мѣстѣ болѣе семидесяти штукъ лисицъ, шкурки которыхъ послужили для покрышки нашей хижины».

Только страшный голодъ заставляетъ этихъ животныхъ, обыкновенно дикихъ и трусливыхъ, быть такими назойливыми.

На льду часто попадаются трупы лисицъ, состоящіе положительно изъ однѣхъ костей и кожи; видимо, голодъ и изнуреніе



Сѣверные олени.

свалили ихъ замертво. «Какъ это могло случиться,—пишетъ лейтенантъ Белло, тронутый видомъ этихъ труповъ,—какъ

могла природа допустить, чтобы живыя существа оставались безъ всякихъ источниковъ къ пропитанію?»

Травоядныя животныя не возбуждаютъ такой жалости; если питаніе ихъ, состоящее изъ мховъ и лишаевъ, однообразно, за то его много. Представителями этихъ животныхъ являются тамъ только сѣверные олени и мускусные овце-быки. Первые встрѣчаются въ Лапландіи, въ Россіи, въ Сибири, въ Америкѣ, въ Гренландіи, даже на Шпицбергенѣ и въ Исландіи и во всѣхъ полярныхъ странахъ.

Въ Сибири и въ Америкѣ сѣверные олени бродятъ огромными стадами по безпредѣльнымъ пастбищамъ, переселяясь два раза въ году съ одного мѣста на другое. Съ наступленіемъ осени они покидаютъ берега Ледовитаго океана, чтобы достигнуть границы лѣсистыхъ странъ, которая начинается на югѣ сибирскихъ тундръ и безплодныхъ Американскихъ Ландовъ. Весною, къ концу мая, когда солнце сушитъ травы и олени страдаютъ отъ безчисленнаго множества москитовъ, они снова идутъ на сѣверъ, гдѣ находятъ зеленые ковры мховъ и лишаевъ. Они совершаютъ эти путешествія стадами, по 200 и 300 штукъ каждое, при чемъ общее число дущихъ оленей доходитъ до 10,000 — 20,000 и даже до 100,000. Многіе увѣряютъ, что они наблюдаютъ извѣстный порядокъ при переходахъ: олени мужского пола начинаютъ и замыкаютъ собой шествіе, а самки идутъ въ серединѣ. Мѣстные волки и медвѣди зорко слѣдятъ за ними, набрасываясь на отстающихъ или выходящихъ изъ рядовъ и пожирая ихъ, а лисицы подбираютъ объѣдки. Надъ стадами парятъ орлы и другія хищныя птицы, надѣясь чѣмъ-нибудь поживиться. Если имъ встрѣчается на пути рѣка, они выбираютъ то мѣсто, гдѣ оба берега плоски, и пускаются вплавь, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Издали всѣ эти головы съ большими, вѣтвистыми рогами производятъ впечатлѣніе движущагося лѣса.

Для жителей крайняго сѣвера олени необходимы. Нѣкоторые изъ сибирскихъ народовъ и изъ индѣйскихъ племенъ въ Сѣверной Америкѣ смотрятъ на оленей только какъ на источникъ пропитанія и одежды; они нападаютъ на нихъ въ то время,

когда тѣ переплываютъ рѣку; сидя въ челнокахъ, охотники прячутся сначала за скалами, потомъ одновременно выплываютъ, окружаютъ стадо со всѣхъ сторонъ и ударяютъ въ массу своими длинными пиками. Другіе же гиперборейцы, какъ лапландцы, финны, самоѣды, остяки, тунгузы, коряки и чукчи, сдѣлали изъ оленя домашнее животное; онъ служитъ имъ тѣмъ, чѣмъ для насъ—корова, быкъ и лошадь; они запрягаютъ его въ сани, ѣдятъ его мясо и пьютъ молоко самокъ.

Но сѣверный олень не такъ послушенъ, какъ наши домашнія животныя; онъ остается всегда въ полудикомъ состояніи. Лапландецъ, пасущій свое стадо, состоящее не рѣдко изъ пятисотъ головъ, далеко не имѣетъ того спокойствія, какимъ пользуются наши пастухи. Глядя на него, трудно рѣшить, онъ ли ведетъ свое стадо или стадо ведетъ его за собой. Безъ помощи собакъ ему невозможно собрать всѣхъ оленей вмѣстѣ. Животныя эти, благодаря своимъ огромнымъ рогамъ, ровняются ростомъ нашимъ лѣснымъ оленямъ; на ходу они производятъ шумъ, подобный ударамъ града о стекло, происходящій вслѣдствіе столкновеній ножныхъ сочлененій; видъ у нихъ въ одно и то же время и свирѣпый, и боязливый. Каждый вечеръ пастухъ долженъ загнать свое стадо въ какое-нибудь огороженное мѣсто, что стоитъ ему не малаго труда. Доить самокъ то же не легко; прежде чѣмъ приступить къ этому, имъ накидываютъ на рога лассо, длинный ремень, стягиваютъ ротъ петлей и насильно привязываютъ ихъ къ колу.

Сѣверный олень, какъ упряжное животное, то же не отличается послушаніемъ. Онъ мчится во всю прыть, увлекая за собой сани, дѣлая до 120 километровъ въ день, перескакивая всѣ препятствія вмѣсто того, чтобы обходить ихъ; онъ не всегда повинуется рукѣ хозяина и часто, опрокинувъ сани, продолжаетъ бѣжать; если же хозяинъ слишкомъ сильно натягиваетъ узду, животное нерѣдко бросается на него и ударяетъ его рогами или переднимъ копытомъ.

Нѣкоторымъ сибирякамъ, тунгузамъ, корякамъ и чукчамъ удалось приручить сѣвернаго оленя. Лейтенантъ Паландеръ, командующій «Вегой», изъ экспедиціи профессора Норденшель-

да, разсказываетъ, что онъ видѣлъ одного изъ чукчей, дѣлающаго обзоръ своему стаду; впереди стада шелъ самый старшій олень съ большими рогами; подойдя къ хозяину, онъ потерся носомъ объ его руки, выражая этимъ свое привѣтствіе, другіе олени стояли неподвижно, выжидая очереди. Владѣлецъ обошелъ все стадо, позволяя каждому изъ оленей привѣтствовать себя такимъ же образомъ; самъ же онъ держалъ въ это время животное за рога и съ минуту внимательно оглядывалъ его. По окончаніи обзора, все стадо по знаку хозяина повернулось и въ прежнемъ порядкѣ направилось къ пастбищу. Очевидно, здѣсь не было грубаго насилія со стороны владѣльца, между нимъ и стадомъ существовало полное согласіе.

Тунгузы пріучили сѣвернаго оленя не только возить сани, но и ходить подъ сѣдломъ; сѣдла у нихъ плоскія, четыреугольныя, безъ стремянъ; они надѣваются на самыя плечи животнаго. Вскакивая на сѣдло, всадникъ пользуется своимъ лукомъ, какъ точкой опоры; вмѣсто уздечки служитъ ему длинный ремень, привязанный къ рогамъ оленя.

Коряки пріучили сѣвернаго оленя еще охотиться за подобными себѣ животными, что дѣлаютъ въ Индіи слоны. Одинъ французскій консулъ, прикомандированный въ качествѣ переводчика къ экспедиціи Ла-Перуза, по возвращеніи изъ Камчатки во Францію, разсказывалъ, что у коряковъ въ стадахъ сѣверныхъ оленей, всегда есть нѣсколько штукъ, спеціально назначенныхъ для охоты. «Инстинктъ этихъ животныхъ,— говоритъ онъ,—поразителенъ. Они охотятся, пощипывая траву на пастбищѣ. Встрѣтивъ дикаго оленя, они, не выказывая ни радости, ни удивленія, начинаютъ подражать всѣмъ его движеніямъ, чѣмъ привлекаютъ его къ себѣ. Завязывается игра; животныя борятся, догоняютъ и перегоняютъ другъ друга. Бѣгая и рѣзвясь, прирученные олени незамѣтно увлекаютъ своего дикаго товарища въ ту сторону, гдѣ стоитъ охотникъ, и жертва поймана». Существуетъ и другой способъ охоты: къ рогамъ домашняго оленя привязываютъ родъ силка, который во время игры животныхъ зацѣпляется своимъ другимъ концомъ за рога дикаго оленя. Плѣнникъ пытается освободиться

и, чѣмъ болѣе онъ мечется, тѣмъ сильнѣе затягиваются узлы въ это время подходитъ хозяинъ,— и охота кончена. Но иногда дикарь догадывается о ловушкѣ и спасается бѣгствомъ.

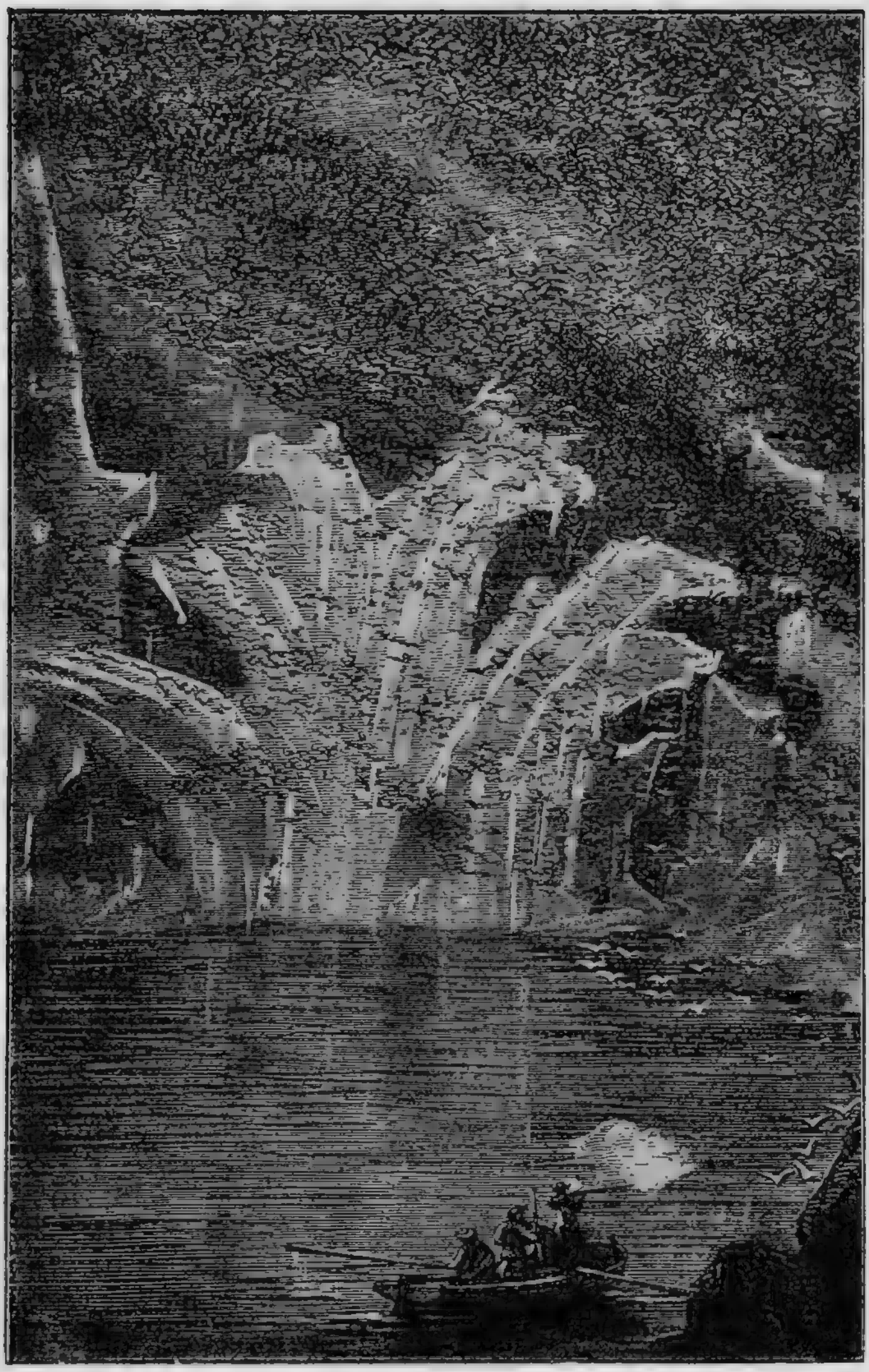
Ѣзда на оленяхъ.

Стада мускусныхъ овце-быковъ далеко не такъ многочисленны, какъ сѣверныхъ оленей. Лѣтъ сто тому назадъ путешественники встрѣчали ихъ около Гудзонова залива въ количествѣ

нѣсколькихъ сотенъ. Теперь-же въ той самой мѣстности и на Архипелагѣ Парри они попадаются въ одиночку или, самое большее, штукъ по десяти. Низкаго роста, коротконогія, съ шерстью, спускающейся почти до земли, съ обрубленной мордой и огромными, заостренными рогами, животныя эти, несмотря на свой приземистый, неуклюжій видъ, отличаются удивительной ловкостью. Подобно козамъ, карабкаются они и перепрыгиваютъ со скалы на скалу; привыкнувъ къ безопасности и уединенію, они не боятся человѣка и не бѣгутъ при его приближеніи. Знаменитый мореплаватель Мак-Клинтокъ разсказывалъ, что однажды на островѣ Мельвиллѣ онъ увидѣлъ девять мускусныхъ овце-быковъ; замѣтивъ его приближеніе, животныя съ любопытствомъ оглядывали его, не помышляя о бѣгствѣ; когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, они выстроились въ полукругъ и, нагнувъ голову, выставили впередъ свои изогнутые, острые рога. Мак-Клинтокъ, вооруженный ружьемъ, прицѣлился въ голову самаго рослаго быка и выстрѣлилъ; онъ упалъ замертво. Остальные быки продолжали спокойно стоять, потомъ, не обращая вниманія на убитаго товарища, какъ-бы ничего не замѣчая, начали рыть рогами землю, отыскивая пищу. Убить ихъ не составляло ни малѣйшаго труда. По словамъ другого путешественника, одинъ быкъ, пораженный пулей въ лобъ въ то мѣсто, гдѣ возвышается бугорокъ—основаніе роговъ, продолжалъ невозмутимо пастись; ни выстрѣлъ, ни ударъ нисколько не потревожили его; пуля-же найдена была на землѣ въ сплющенномъ видѣ.

Эти беззащитныя животныя, истребляемыя человѣкомъ, становятся все болѣе рѣдкими и постепенно исчезаютъ съ поверхности земного шара.

Птицы занимаютъ довольно значительное мѣсто въ арктической фаунѣ. Большею частью онѣ принадлежатъ къ обширному семейству лапчатоногихъ. Благодаря морю, доставляющему имъ неисчерпаемые запасы пищи, благодаря удобнымъ помѣщеніямъ на пустынныхъ островахъ и скалахъ, птицы размножаются на сѣверѣ въ безчисленномъ количествѣ. Онѣ живутъ тамъ только лѣтомъ, несутъ въ это время яйца и высиживаютъ



Охота на кайръ.

птенцовъ; съ наступленіемъ-же зимы всѣ пернатые обитатели сѣвера: чайки кайры, тупики, пингвины, морскіе вороны, ласточки и дикія утки покидаютъ сѣверъ, улетая на югъ, въ теплыя страны.

Шарль Мартинъ, во время своего путешествія на островъ Шпицбергенъ, видѣлъ безчисленныя колоніи птицъ около норвежскаго берега, на островѣ Лоппенъ и сѣвернѣе, на берегахъ Медвѣжьяго острова. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ: «Уступчатые откосы скалъ, похожіе на галлереи театральной залы, были сплошь покрыты самками, высиживающими птенцовъ; тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидѣли онѣ на яйцахъ, повернувъ головы къ морю. Около скалъ летали надъ моремъ цѣлыя тучи самцовъ, отыскивая пищу для самокъ, любимымъ пропитаніемъ которыхъ служатъ морскія ракушки. Трудно описать, какой шумъ, какое смятеніе въ воздухѣ производятъ всѣ эти птицы, столь различныя по росту, цвѣту, движеніямъ и крику. Оглушенный охотникъ, стоя предъ этимъ живымъ вихремъ, не знаетъ куда прицѣлиться: онъ не въ состояніи намѣтить себѣ какую-либо птицу. Онъ стрѣляетъ тогда на удачу, въ самую середину; поднимается страшный переполохъ; летающія, плавающія, сидящія на скалахъ, всѣ срываются съ мѣстъ; всѣ отдѣльные крики смѣшиваются въ общій нестройный гулъ; прежнее волненіе самцовъ—ничто въ сравненіи съ этимъ общимъ смятеніемъ, съ этимъ вихремъ мечущихся птицъ».

Докторъ Гессъ, плавая у западныхъ береговъ Гренландіи, былъ свидѣтелемъ подобнаго же зрѣлища. Находясь на разстояніи километра отъ берега, онъ увидѣлъ на поверхности воды безчисленныя стаи птицъ, которыя, при приближеніи судна, поднялись на воздухъ, громко хлопая крыльями. Въ воздухѣ слышался какой-то странный шумъ, похожій на отдаленное паденіе воды; шумъ этотъ, постоянно увеличиваясь, сдѣлался такимъ сильнымъ, что пассажиры судна съ трудомъ слышали другъ друга. Шумъ происходилъ отъ хлопанья крыльевъ и пронзительныхъ криковъ множества птицъ, покрывающихъ собой весь утесистый берегъ. Каждый выступъ скалы, шириной въ нѣсколько дюймовъ или больше, горизонтальный или наклон-

ный, длинный или короткій, былъ покрытъ ширококлювыми кайрами, тѣсно прижавшимися другъ къ другу и опиравшимися на него всей нижней частью своего тѣла. «Издали,—говоритъ докторъ Гессъ,—онѣ походили на солдатъ въ бѣлыхъ курткахъ и черныхъ кепи, стоящихъ плечомъ къ плечу. Птицы, покрывающія собой нижнія части утеса, могли быть сосчитаны, сидящія выше сливались въ сплошныя полосы, слѣдующихъ-же за ними, окружающихъ вершину, уже нельзя было различить человѣческимъ глазомъ. Позы и неподвижность всѣхъ этихъ птицъ доказывали, что это—самки, высиживающія птенцовъ. Вдругъ съ судна раздалось нѣсколько выстрѣловъ, вслѣдъ за которыми посыпался въ море цѣлый дождь птицъ. Пернатое населеніе заметалось. Кайры съ шумомъ сорвались со своихъ мѣстъ; казалось, это былъ ревъ урагана. Ихъ было такое несмѣтное множество, что, пролетая надъ судномъ, онѣ, подобно густому облаку, покрыли его своей тѣнью. Часть яицъ, лишенныхъ поддержки, скатилась внизъ, разбиваясь на лету и оставляя на скалахъ бѣлые и желтые слѣды. Птицы, отлетѣвъ на нѣсколько сотенъ метровъ, опустились на поверхность воды. Но самки не могли оставаться тамъ долго, зная, что яйца могутъ остыть безъ нихъ; онѣ первыя поднялись съ воды и вернулись къ прежнимъ мѣстамъ, оспаривая ихъ другъ у друга и вступая въ бой изъ-за яицъ. Понемногу порядокъ и покой снова водворились на всѣхъ этажахъ утеса, и онъ принялъ свой прежній видъ.

ГЛАВА VII.

Жизнь въ Полярномъ морѣ.

Киты. — Месть кашалота. — Тюлени. — Моржи, преслѣдующіе шлюпку. — Материнская и супружеская преданность моржей.

Арктическія моря, несмотря на свою низкую температуру, несмотря на льдины, плавающія по нимъ даже лѣтомъ, тоже имѣютъ своихъ обитателей, изъ которыхъ многіе по росту и численности занимаютъ первыя мѣста во всемірной морской фаунѣ, какъ: киты, тюлени и моржи. Присутствіе этихъ животныхъ,

которыя на свое горе составляютъ видный предметъ торговли, привлекало и привлекаетъ съ начала семнадцатаго столѣтія, несмотря на всѣ опасности, цѣлыя тысячи судовъ. Голландцы, англичане и норвежцы эксплоатировали ежегодно въ продолженіи двухъ вѣковъ окрестности Шпицбергена, Девисовъ проливъ и Баффиново море, гдѣ во множествѣ водились киты. Преслѣдуемыя все новыми судами, истребляемыя въ огромномъ количествѣ, животныя эти попадаются теперь рѣже, чѣмъ прежде. Изъ отчета экспедиціи Росса въ 1818 году видно, что одно судно «Согласіе» убило въ день въ Баффиновомъ морѣ пять китовъ,—и, прибавляетъ разсказчикъ,—если бъ было тамъ двадцать судовъ вмѣсто одного, все-таки каждое пріобрѣло-бы по столькоже, такъ какъ все море было покрыто ими. Теперь не то, хотя ловля китовъ все-таки приноситъ значительные барыши. Въ 1874 г. флотъ Дунде, состоящій изъ десяти китоловныхъ пароходовъ, пріобрѣлъ въ Баффиновомъ морѣ и его окрестностяхъ 174 кита, изъ которыхъ добыто было масла 1,290 тоннъ, а костей $66^1/_2$ тоннъ, всего на 2.187,750 франковъ.

Китъ, плавающій на поверхности воды, представляетъ очень интересное зрѣлище. Всего тѣла его, достигающаго нерѣдко до тридцати метровъ длины, нельзя увидѣть сразу; оно частями выступаетъ изъ воды. Сначала, подобно носу броненосца, показывается голова съ фонтанами воды, бьющими на высоту трехъ метровъ; это воздухъ, смѣшанный съ водянымъ паромъ и выдыхаемый могучими легкими кита. Потомъ голова исчезаетъ подъ водой и выступаетъ на поверхности спина: точно огромное колесо медленно вращается въ волнахъ. Наконецъ, всплываетъ хвостъ, вытягивается въ вертикальномъ положеніи, колышется и въ свою очередь исчезаетъ.

Животное скрывается цѣликомъ, оставляя на морѣ большіе, бурные концентрическіе круги. Но черезъ минуту оно снова появляется на поверхности, возобновляя тотъ-же маневръ. Это повторяется семь или восемь разъ подъ-рядъ; послѣ чего, сдѣлавъ достаточный запасъ воздуха, китъ опускается въ морскія глубины минутъ на сорокъ, по истеченіи которыхъ опять выплываетъ.

Иногда онъ остается въ водѣ на болѣе долгое время, напримѣръ, тогда, когда ему удается натолкнуться на сплошные слои морскихъ ракушекъ, окрашивающихъ воду въ ярко красный цвѣтъ; толщина этихъ живыхъ слоевъ доходитъ до нѣсколькихъ метровъ, длина до двадцати миль, а ширина до пяти. Китъ медленно плаваетъ по этому обильному пастбищу, разѣвая свою огромную пасть и поглощая милліоны микроскопическихъ животныхъ, которыя не могутъ выскользнуть изъ густой сѣтки китовыхъ усовъ. Наѣвшись досыта, онъ засыпаетъ, укачиваемый волнами.

Бываетъ время въ году, въ апрѣлѣ или маѣ, когда китъ утрачиваетъ свою солидность; онъ оживляется, дѣлается веселымъ и шаловливымъ. То ляжетъ онъ на бокъ, то на спину, ударяя себя грудными плавниками, то вытянетъ половину туловища вертикально надъ водой, а потомъ, кувырнувшись, встанетъ головой внизъ, а хвостомъ вверхъ; то, наконецъ, сдѣлавъ прыжокъ, подобно карпу, скакнетъ на воздухъ и со страшнымъ грохетомъ свалится обратно въ воду. Эти игры привлекаютъ вниманіе другихъ китовъ, которые собираются вокругъ него и начинаютъ продѣлывать тѣ-же штуки. Все общество состоитъ большею частію изъ десятка животныхъ, иногда-же доходитъ до пятидесяти. Это свадебный пиръ китовъ, которые, веселясь и играя, производятъ такой-же шумъ, какъ пушечная пальба во время битвы. Ихъ головы съ бьющими изъ нихъ фонтанами походятъ на дымящіяся печки мануфактурнаго города. Вскорѣ все общество разбивается на пары, которыя спускаются въ глубь океана. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, осенью, можно будетъ встрѣтить въ спокойныхъ и неглубокихъ бухтахъ китовую самку въ сопровожденіи своего новорожденнаго дѣтеныша; послѣдній, въ шесть метровъ длины, въ три метра толщины и вѣсомъ отъ пяти до шести тысячъ килограммовъ, плещется около матери, отыскивая ея вымя, которое она и даетъ ему, ложась нѣсколько на бокъ; въ продолженіи первыхъ шести недѣль маленькій китъ питается исключительно материнскимъ молокомъ, и, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ наблюдателей, высасываетъ его за каждый разъ по три боченка.

И вотъ человѣкъ со своими судами, со своимъ смертоноснымъ оружіемъ приходитъ нарушать эти семейныя сцены и среди мирныхъ великановъ поселяетъ трепетъ и опустошеніе. Китъ—самаго благодушнаго нрава; онъ и не помышляетъ ни о нападеніи, ни о самозащитѣ и не опасается приближенія человѣка: что можетъ ему сдѣлать этотъ пигмей въ своей скорлупкѣ, которую онъ разобьетъ однимъ взмахомъ хвоста? И онъ беззаботно позволяетъ пигмею приблизиться къ себѣ. Вдругъ острый гарпунъ ударяется въ великана и вонзается ему въ мясо. Онъ хочетъ укрыться подъ водой, но канатъ, прикрѣпленный къ его тѣлу, вытягивается и слѣдуетъ за нимъ. Вскорѣ необходимость подышать заставляетъ его снова появиться на поверхности воды; желѣзный крючекъ опять впивается въ него; онъ начинаетъ метаться въ разныя стороны, но гарпунъ всюду настигаетъ его; животное, покрытое ранами, истекаетъ кровью; море, въ которомъ онъ бьется, покрывается багровыми пятнами. Наконецъ, великанъ вздрагиваетъ въ послѣдней агоніи и становится неподвижнымъ. Рыболовы притягиваютъ его канатами ближе къ судну, разрубаютъ топоромъ, разрѣзываютъ пластами, постоянно переворачивая его съ боку на бокъ, какъ яблоко которое чистятъ, а птицы и акулы вырываютъ изъ-подъ рукъ куски его мяса.

Подобная охота, или, вѣрнѣе, рѣзня была-бы отвратительна, еслибъ люди, пожертвовавшіе себя на это, не выказывали той отчаянной храбрости, которою нельзя не восторгаться. Они ставятъ на карту жизнь. Иногда пораженный гарпуномъ китъ скрывается подъ водой такъ быстро и на такую глубину, что шлюпка, не успѣвшая во-время оторваться отъ каната, несется за нимъ, погружается въ воду и навѣки остается тамъ. Если-же животное своимъ огромнымъ хвостомъ ударитъ кого-нибудь изъ матросовъ, тотъ падаетъ размозженнымъ, а шлюпка опрокидывается. Опасность еще увеличивается, когда охотники имѣютъ дѣло не съ настоящимъ китомъ, а съ гиббаромъ, который несравненно смѣлѣе и злѣе перваго, или-же съ кашалотомъ. У послѣдняго челюсти снабжены острыми зубами, которыми онъ и пользуется. Онъ самъ не нападаетъ, но, если его

задѣнутъ, приходитъ въ ярость и мститъ за себя. Многіе видѣли, какъ пораженный гарпуномъ кашалотъ кидался на шлюпку и разгрызалъ ее на двѣ части своими чудовищными челюстями. Горе мотросамъ, если они не успѣли спастись. Видя опасность, они большею частію кидаются въ море и достигаютъ вплавь другихъ лодокъ.

Одинъ путешественникъ, Г. Нугаретъ, будучи свидѣтелемъ подобнаго приключенія, написалъ объ этомъ разсказъ. Это случилось на китоловномъ датскомъ суднѣ, между островомъ Янъ-Майеномъ и восточной частью Гренландіи, въ сентябрѣ 1865 года. Поставленная стража дала сигналъ о присутствіи кашалота, котораго узнаютъ по особому, свойственному ему при дыханіи, свисту. Въ ту-же минуту спущены были четыре пироги, которыя окружили то мѣсто, гдѣ долженъ былъ снова появиться кашалотъ, чтобъ запастись воздухомъ. Дѣйствительно онъ показался на поверхности воды и началъ свистѣть; выдыхаемый имъ паръ покрылъ густымъ облакомъ одну изъ шлюпокъ; воспользовавшись этимъ, метатель гарпуна, находившійся на ней, бросилъ въ животное свое оружіе, которое не вонзилось, а только оцарапало его. Въ ту-же минуту кашалотъ сдѣлалъ бѣшеный скачокъ и изъ лодки послышались крики ужаса— животное схватило лодку зубами: она взвилась на воздухъ и, разломившись пополамъ, упала въ море. Сидѣвшій сзади офицеръ былъ далеко отброшенъ въ волны, тогда какъ метатель гарпуна, стоявшій впереди, упалъ на морду чудовища. Остальные матросы сами побросались въ море, но никто не утонулъ. Нѣсколько минутъ спустя они размѣстились уже по другимъ тремъ шлюпкамъ, сожалѣя, что упустили добычу. Но сожалѣнія ихъ были непродолжительны; съ четвертой лодки раздались торжествующіе крики: кашалотъ былъ убитъ.

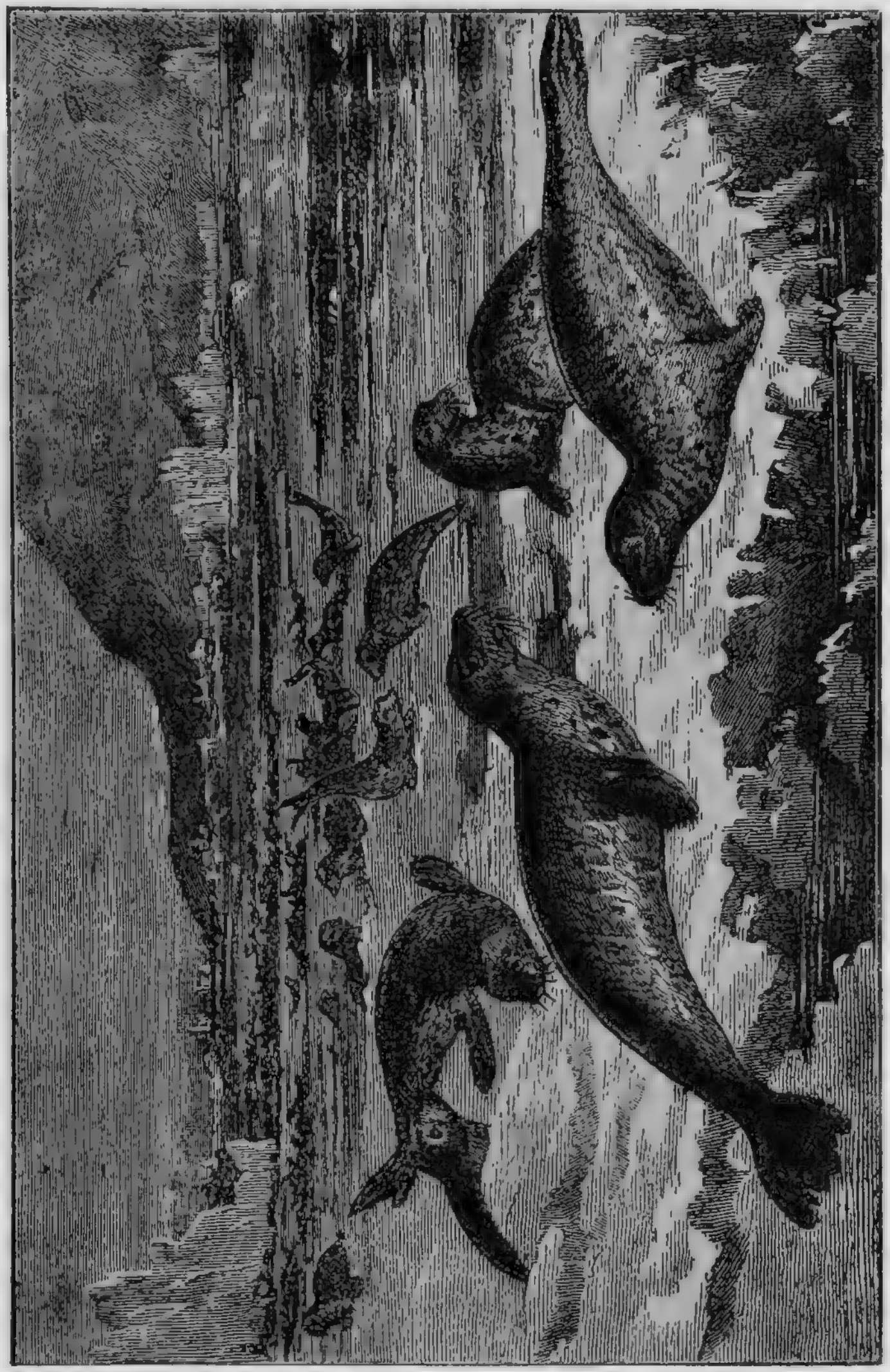
Тюлени и моржи водятся въ арктическихъ странахъ въ безчисленномъ количествѣ; они находятъ здѣсь неисчерпаемый запасъ пищи въ рыбахъ, ракушкахъ и молюскахъ, а мѣстомъ для отдыха служатъ имъ пустынные островки, прибрежныя скалы и льдины; животныя эти большую часть времени проводятъ не въ водѣ, а на сушѣ. При взглядѣ на нихъ пора-

жаешься, такъ могутъ они выбраться изъ воды на землю и еще двигаться на ней при неудобномъ устройствѣ своего тѣла; передніе члены ограничиваются у нихъ короткими обрубками, а задніе имѣютъ видъ двойного хвоста и никоимъ образомъ не могутъ служить для передвиженія тѣла; тѣмъ не менѣе эти калѣки, при всей своей безпомощности и неуклюжести, все-таки двигаются и даже взбираются на скалистый берегъ, подталкиваясь передними конечностями и головой; если же имъ нужно торопиться, они тогда перестаютъ тащиться по землѣ, а подвигаются маленькими прыжками, но эти прыжки стоятъ имъ такихъ усилій, сопровождаются такими ужимками и корчами, что больно смотрѣть на нихъ. Въ водѣ же тюлени перерождаются; они граціозно скользятъ по поверхности, ныряютъ, выплываютъ, извиваются кольцами, и все это дѣлается такъ ловко и легко, что можно залюбоваться на нихъ. Нужно замѣтить, что, выбравшись съ большимъ трудомъ на берегъ или на льдину, животное ложится поудобнѣе и уже безъ крайней необходимости не сходитъ съ мѣста. Цѣлыми часами грѣется оно на солнышкѣ, подогнувъ или вытянувъ переднія конечности, не двигаясь, не издавая ни одного звука и только время отъ времени полуоткрывая глаза.

Тюлени—безвредныя и беззащитныя животныя; соединившись нѣсколькими семьями на одной льдинѣ, они живутъ между собой въ мирѣ и согласіи. Каждая семья знаетъ свое мѣсто и считаетъ его собственностью; если какой-нибудь заплывшій случайно тюлень вздумаетъ завладѣть чужимъ мѣстомъ, глава семьи нападаетъ на него и сталкиваетъ его въ море. Но подобныя ссоры рѣдки; въ большинствѣ случаевъ каждый находится въ своемъ владѣніи, уважая чужую собственность.

Когда на тюленей нападаетъ человѣкъ или бѣлый медвѣдь, они вмѣсто защиты спасаются бѣгствомъ. Эскимосамъ, которые питаются ихъ мясомъ и употребляютъ ихъ жиръ какъ освѣщеніе и топливо, не приходится вести со своими жертвами упорной и опасной борьбы; они просто подстерегаютъ ихъ на льду и убиваютъ копьями или палками. Это—не охота, это—избіеніе, сцены изъ скотобойни. Въ 1871 году ловлей тюленей за-

нимались 33 судна изъ Тромсое и 24 изъ Гаммерфеста. Въ 1874 г. флотъ Дунде и Петерхеда добыли въ теченіе февраля



Тюлени.

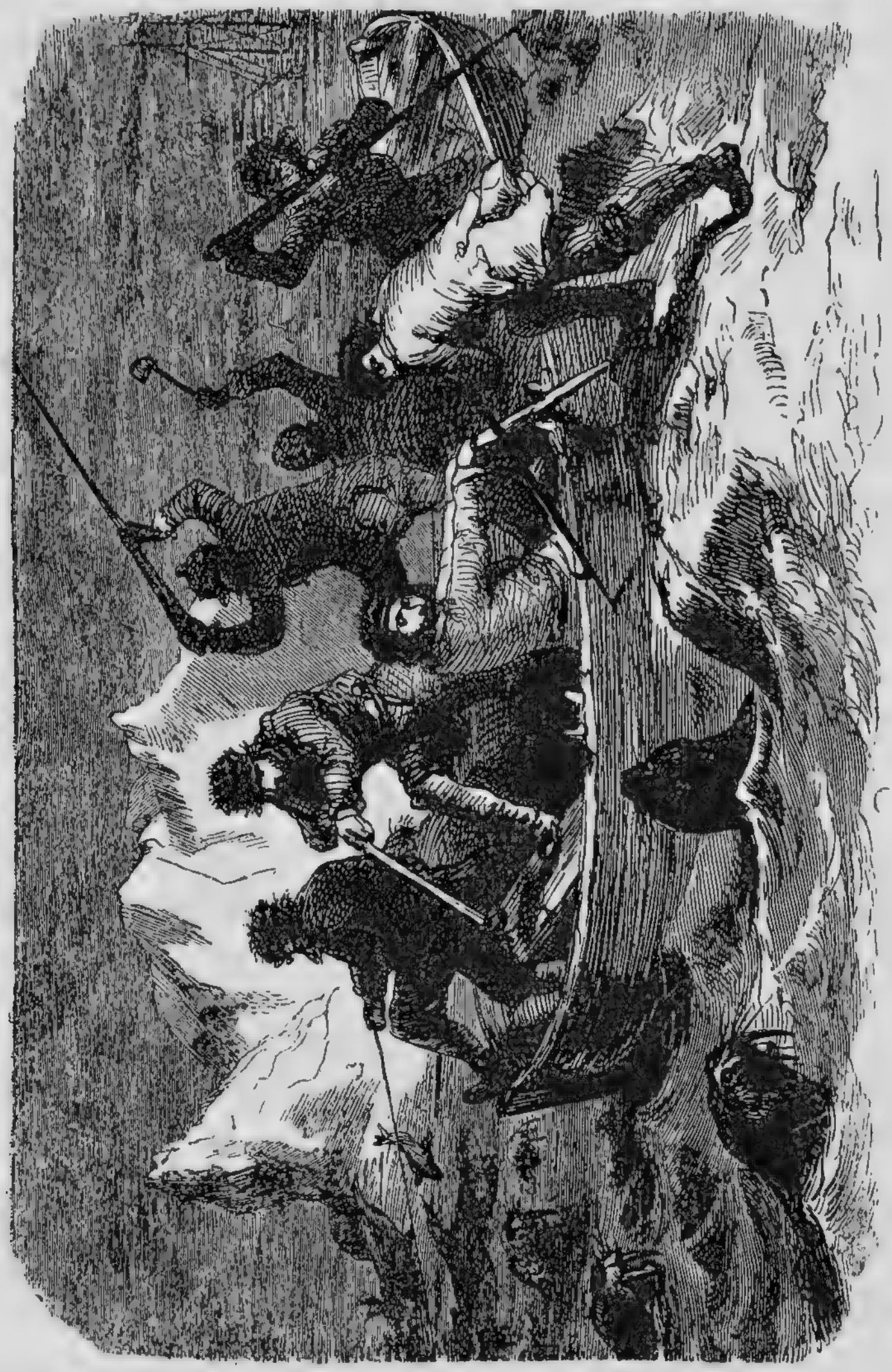
и марта на льдинѣ, простирающейся отъ острова Янъ-Майена къ сѣверо-востоку, 577 тоннъ тюленьяго жиру, стоющаго болѣе

500,000 ф. и на 800,000 франковъ кожи, доставленной 46,250 тюленями.

Моржи и по виду своему, и по дѣйствіямъ, гораздо страшнѣе тюленей. Ростомъ въ пять или шесть метровъ, огромной толщины, съ выпукло-приплюснутой мордой, снабженной двумя изогнутыми клыками, длиною по два фута, и щетинистыми усами, похожими на колючки дикобраза, они кажутся довольно грозными. Тяжесть ихъ настолько велика, что льдины лопаются подъ ними. Если ихъ ранить они приходятъ въ ярость; неистово ударяя клыками направо и налѣво, они ломаютъ направленное противъ нихъ оружіе или выбиваютъ его изъ рукъ непріятеля. Попавъ въ воду, они дѣлаются такими отважными, что бросаются на шлюпки, стараясь изгрызть ихъ или опрокинуть.

Докторъ Гессъ, не понимавшій, какъ можно бояться моржей, долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе, когда ему пришлось однажды быть свидѣтелемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ въ слѣдующемъ приключеніи: онъ находился на одномъ изъ мысовъ Гренландіи, вдающемся въ Смитовъ проливъ. Вдругъ видитъ, что морскимъ приливомъ къ берегу прибивается льдина съ цѣлой стаей моржей, испускающихъ хриплое мычаніе. «Они напоминали собой,—говоритъ онъ,—стада древняго Протея. Всѣ льдины на далекомъ протяженіи были сплошь покрыты ими. Ихъ можно было считать сотнями и тысячами». Гессъ поспѣшилъ вернуться къ судну и, созвавъ людей, приказалъ спустить въ море шлюпку съ гарпуномъ, канатомъ и нѣсколькими карабинами. «На той льдинѣ, къ которой направилась лодка, находились двѣ или три дюжины моржей: лѣниво потягиваясь и переворачиваясь, лежали они на солнцѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, точно огромныя свиньи, съ удовольствіемъ валяющіяся въ грязи». Среди нихъ можно было замѣтить двухъ возмужалыхъ самцовъ, длиною по крайней мѣрѣ по 16 футовъ и толщиною съ бочку; оба были погружены въ сладостную дремоту, прерывая ее время отъ времени нападеніемъ другъ на друга; съ самымъ свирѣпымъ видомъ сцѣплялись они клыками, но вскорѣ, обезсиленные сонливостью, снова падали на ледъ и засыпали.

Когда лодка подплыла къ нимъ на близкое разстояніе, моржи заволновались; по имъ не дали опомниться и броситься



Бой съ моржами.

въ море. Пока метатель гарпуна, стоя впереди, прицѣливался, Гессъ и двое изъ его спутниковъ выстрѣлили изъ карабиновъ. Двое самцовъ, въ которыхъ они мѣтили, были ранены; одинъ

изъ нихъ, получивъ ударъ въ голову, издалъ ужасный ревъ и устремился къ морю, но не успѣлъ онъ скрыться подъ водой, какъ въ спину его вонзился гарпунъ.

Все стадо вмѣстѣ съ раненными бросилось въ море и прикрѣпленный къ гарпуну канатъ натянулся съ такой силой, что экипажъ едва не выпустилъ его. Но вскорѣ канатъ началъ ослабѣвать: животное всплывало на поверхность. Оно всплывало не одно; вмѣстѣ съ нимъ появились и всѣ остальные моржи, остановившись метровъ на пятьдесятъ отъ шлюпки и окруживъ плотной массой раненаго. Метатель Гарпуна изо всей силы налегалъ на канатъ, притягивая понемногу свою жертву, вмѣстѣ съ которой приближалось все стадо. «Тогда,—говоритъ Гессъ,—началась сцена, не поддающаяся никакому описанію. Воздухъ огласился дикими криками «хекъ, хекъ, хекъ»; крики эти находили откликъ на всѣхъ окружающихъ льдинахъ, подобно тому, какъ звуки боевого рожка повторяются въ каждомъ изъ эскадроновъ. Со всѣхъ ледяныхъ плотовъ устремились въ море тысячи моржей. Поднявъ надъ водой голову, раскрывъ свою огромную пасть, они быстро плыли къ лодкѣ, не переставая кричать».

Въ нѣсколько минутъ вся лодка была окружена моржами, которые прибывали съ невѣроятной быстротой, покрывая собою морскую поверхность. Сомнѣваться долѣе было невозможно; они намѣревались растерзать злополучную лодку. Не теряя времени, нужно было защищаться. Одинъ изъ матросовъ схватилъ пику и ударилъ ею ближайшаго моржа, другіе выстрѣлили изъ карабиновъ, третьи начали направо и налѣво наносить удары веслами. Многіе изъ животныхъ были поражены въ тотъ самый моментъ, какъ они налегали головами на бортъ лодки, стараясь ее опрокинуть. Убитые моржи, подобно тяжелымъ камнямъ, сразу пошли ко дну. Раненые яростно защищались, окрашивая воду своей кровью.

Конецъ сраженію положила смерть одного изъ самыхъ крупныхъ моржей. Остальные, обезкураженные этой потерей, внезапно скрылись подъ водой. Они выплыли уже на далекомъ разстояніи отъ лодки и направились къ открытому морю. Чер-

ный батальонъ отступалъ съ такой быстротой, что нѣсколько минутъ спустя матросы потеряли его изъ вида; хриплые крики, замирая вдали, наконецъ, смолкли. Только находчивость и энергія матросовъ спасли ихъ отъ гибели; промедли они хоть минуту,— лодка была бы обращена въ щепки, а экипажъ пошелъ бы ко дну.

Докторъ Гессъ, приводя этотъ примѣръ товарищескаго инстинкта у моржей, увѣряетъ, что семейныя связи играютъ у нихъ еще большее значеніе. Желая пріобрѣсти для коллекціи маленькаго моржа, онъ убилъ одного изъ дѣтенышей, лежащихъ съ самками на берегу моря. «Вся стая,—говоритъ онъ,— моментально спрятались подъ водой, но мать убитаго сейчасъ же опять вынырнула и, замѣтивъ его лежащимъ безъ движенія на берегу, двинулась къ нему, не взирая на опасность; издавая стоны, она выползла на берегъ, у самыхъ моихъ ногъ, приблизилась къ моей жертвѣ и начала подталкивать ее къ водѣ. Я пробовалъ пугать ее, даже выстрѣлилъ въ нее изъ винтовки, но, жестоко раненая, она все-таки нашла силы прижать къ груди дѣтеныша и скатиться съ нимъ въ море».

Въ другой разъ матросы изъ экспедиціи Парри были свидѣтелями супружеской привязанности самца къ самкѣ, убитой ими на его глазахъ. Моржъ не отставалъ отъ лодки, въ которой везли ея трупъ, точно желая вырвать его изъ рукъ враговъ. Раненый нѣсколькими пулями, съ тремя пиками, воткнутыми въ спину, онъ не переставалъ вцѣпляться клыками въ лодку, получая за это удары штыкомъ, и успѣлъ оторвать отъ нея нѣсколько досокъ. Только послѣ десятиминутной упорной борьбы удалось убить его.

ГЛАВА VIII.

Гиперборейцы.

Эскимосы.—Ихъ костюмъ.—Лѣтнее и зимнее жилище.—Помѣщенія сибиряковъ и лапландцевъ.

Жители всѣхъ странъ, расположенныхъ за полярнымъ кругомъ, будучи поставлены въ одинаковыя условія, имѣютъ много общаго въ нравахъ и обычаяхъ. Уединенные въ своихъ уны-

лыхъ пустыняхъ, мало привлекательныхъ для другихъ народовъ, они живутъ одинокими, предоставленными самимъ себѣ, дикими, но свободными. Охота и рыбная ловля единственныя средства къ ихъ существованію; отсюда—кочующая жизнь, временныя помѣщенія, отсутствіе опредѣленнаго управленія и государственнаго устройства; все общество состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ, какъ-бы случайно собранныхъ вмѣстѣ и не связанныхъ между собой никакими нравственными интересами.

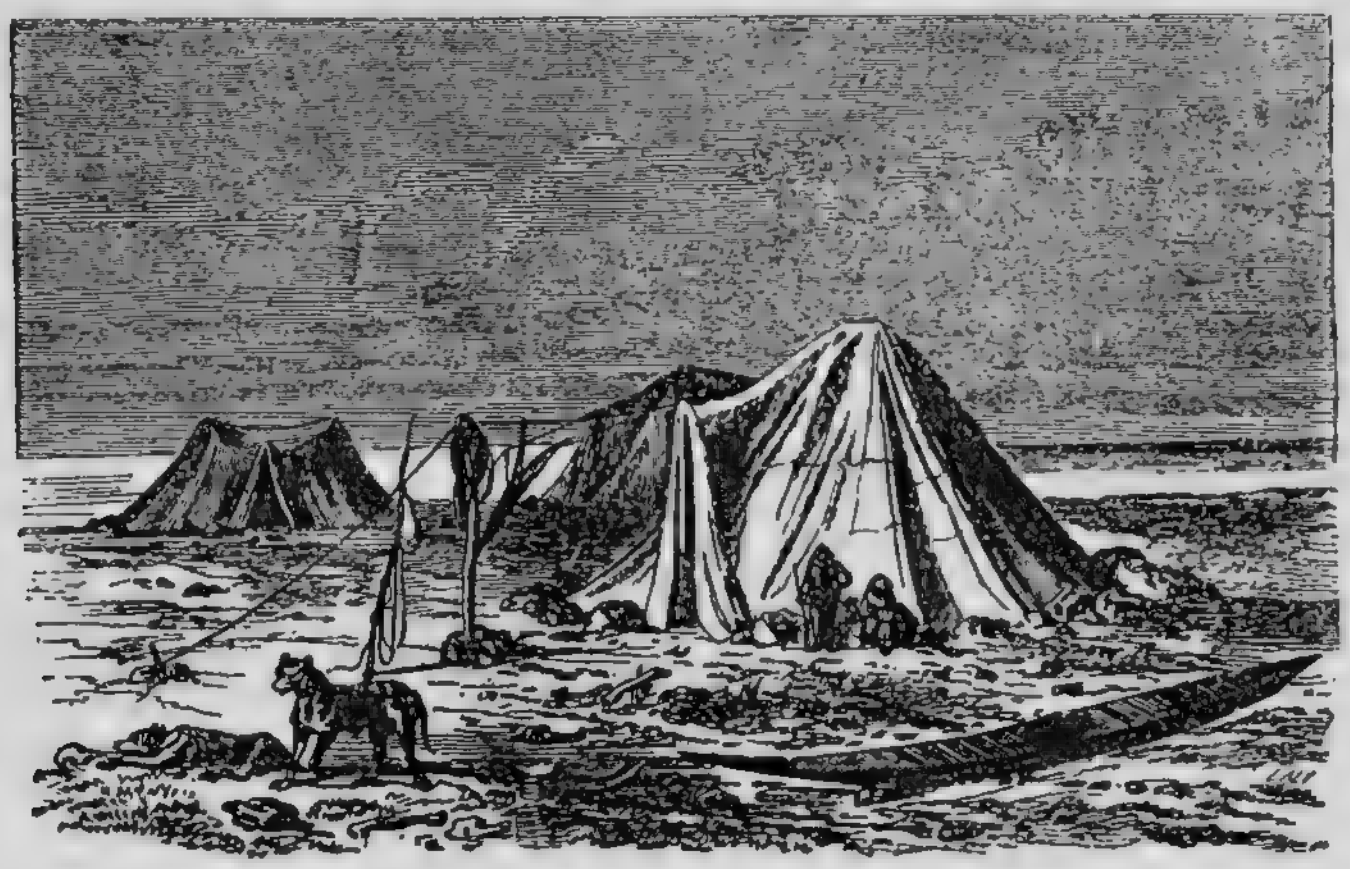
Изъ племенъ, населяющихъ прибрежья полярныхъ морей, наиболѣе многочисленное—эскимосы. Они встрѣчаются на самыхъ отдаленныхъ широтахъ. Въ Сѣверной Америкѣ они занимаютъ все пространство между Гудзоновымъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ, въ Азіи территорію Чукчей, затѣмъ—архипелагъ Парри, берегъ Гренландіи и даже землю Гранта, лежащую только на шесть миль ниже 82-ой параллели.

Громадная, населенная эскимосами область, за весьма малыми исключеніями, лежитъ по ту сторону крайней границы лѣсовъ, въ самыхъ пустынныхъ и непривѣтливыхъ частяхъ земного шара. Суровые вѣтры полярнаго моря вѣютъ по ледяной родинѣ эскимоса и не даютъ развиться растительной жизни. Только самыя живучія растенія, какъ лишаи и мхи, камнеломки и тальники, въ состояніи противиться вліянію такихъ уничтожающихъ вѣтровъ, и эти-то растенія составляютъ скудную пищу немногихъ наземныхъ животныхъ и перелетныхъ птицъ. Какъ бы плохо пришлось эскимосу, если бы онъ былъ принужденъ кормиться только тѣмъ, что даетъ мачиха земля, и если бы море со своими моржами, тюленями, китами и рыбами не заботилось о потребностяхъ эскимоса? Поэтому онъ селится вблизи неистощимаго океана, и никто не имѣетъ права называться береговымъ жителемъ болѣе эскимоса, котораго природа принудила занять такое огромное протяженіе по берегу полярнаго моря.

Эскимосы производятъ съ перваго взгляда отталкивающее впечатлѣніе. Большеголовые, съ широкимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ, выдвинутыми скулами, они непріятно поражаютъ своими маленькими черными глазами и огромнымъ ртомъ, въ

которомъ виднѣются зубы, очень попорченные вслѣдствіе того, что эскимосы разгрызаютъ ими кости, тянутъ веревки и т. д.; волосы у нихъ жидкіе, у мужчинъ висятъ космами, у женщинъ-же закручиваются на затылкѣ; бороды почти ни у кого нѣтъ.

Ихъ костюмъ не придаетъ граціи; онъ одинаковъ для обоего пола. Состоптъ онъ изъ балахона съ рукавами и капюшономъ, штановъ, спускающихся ниже колѣна, мѣховыхъ сапогъ и рукавицъ. Все это сдѣлано изъ кожи тюленей и сѣверныхъ



Палатки эскимосовъ.

оленей. Костюмъ женщинъ украшается сзади хвостомъ какого-нибудь животнаго, пришитымъ къ воротнику и спускающимся почти до земли; иногда хвостъ этотъ составляется изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ. Нѣкоторыя-же изъ женщинъ еще болѣе украшаютъ себя; мореплаватель Галль видѣлъ на одной изъ нихъ ожерелье изъ восьмидесяти нитокъ стеклянныхъ бусъ краснаго, синяго, бѣлаго и чернаго цвѣта; вся передняя часть ея костюма была разукрашена металлическими блюдечками и ложками, а сзади красовались оловянные шарики. Эти предметы роскоши были добыты съ одного англійскаго судна. Женщины на островѣ Уинтеръ и на землѣ Боотіи татуируютъ себѣ лицо, грудь и ноги. Татуировка производится посредствомъ тон-

кой какъ нитка жилки, смазанной смѣсью изъ сажи и жира. Прежде чѣмъ проколоть кожу, на ней рисуютъ съ помощью кисточки, сдѣланной изъ волосковъ китоваго уса, различныя изображенія; когда на проколотыхъ мѣстахъ образуются рубцы, нататуированные рисунки кажутся синяго цвѣта.

Племена, населяющія сѣверо-западный берегъ Америки, имѣютъ обыкновеніе втыкать въ нижнюю губу «ботокъ», т. е. кусочекъ моржевой кости или камня, похожій на запонку. Нѣкоторые-же, не ограничиваясь этимъ, украшаютъ еще углы рта такими-же запонками, только меньшаго размѣра.

Жилища эскимосовъ самыя безыскусственныя; они нисколько не лучше бобровыхъ норъ. Жилища эти измѣняются сообразно съ временами года. Лѣтомъ эскимосы строятъ себѣ палатки изъ деревянныхъ кольевъ, обтянутыхъ звѣриными шкурами, если-же дерева не хватаетъ, подпорки дѣлаются изъ китовыхъ костей. Зимнія помѣщенія не вездѣ одинаковы. Въ иныхъ мѣстахъ они строятся изъ камней и глины и покрываются досками и травами, въ другихъ изъ тюленьихъ и китовыхъ костей, скрѣпленныхъ глиной и покрытыхъ мхомъ.

Большинство-же эскимосовъ, живущихъ на сѣверѣ Америки и сосѣднихъ островахъ, строятъ свои юрты изъ снѣга и льда. Они вырываютъ въ толстомъ слоѣ снѣга углубленія въ десять или одиннадцать футовъ въ діаметрѣ, потомъ приготовляютъ изъ снѣга большіе комья, изъ которыхъ воздвигаютъ стѣну вокругъ углубленія и полукруглую крышу. Такимъ образомъ является круглая комната, имѣющая въ центрѣ не болѣе семи футовъ высоты и похожая на хлѣбную печь въ пекарняхъ. Всѣ неровности внѣшней стороны юрты залѣпляются мокрымъ снѣгомъ, который моментально замерзаетъ, и все зданіе представляетъ изъ себя одну сплошную ледяную глыбу. Въ крышу вставляется пластинка прозрачнаго льда, черезъ которую проникаетъ свѣтъ внутрь помѣщенія. Для постройки такой юрты требуется не болѣе двухъ человѣкъ; одинъ приготовляетъ снѣжные кирпичи, другой ихъ укладываетъ, и часа черезъ два домъ готовъ. Чтобъ проникнуть въ такое жилище, надо пробираться ползкомъ черезъ узкое отверстіе, сдѣланное въ снѣгу, у осно-

ванія зданія; отверстіе это, фута въ три вышиною, имѣетъ иногда двадцать пять и болѣе футовъ длины.

Во время перекочевокъ, эскимосское жилище отличается еще большей примитивностью: оно просто вырывается въ нѣсколько минутъ въ снѣгу, подобно кротовой норѣ. Вырывъ яму глубиною въ человѣческій ротъ, эскимосъ начинаетъ рыть въ горизонтальномъ направленіи; когда этотъ проходъ достигаетъ нѣсколькихъ футовъ длины, онъ пролѣзаетъ въ него и прорываетъ въ глубинѣ отверстіе, могущее вмѣстить двухъ или трехъ людей, причемъ лишній снѣгъ выбрасываетъ черезъ проходъ. Сгладивъ по возможности внутреннія стѣнки, эскимосъ считаетъ свою работу оконченной.

Обстановка жилищъ очень незатѣйлива. Треть комнаты занята постелью, сдѣланной изъ утоптаннаго снѣга, усыпанной китовымъ усомъ и сухимъ верескомъ и покрытой вмѣсто одѣялъ кожами тюленей и оленей. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели возвышается снѣжный столбъ, на которомъ стоитъ лампа, сфабрикованная изъ выдолбленнаго обломка скалы и наполненная тюленьимъ жиромъ съ плавающимъ посерединѣ фителемъ изъ сухого мха. Лампа эта служитъ и освѣщеніемъ и отопленіемъ; она горитъ цѣлый день, наполняя юрту копотью и чадомъ, надъ ней качается глиняный котелокъ съ замерзшимъ тюленьимъ мясомъ, которое скорѣе оттаиваетъ, чѣмъ варится.

Чтобы войти въ жилище эскимоса, надо побѣдить въ себѣ всякую брезгливость. Непривычный человѣкъ едва не задыхается тамъ отъ грязи, вони и дыма. Вотъ что разсказываетъ лейтенантъ Белло о своемъ посѣщеніи эскимосскаго жилья. Онъ былъ въ Упернавикѣ, датской колоніи, мѣстности сравнительно цивилизованной, гдѣ примѣръ европейцевъ долженъ былъ нѣсколько вліять на дикарей.—Приближаясь къ юртѣ, онъ замѣтилъ пирогу, стоящую на столбикахъ, и свору собакъ, мирно лежащихъ на землѣ. Онъ долго бродилъ вокругъ юрты, не будучи въ состояніи найти входа. Наконецъ, одинъ изъ товарищей его, приподнявъ часть кожи, покрывавшей все жилище, указалъ ему отверстіе фута въ два вышиною: это была дверь. Изъ этого отверстія на Белло пахнуло теплыми, зловонными

испареніями; онъ остановился въ нерѣшительности, наконецъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и полѣзъ; онъ ползъ на четверенькахъ въ узкомъ проходѣ съ мокрыми стѣнками, на протяженіе двухъ метровъ, ноги и руки его погружались въ жидкую грязь, разбавленную кровью и жиромъ. Онъ готовился увидѣть внутри жилья самую непривлекательную картину, но то, что представилось его глазамъ, превзошло даже всѣ ожиданія.

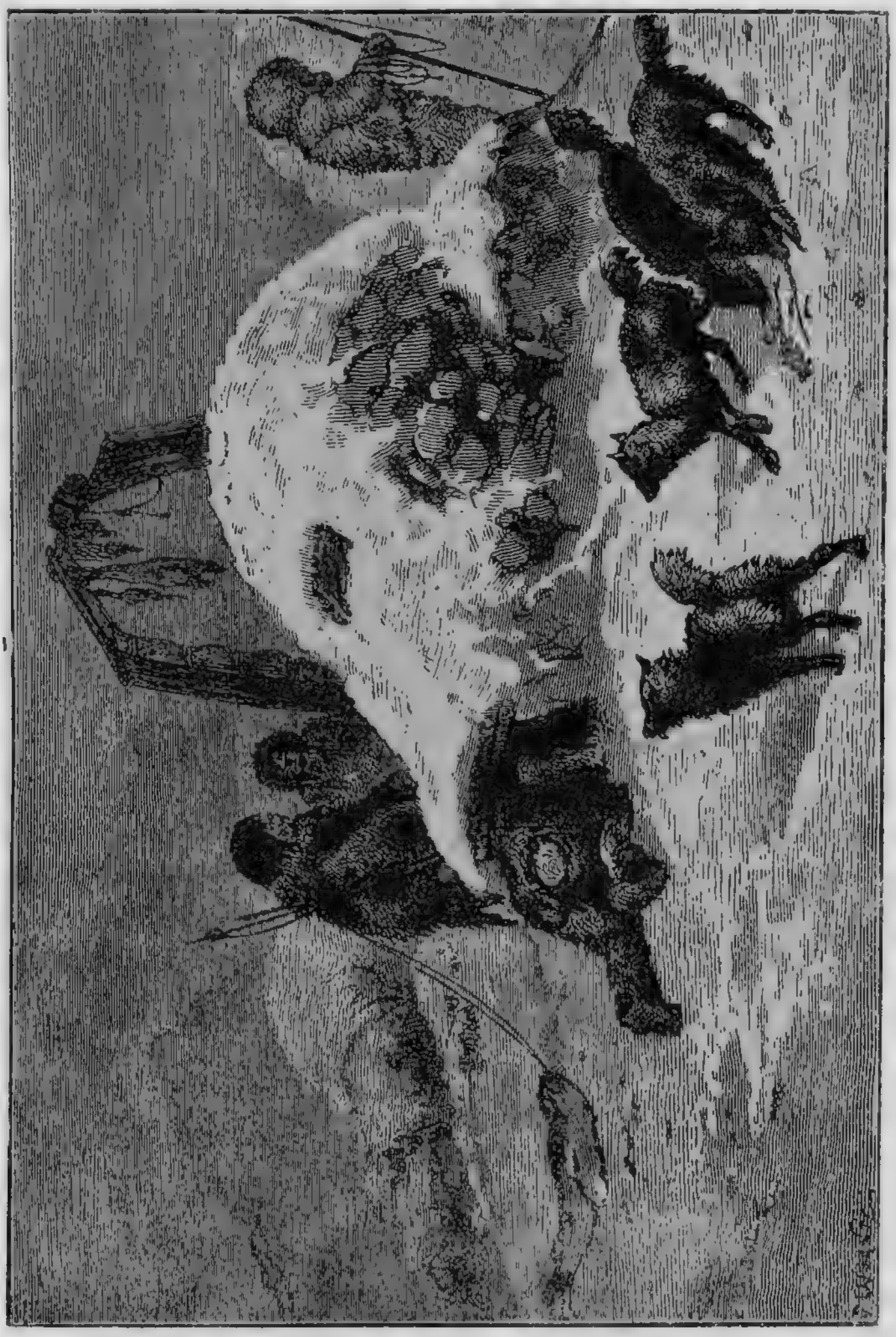
Стѣны комнаты состояли изъ камней и земли, у входа по обѣимъ сторонамъ возвышались земляныя постели, служившія въ то-же время и столами и покрытыя звѣриными шкурами. Посреди хижины валялась половина тюленя, представляя изъ себя кровяную, распластанную массу, на которую нерѣдко наступали обитатели юрты, отрывая время отъ времени отъ нея куски и съѣдая ихъ. На одной изъ боковыхъ постелей сидѣла слѣпая старуха съ растрепанными сѣдыми волосами, голыми руками и ногами, и сшивала кожи. Около нея лежалъ сынъ хозяинъ дома, который при входѣ посѣтителя поднялся со своего ложа. Въ глубинѣ юрты молодая женщина, почти раздѣтая, кормила грудью ребенка совсѣмъ голаго; при входѣ гостя она стала наскоро набрасывать на себя какую-то кожу.

Комната освѣщалась двумя плошками съ вонючимъ жиромъ. На стѣнахъ висѣли гарпуны, стрѣлы и свертки кожи; другіе предметы валялись на полу, вмѣстѣ съ объѣдками и разнымъ мусоромъ.

Не было ни одного отверстія, черезъ которое могъ-бы проходить ламповый чадъ и вентилировалась-бы комната. Около входа виднѣлось маленькое окошко, затянутое кишечной перепонкой, черезъ него слабо проникалъ свѣтъ и смутно рисовалось небо. Белло задыхался въ этой ужасной атмосферѣ; чадъ проникалъ ему въ горло, въ носъ, въ глаза, но онъ старался скрыть свое впечатлѣніе, когда-же, въ довершеніе всего, къ нему протянулась жирная, грязная, рука хозяина, пожелавшаго привѣтствовать гостя, онъ любезно всунулъ въ эту руку свой носовой платокъ, какъ подарокъ, чтобъ только избавиться отъ грозившаго ему рукопожатія.

По выходѣ изъ юрты онъ увидѣлъ нѣсколько бочекъ, наполненныхъ тюленьимъ жиромъ, два или три бурдюка съ кровью и вну-

тренностями животныхъ и куски мяса, вялившіеся на столбахъ. Докторъ Канъ, зимовавшій въ 1854 г. въ портѣ Ренселеръ, около Смитова пролива, тоже имѣлъ случай побывать у эски-



Зимнія хижины эскимосовъ.

мосовъ. Однажды, измученный долгимъ путешествіемъ, весь окоченѣвшій отъ холода, онъ проходилъ мимо юртъ. Многіе изъ эскимосовъ стали знаками зазывать его къ себѣ — погрѣться

онъ послѣдовалъ за однимъ изъ нихъ. Ему пришлось также пролѣзать черезъ узкій проходъ футовъ въ тридцать длины, послѣ чего онъ очутился въ самой юртѣ. Здѣсь кромѣ членовъ семьи было 6 человѣкъ посѣтителей изъ сосѣдняго племени, пришедшихъ укрыться отъ метели; они безъ стѣсненія расположились на хозяйской постели рядомъ съ женой и дѣтьми хозяина. «Я долженъ былъ вдыхать,—говоритъ Канъ, «амміачныя испаренія четырнадцати человѣкъ — здоровыхъ, плотно наѣвшихся, грязныхъ и раздѣтыхъ. Это была какая-то безформенная масса человѣческихъ созданій—мужчинъ, женщинъ и ребятъ, сваленныхъ въ одну кучу, обнаженныхъ во всей ихъ природной грязи и кишащихъ, какъ черви въ корзинкѣ рыбака».

Посреди этой ужасной конуры лежало на землѣ тюленье мясо, разрѣзанное на куски вѣсомъ фунтовъ десять, пятнадцать; куски эти подъ вліяніемъ окружающей атмосферы начинали оттаивать и распространять паръ.

Кану въ видѣ угощенія предложили этого яства, но онъ предпочелъ съѣсть замерзшую печенку, лежавшую у него въ карманѣ. Ему хотѣлось выбраться поскорѣе изъ этого вертепа, но до слуха его долетало завываніе урагана, онъ чувствовалъ себя разбитымъ отъ усталости и потому, скрѣпя сердце, рѣшился остаться. По примѣру другихъ, онъ раздѣлся и полѣзъ на общую постель, гдѣ ему было предоставлено почетное мѣсто между хозяйскимъ сыномъ и женой, голова-же его опиралась вмѣсто подушки на толстый животъ хозяина. При такихъ не привлекательныхъ условіяхъ онъ проспалъ, какъ убитый, до слѣдующаго дня.

Жилище и костюмъ самоѣдовъ, чукчей и коряковъ мало отличаются отъ эскимосскихъ.

Ихъ одежда и лѣтнія помѣщенія дѣлаются изъ звѣриныхъ шкуръ. На палатки идутъ преимущественно шкуры сѣверныхъ оленей, прикрѣпляемыя ремнями къ четыремъ столбамъ, воткнутымъ въ землю. Передъ каждой палаткой красуется пучекъ копій и стрѣлъ, какъ-бы для защиты входной двери. Земляной полъ въ палаткѣ усыпанъ по краямъ сухими травами и сучьями, покрытыми шкурами оленей; на этихъ подстилкахъ

спитъ вся семья. Вмѣсто печки въ одномъ изъ угловъ стоитъ сосудъ съ жиромъ, горящимъ большую часть дня.

Для постройки палатокъ чукчи употребляютъ иногда китовыя ребра или согнутыя челюстныя кости. Такого рода палатки, по словамъ знаменитаго путешественника Норденшельда, представляютъ уже извѣстную степень усовершенствованія, такъ какъ въ нихъ, благодаря вогнутости костей, находится альковъ для постели. Этотъ альковъ составляетъ какъ-бы вторую палатку, которая освѣщается и нагрѣвается отдѣльной плошкой. Въ первомъ же отдѣленіи палатки во время сильныхъ холодовъ спятъ собаки и тутъ-же женщины готовятъ обѣдъ изъ тюленьяго и оленьяго мяса; вмѣсто приправы употребляется обыкновенно какое-то зеленое вещество, добываемое изъ оленьихъ внутренностей, или-же молодые листочки и отпрыски ивы въ квашеномъ и промерзломъ видѣ.

Лапландцы, несмотря на постоянныя сношенія съ миссіонерами и торговцами цивилизованныхъ странъ, сохранили свои первобытные нравы. Они заимствовали отъ цивилизаціи только водку, табакъ, нѣкоторую утварь и ткани. Путешественникъ Реньяръ, посѣтившій лапландцевъ въ 1681 году, описалъ ихъ жилище и домашній бытъ; все сказанное имъ тогда можетъ вполнѣ относиться и къ настоящей ихъ жизни, ни въ чемъ не измѣнившейся съ того времени. «Лапландцы,—говоритъ онъ,—не имѣютъ постояннаго жилища; они переходятъ съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою весь свой скарбъ. Передвигаются они съ цѣлью найти болѣе богатый уловъ рыбы или найти болѣе удобныя пастбища для оленей. Переселеніе не составляетъ для нихъ особеннаго труда; имъ достаточно четверти часа, чтобы навьючить на оленей всѣ свои пожитки и маленькихъ ребятъ, которымъ трудно идти пѣшкомъ; олени въ этихъ случаяхъ незамѣнимы; они осторожно идутъ другъ за другомъ, причемъ второй привязанъ веревкой къ шеѣ перваго, третій—ко второму и т. д. Позади ихъ идетъ глава семьи, а за нимъ слѣдуетъ остальное стадо оленей, какъ овцы за пастухомъ. Найдя удобное мѣсто для житья, хозяинъ развьючиваетъ животныхъ и приступаетъ къ постройкѣ дома. Для этого втыкаются сначала въ землю

четыре столба, къ которымъ прикрѣпляются поперечныя доски; это—стѣны зданія, служащія для поддержки толстой, тяжелой кожи, которою покрывается внѣшняя сторона жилища; богатые, желая вѣрнѣе защитить себя отъ дѣйствія дождей и вѣтровъ, употребляютъ двойной слой кожи. На верхушкѣ жилья дѣлается отверстіе, черезъ которое проходитъ дымъ; къ стѣнкамъ отверстія прикрѣпленъ крючекъ, спускающійся внутрь зданія, къ тому мѣсту, гдѣ разводится огонь; на крючкѣ виситъ обыкновенно котелокъ съ горячей водой. Если въ зимнее время кому-нибудь изъ членовъ семьи захочется пить, онъ набираетъ чашку снѣгу и поливаетъ его кипяткомъ изъ котелка, пока снѣгъ не растаетъ. Полъ въ жилищѣ сплошь усыпанъ березовыми и еловыми вѣтками, покрытыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звѣриными шкурами, на которыхъ спятъ старики и дѣти, женщины и мужчины. Дверь обращена обыкновенно на югъ, она очень узка и настолько низка, что влѣзать въ нее приходится ползкомъ».

Проникнувъ въ хижину лапландца, вы увидите женщину, сидящую около огня и мѣшающую березовой вѣткой какое-нибудь кушанье изъ рыбы или тюленьяго мяса; около нее—старшую дочь, сшивающую кожи и приготовляющую нитки изъ оленьихъ жилъ; затѣмъ — съ полдюжины ребятъ, ничего не дѣлающихъ, которые при входѣ посѣтителя съ любопытствомъ смотрятъ на него своими покраснѣвшими отъ дыма глазенками. Мужчины днемъ не сидятъ дома; они или ловятъ рыбу, или развѣшиваютъ ее на столбы, около своей юрты, для сушки; вынутыя изъ рыбы внутренности валяются тутъ-же; хозяевамъ и въ голову не приходитъ бросить ихъ куда-нибудь подальше отъ дома.

ГЛАВА IX.

Бытъ эскимосовъ.

Промышленность эскимосовъ. — Лодки и охотничье оружіе. — Ловкость при ловлѣ тюленей.—Сани и собаки эскимосовъ.—Торгующіе чукчи. — Ярмарка въ Островномъ.

Жители арктическихъ странъ скупо надѣлены природой, но они умѣютъ прекрасно пользоваться тѣми скудными дарами,

которые получаютъ. Рыболовные и охотничьи приборы эскимосовъ обращаютъ на себя вниманіе всѣхъ путешественниковъ. Изъ древесныхъ обломковъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, клыковъ моржа, роговъ нарвала и китовыхъ костей туземцы умудряются изготовлять лукъ, стрѣлы, острые костяные ножи, скребки для снѣга, копья, дротики, гарпуны съ бороздчатымъ остріемъ, зацѣпляющимся за мясо раненаго звѣря, и другіе снаряды.

Самыми замѣчательными изъ эскимосскихъ издѣлій являются лодки; онѣ бываютъ двухъ сортовъ «каяки» и «умяки».

Длина «каяковъ» — 4 или 5 метровъ, ширина — 60 сантиметровъ, глубина отъ 30 до 40 сантиметровъ; концы ихъ приподняты и заострены. Каякъ строится изъ легкихъ костей и обшивается тюленьей кожей. Кожу эту предварительно высушиваютъ, дѣлаютъ ее непромокаемой и затѣмъ такъ искусно сшиваютъ нерповыми жилами, что ни одна капля воды не можетъ просочиться черезъ швы. Верхъ лодки тоже затягивается кожей, въ серединѣ которой—отверстіе для одного человѣка. Эскимосъ пролѣзаетъ въ отверстіе и прикрѣпляетъ концы своей одежды къ каяку, составляя такимъ образомъ нѣчто цѣльное, нераздѣльное съ нимъ. «При видѣ лодки и гребца,—говоритъ Белло,—скрученныхъ другъ съ другомъ, трудно рѣшить, кто во что обратился,—лодка-ли стала человѣкомъ, или человѣкъ сдѣлался лодкой; если-бъ древніе увидѣли этихъ полу-людей, полу-лодокъ, они навѣрно причислили-бы ихъ къ «особой породѣ существъ, въ родѣ центавровъ».

Гребецъ, сидя въ «каякѣ», управляетъ только однимъ весломъ, погружая его въ воду то однимъ, то другимъ концомъ; весло это въ два метра длины и при концахъ расширяется. На такой-то лодочкѣ, настоящей «душегубкѣ», края которой стоятъ наравнѣ съ поверхностью воды, эскимосъ пускается одинъ, безъ руля и безъ балласта, на встрѣчу бурямъ, потокамъ и подводнымъ скаламъ. Случается, что онъ опрокидывается, но съ помощью своего весла скоро снова выплываетъ. Жители Гренландіи за щепотку табаку или стаканъ водки соглашаются нарочно опрокинуться вмѣстѣ съ лодкой, то есть упасть внизъ головой

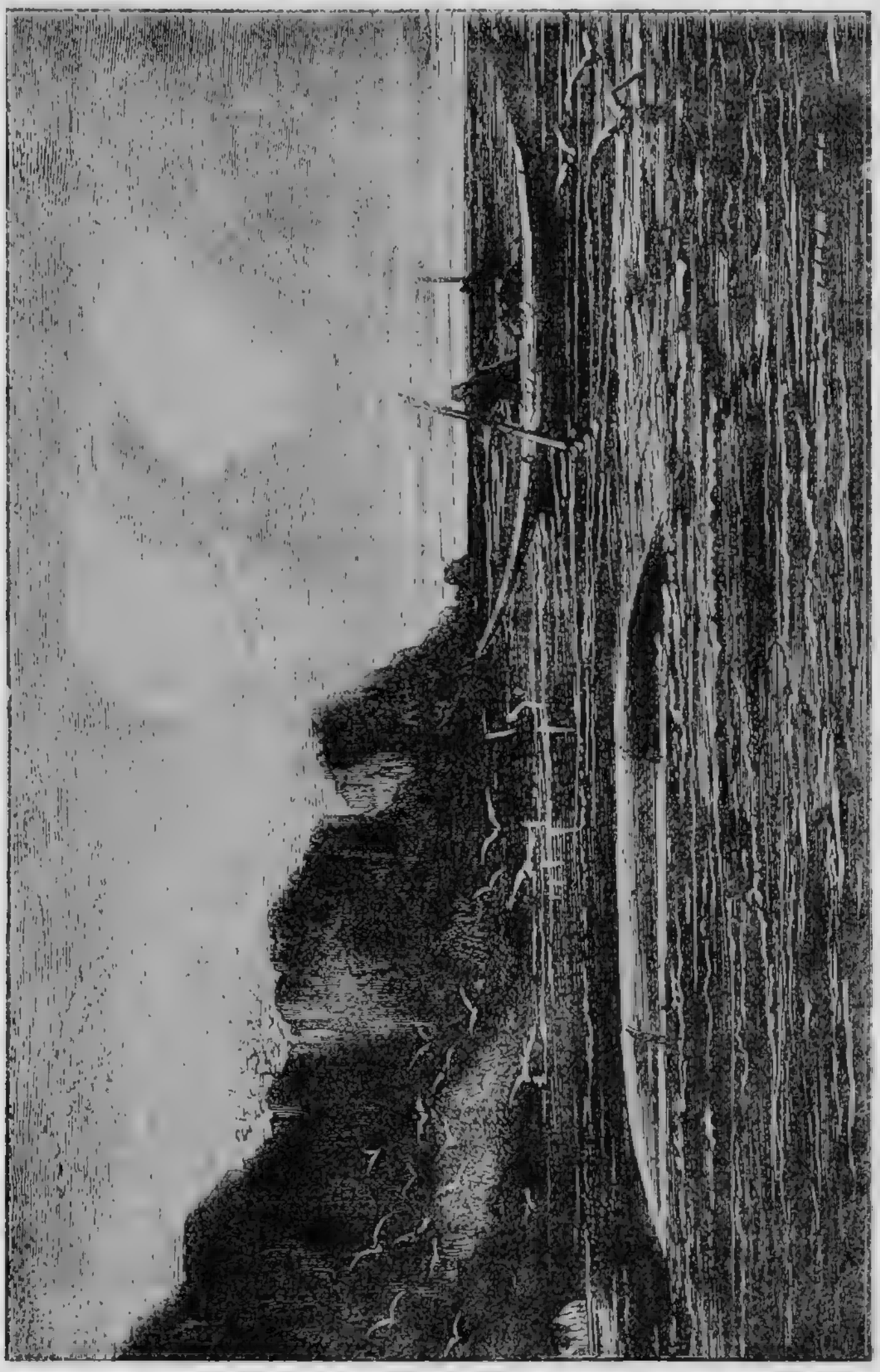
и снова появляются на поверхности, сдѣлавъ такимъ образомъ съ лодкой полный круговой оборотъ въ водѣ; они выплываютъ мокрые, задыхающіеся, предлагая зрителямъ вторично продѣлать ту-же штуку.

Другой видъ лодокъ—«умяки»; широкіе, плоскіе, четырехугольные, они напоминаютъ паромы. Сквозь обтягивающую ихъ кожу можно ясно различить китовыя кости. На «умякѣ» стоятъ обыкновенно десять или двѣнадцать гребцовъ, преимущественно женщинъ, которыя въ лѣтнее время переѣзжаютъ на нихъ со всѣмъ своимъ имуществомъ съ мѣста на мѣсто. Мужчины же отправляются въ своихъ «каякахъ».

Эскимосы очень искусно пользуются своими рыболовными снарядами. Сидя въ лодкѣ, они выслѣживаютъ тюленя, моржа или нарвала; воспользовавшись минутой, когда животное выплыветъ подышать воздухомъ, они бросаютъ въ него гарпунъ, который вонзается въ тѣло на нѣсколько дюймовъ глубины; затѣмъ быстро отвязывается метательный ремень отъ гарпуна, тогда какъ другой ремень, длиною въ пять саженъ, остается прикрѣпленнымъ одной стороной къ гарпуну; другой—къ бурдюку изъ тюленьей кожи, наполненному воздухомъ. Бурдюкъ этотъ, плавая на поверхности, не даетъ животному скрыться изъ глазъ охотника и указываетъ, куда плыветъ. Такимъ образомъ, выждавъ моментъ, когда жертва вновь выплыветъ подышать, охотникъ прямо поражаетъ ее своимъ дротикомъ.

Случается, что на большой льдинѣ соберется цѣлое стадо тюленей; эскимосъ, замѣтивъ ихъ, начинаетъ къ нимъ пробираться по льду, лежа на животѣ, подражая ихъ движеніямъ и крику; достаточно приблизившись, онъ внезапно вскакиваетъ и наноситъ направо и налѣво удары копьемъ. Если-же животныя лежатъ на самомъ краю льдины и, слѣдовательно, при первой опасности могутъ броситься въ море, охотникъ прибѣгаетъ тогда къ гарпуну. Онъ беретъ ремень, привязываетъ его однимъ концомъ къ гарпуну, другимъ—къ копью. Бросивъ гарпунъ въ намѣченнаго тюленя, онъ втыкаетъ копье въ ледъ и изо всей силы налегаетъ на ремень. Раненое животное кидается въ море, бьется, бѣшено рвется впередъ, понемногу ослабѣваетъ и под-

дается въ ту сторону, куда его тянетъ охотникъ, который и убиваетъ его.



Лодки эскимосовъ (каяки).

Когда-же вся поверхность моря покрыта льдомъ, ловля тюленей становится трудной и рискованной. Охотнику приходится цѣлыми часами и даже днями просиживать на льду, около тѣхъ

отверстій въ ледяной корѣ, въ которыя тюлени просовываютъ морды, чтобы набраться воздуха. Охотникъ всматривается и прислушивается; заслышавъ издали дыханіе животнаго, онъ схватываетъ обѣими руками оружіе, приподнимаетъ его и въ тотъ моментъ, когда приближается голова тюленя, онъ изо всей силы поражаетъ его.

Такія охоты, во время которыхъ приходится значительно отдаляться отъ берега, крайне опасны. Однажды, по словамъ Галля, пятнадцать эскимосовъ, преслѣдуя тюленей, находились на замерзшей поверхности бухты Фробисхера; вдругъ подъ вліяніемъ разразившагося урагана та часть льдины, на которой они стояли, оторвалась отъ берега и, гонимая вѣтромъ, понеслась вдаль. Они странствовали по морю цѣлый мѣсяцъ, по истеченіи котораго льдину прибило къ берегу и они были спасены. Другимъ приходилось путешествовать на льдинахъ по три мѣсяца и болѣе, питаясь все это время исключительно убиваемыми тюленями.

Необходимость совершать постоянныя путешествія по льду и снѣгу навела эскимосовъ на мысль изобрѣсти сани и пріучить собакъ возить ихъ. Сани ихъ очень просты: онѣ состоятъ изъ двухъ параллельныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ поперечными дощечками; сидѣнье сдѣлано изъ переплетенныхъ ремней и окружено маленькой рѣшеточкой. За неимѣніемъ дерева сани дѣлаются иногда изъ двухъ длинныхъ роговъ нарвала и тюленьихъ костей, перпендикулярно привязанныхъ къ нимъ ремнями.

Эскимосъ запрягаетъ въ сани шесть или восемь собакъ. Собаки эти, мохнатыя, черныя или бурыя, съ заостренной мордой, пушистымъ хвостомъ и стоячими ушами, напоминаютъ волковъ.

Вся сбруя состоитъ изъ двухъ ремней, изъ которыхъ одинъ надѣвается на шею животнаго, другой обходитъ вокругъ туловища, за передними ногами; оба ремня заканчиваются однимъ ремнемъ, длиною въ десять футовъ, прикрѣпленнымъ къ передней части саней. Этотъ послѣдній ремень дѣлается для каждой изъ собакъ одинаковой длины, и потому животныя бѣгутъ ровно. Возжей эскимосы не употребляютъ, они пользуются только однимъ хлыстомъ, состоящимъ изъ твердаго ремня, футовъ

въ пятнадцать длины, ручка-же хлыста не длиннѣе двухъ футовъ. Эскимосскій возница очень ловко пользуется кнутомъ; онъ никогда не промахнется и ударитъ провинившееся животное именно въ то мѣсто, которое намѣтилъ; ударъ хлыста бываетъ настолько силенъ, что у собаки трескается кожа и показывается кровь; иногда-же, желая чувствительнѣе наказать которую-нибудь, возница однимъ взмахомъ хлыста отрываетъ у нея кончикъ уха. Но съ эскимосскими собаками иначе и нельзя обращаться; если эскимосъ хоть немного ослабитъ свою строгость, полудикая свора не будетъ знать удержу; какъ бѣшеная, метнется она въ сторону и понесетъ, не разбирая ни обрывовъ, ни ледяныхъ утесовъ. Одинъ только хлыстъ сдерживаетъ ихъ, заставляя ровно бѣжать.

Сила и выносливость собакъ поразительны. Нѣсколько часовъ подъ-рядъ могутъ они бѣжать галопомъ, таща за собой тяжело нагруженныя сани. Капитанъ Лійонъ, принимавшій участіе въ экспедиціи Парри, запрягалъ обыкновенно въ сани съ 750 килограммами груза девять собакъ, которыя пробѣгали въ 9—10 минутъ разстояніе въ 1,700 метровъ, и способны были бѣгать по восьми и девяти часовъ въ день. Но часто подобная работа причиняетъ собакамъ большія страданія; лапы ихъ такъ устроены, что между пальцами забивается снѣгъ, который, замерзая, рѣжетъ кожу. Въ такихъ случаяхъ каждый ихъ шагъ обозначается кровью. Длинныя кровяныя полосы указываютъ пройденный путь.

Несмотря на услуги, оказываемыя собаками, эскимосы совсѣмъ не заботятся о нихъ. Ихъ держатъ подъ открытымъ небомъ во всякое время года даже при морозѣ въ 30^0 и 40^0. Но животныя привыкли къ этому и спокойно спятъ, забившись въ снѣгъ. Питаются собаки внутренностями и жиромъ тюленей и объѣдками съ хозяйскаго стола. Иногда брошенная пища вслѣдствіе мороза тверда, какъ камень, но голодные псы моментально разгрызаютъ ее и поглощаютъ. Эскимосовъ, впрочемъ, нельзя особенно обвинять за ихъ отношеніе къ животнымъ, они терпятъ часто такую нужду, что сами живутъ не лучше собакъ.

Сибиряки на берегахъ Ледовитаго моря опередили гренланд-

скихъ эскимосовъ. Они не только занимаются охотой и рыболовствомъ, но и научились отъ русскихъ торговлѣ. Самые предпріимчивые изъ нихъ—кочующіе чукчи—отправляются на своихъ хрупкихъ пирогахъ, называемыхъ тамъ «байдарами», черезъ Беринговъ проливъ къ эскимосамъ, живущимъ на берегахъ Америки,—за клыками моржей и пушнымъ товаромъ; затѣмъ, переплывъ обратно проливъ, берутъ съ собой женъ, дѣтей и оленей и направляютъ свой путь къ ближайшей русской станціи, гдѣ производится мѣна товаровъ.

Такой станціей является село Островное; оно лежитъ на 68° широты на одномъ изъ небольшихъ острововъ. Въ этомъ селѣ тридцать избъ, полуразрушенная часовня и крѣпость, окруженная заборомъ. Въ крѣпости живутъ русскій комиссаръ, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за мѣстной торговлей, священникъ и два писаря. Въ распоряженіи комиссара находятся 25 или 30 казаковъ, довольно плохо вооруженныхъ. Между чукчами и мѣстными торговцами никогда не выходитъ столкновеній, хотя чукчи въ десять разъ многочисленнѣе русскихъ, лучше вооружены и отличаются гордымъ нравомъ.

Ярмарка въ Островномъ начинается въ первыхъ числахъ февраля. Торговцы пріѣзжаютъ туда изъ Якутска на саняхъ и лошадяхъ, нагруженныхъ всевозможнымъ товаромъ, преимущественно табакомъ, кожаными, деревянными и желѣзными издѣліями и разными бусами.

Въ виду малаго количества избъ, многимъ приходится раскинуть палатки на открытомъ воздухѣ и ждать открытія ярмарки при 30° мороза. Чукчи съ своей стороны привозятъ мѣхъ чернобурыхъ лисицъ, бобровъ, медвѣдей и куницъ, клыки моржей, добытые ими изъ Америки, китовыя ребра, мѣшки изъ кожи моржей и множество костюмовъ изъ шкуры сѣверныхъ оленей. Они являются на ярмарку партіей человѣкъ въ триста и раскидываются лагеремъ въ сторонѣ отъ русскихъ; весь лагерь дѣлится на десять отдѣльныхъ группъ; у каждой свой предводитель.

«Островное во время ярмарки,—говорилъ Матюшкинъ, одинъ изъ спутниковъ адмирала Врангеля,—представляетъ живописную

картину, въ особенности вечеромъ, когда исчезаютъ въ темнотѣ убогія лачужки и виднѣются только столбы красноватаго дыма, поднимающагося надъ лагеремъ чукчей и утопающаго въ темно-синемъ небѣ, усыпанномъ звѣздами; со стороны русскихъ тамъ и сямъ сверкаютъ костры, обливая багровымъ пламенемъ грѣющіяся около нихъ фигуры; на горизонтѣ загораются пурпуровые и свѣтло-зеленые лучи, предвѣстники сѣвернаго сіянія. Смолкаютъ постепенно крикливые голоса торгашей и вечерняя тишина прерывается только мѣрными, монотонными ударами въ барабанъ, производимыми шаманами чукчей, да заунывнымъ пѣніемъ сибиряка, который, видя постоянно ледяныя поля, да свинцовое небо, не умѣетъ слагать веселыхъ пѣсенъ; эти отдѣльные звуки прерываются и заглушаются время отъ времени пронзительнымъ воемъ собакъ».

«Торжественное открытіе ярмарки, — продолжаетъ Матюшкинъ,—происходило 10-го февраля. Предводители чукчей собрались въ крѣпость, чтобы выслушать правила для предстоящаго торга и рѣшить общимъ голосомъ стоимость каждаго товара. Послѣ долгихъ споровъ цѣны были опредѣлены; такъ, напримѣръ, шестнадцать лисьихъ шкуръ и двадцать куньихъ равняются стоимостью двумъ пудамъ табаку. Затѣмъ, послѣ уплаты незначительной пошлины, была отслужена обѣдня, надъ крѣпостью взвился флагъ и торговцы заняли свои мѣста. Первыми двинулись чукчи, вооруженные луками и стрѣлами, они составили изъ своихъ саней, нагруженныхъ товаромъ, огромный полукругъ и остановились въ ожиданіи покупателей, которые стояли въ сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ждали сигнала къ началу торговли. Наконецъ, раздался звонъ крѣпостного колокола и толпа, подобно бурному потоку, хлынула къ санямъ чукчей. Мужчины, женщины, дѣти, все это спѣшило, толкая и опрокидывая другъ друга, боясь быть опереженными; на кушакахъ мужчинъ висѣло множество топоровъ, ножей и трубокъ, въ рукахъ были картузы съ табакомъ и разной величины котлы. Они перебѣгали отъ одного воза къ другому, стараясь привлечь вниманіе чукчей и расхваливая имъ сво товаръ. Волнующаяся, снующая изъ стороны въ сторону

толпа напоминала гигантскій муравейникъ. Многіе изъ спѣшившихъ падали, поскользнувшись на льду, а тѣ, которые слѣдовали за ними, стремились по прежнему впередъ, наступая имъ на грудь и на ноги. Минуту спустя упавшіе вскакивали и безъ шапки, безъ рукавицъ, потерянныхъ при паденіи, снова бросались вслѣдъ за другими.

Суетливость и волненіе русскихъ составляли полный контрастъ съ флегматической невозмутимостью чукчей, которые, стоя у товара, однимъ движеніемъ головы выражали свое согласіе или несогласіе. Не имѣя вѣсовъ, они умѣли прекрасно распознавать вѣсъ товара, всегда замѣчая, гдѣ не достаетъ фунта.

Съ закрытіемъ ярмарки Островное снова пустѣетъ. Избушки и крѣпость заносятся снѣгомъ, на уборку котораго не хватаетъ рабочихъ рукъ; воцаряется тишина, и, глядя на то пустынное, словно вымершее селеніе, трудно повѣрить, что нѣсколько дней назадъ здѣсь кипѣла лихорадочная жизнь.

ГЛАВА X.

Пропитаніе на крайнемъ сѣверѣ.

Нищета гиперборейцевъ. — Примѣры голодной смерти. — Людоѣдство.—Поразительное обжорство эскимосовъ.

Несмотря на то, что постоянная погоня за добычей составляетъ безусловно главнѣйшее и даже единственное занятіе, можно сказать почти единственную цѣль жизни гиперборейцевъ, они испытываютъ часто ужасную нужду. То перестаютъ показываться дикіе олени, то исчезаютъ тюлени и моржи, а вмѣстѣ съ ними и рыбы, птицы же, гонимыя зимними холодами, улетаютъ на югъ; земля и море являются необитаемыми ледяными пустынями, среди которыхъ человѣкъ подвергается медленной агоніи голодной смерти.

Многіе изъ путешественниковъ бывали не разъ свидѣтелями такихъ тяжелыхъ сценъ. Адмиралъ Врангель, проѣзжая однажды по равнинамъ сѣверной Сибири, замѣтилъ одинокую полуобва-

лившуюся хижину; онъ вошелъ въ нее въ полной увѣренности, что она давно необитаема; каково же было его удивленіе, когда онъ нашелъ тамъ старика тунгуза съ дочерью и двухъ собакъ. Отецъ и дочь, исхудалые, слабые, имѣли самый страдальческій видъ.

Охота на сѣверныхъ оленей служила для нихъ единственнымъ средствомъ къ жизни. Надѣвъ лыжи, старикъ отправлялся бродить по снѣжной пустынѣ, выслѣживая звѣря; случалось, что онъ пропадалъ на охотѣ по нѣскольку дней, а несчастная дѣвушка оставалась одна, голодная, едва прикрытая лохмотьями, подъ ветхой кровлей, черезъ которую проникалъ вѣтеръ и снѣгъ... Что сталось съ ними потомъ, неизвѣстно.

Капитану Баку, когда онъ направлялся съ экипажемъ изъ Гудзонова залива къ Полярному морю, пришлось провести зиму 1834 года на берегахъ Невольничьяго озера. Онъ разсказываетъ, что не успѣли они построить себѣ деревянную избушку, какъ къ ней со всѣхъ сторонъ стали стекаться окрестные индѣйцы — юноши, старики, женщины, дѣти. Больные, голодные, они разсказывали, что въ Ландахъ изсякла всякая дичь, и всѣ индѣйскія племена, живущія въ тѣхъ мѣстностяхъ, терпятъ страшную нужду. Холода стали ужасные, термометръ опускался на 50 и 55° ниже нуля; чѣмъ суровѣе становился морозъ, тѣмъ больше прибывало индѣйцевъ. «Несчастные, — говоритъ Бакъ,—становились вокругъ обѣдающихъ матросовъ, смотря на нихъ умоляющими глазами и не смѣя просить. Время отъ времени они толпились около нашего костра, поджаривая себѣ куски своего платья изъ оленьей шкуры».

Удовлетворить нуждамъ всѣхъ было немыслимо. У экипажа нехватило бы на это провизіи. Индѣйцамъ отдавали заплеснѣвѣлое мясо, предназначенное для собакъ, и они съ жадностью съѣдали его. Капитанъ Бакъ часто дѣлилъ свою порцію между дѣтьми, крики и плачъ которыхъ терзали его душу.

Такимъ образомъ, удалось спасти жизнь нѣкоторымъ изъ этихъ несчастныхъ, но большинство погибло на глазахъ экипажа.

Американскій путешественникъ Бушъ, проходя однажды поселенію чукчей, разговорился съ однимъ изъ туземцевъ, который съ угрюмымъ видомъ описалъ ему свое положеніе: «зима только начинается,—говорилъ онъ,—у меня жена, семеро дѣтей и семеро собакъ, всѣхъ надо прокормить, а въ домѣ нѣтъ ни рыбы, ни мяса. Есть только нѣсколько оленьихъ шкуръ, да восемь саженей тюленьихъ ремней, которые я могу зажарить; но вѣдь этого не хватитъ до того времени, когда могутъ придти въ нашъ край торгующіе чукчи. Если умрутъ дѣти, у меня еще останутся собаки, если же умрутъ собаки, тогда все пропало, — мнѣ нельзя тогда будетъ отправиться къ чукчамъ за оленями, семья умретъ съ голоду, и у меня не останется ни семьи, ни собакъ, я и самъ подъ конецъ погибну».

Бѣднякъ колебался, кѣмъ пожертвовать—семьей или собаками. На комъ онъ остановился, всѣ ли погибли? Это осталось тайной сибирской пустыни.

Голодъ не только убиваетъ злополучныхъ обитателей этихъ безплодныхъ странъ, но онъ часто дѣлаетъ изъ нихъ убійцъ и людоѣдовъ. «Однажды, говоритъ — Белло, — мы нашли на мысѣ Іоркѣ, на сѣверѣ Мельвилльской бухты, палатку съ четырнадцатью эскимосами, умершими отъ голода. Тринадцать тѣлъ состояли изъ однѣхъ костей, безъ признака мяса, четырнадцатое же было не тронуто. По всѣмъ даннымъ четырнадцатый эскимосъ пережилъ всѣхъ своихъ товарищей и питался ихъ мясомъ до тѣхъ поръ, пока и этотъ источникъ изсякъ, и несчастный въ свою очередь испустилъ духъ». За нѣсколько лѣтъ до этого случая тотъ же Белло, сопровождая капитана Кеннеди, встрѣтилъ на берегу Лабрадора одного старика, который въ припадкѣ голода съѣлъ постепенно трупы жены и двоихъ дѣтей, умершихъ отъ истощенія. Съ этого времени его не переставала мучить совѣсть; прошли года, но воспоминаніе объ этомъ событіи не оставляло его ни на минуту, у него всегда былъ такой убитый видъ, что каждому дѣлалось жаль его; когда ему предлагали ѣду, ужасное воспоминаніе оживало во всей силѣ и по щекамъ старика катились крупныя слезы.

У индѣйцевъ, которые гораздо воинственнѣе эскимосовъ и чаще привыкли видѣть кровь, людоѣдство нерѣдко бываетъ связано съ убійствомъ. Во время голода даже женщины убиваютъ мужей и дѣтей и питаются ими. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Ланда:

«Одинъ индѣецъ, по имени Визагунъ, не находя больше вблизи никакой добычи, рѣшился отправиться на поиски иной мѣстности для жилья; семья его, состоящая изъ десяти человѣкъ, послѣдовала за нимъ.

Но перемѣна мѣстожительства не улучшила положенія бѣдняковъ, — дичи и здѣсь не нашлось, а нужда увеличивалась Послѣдній источникъ—оленьи шкуры—былъ уничтоженъ, вся семья не ѣла уже нѣсколько дней; вдругъ показалось вдали стадо бизоновъ. Тотчасъ же пятеро мужчинъ, надѣвъ лыжи, пустились черезъ силу за добычей; жены и дѣти остались въ палаткѣ.

Визагунъ съ сыномъ еле держались на ногахъ отъ слабости; несмотря на всѣ усилія, они не могли преслѣдовать звѣря и предоставили это остальнымъ троимъ, сами же направились къ палаткѣ. Будучи уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, они услышали внезапно страшные крики. Въ ужасѣ проникаютъ они туда и застаютъ жену Визагуна, разрѣзающую на куски одного изъ маленькихъ дѣтей. Несчастный отецъ, внѣ себя отъ горя и гнѣва, бросается на жену и убиваетъ ее, равно какъ и ту родственницу, которая помогала ей въ этой ужасной работѣ; послѣ чего самъ спасается бѣгствомъ, сопутствуемый сыномъ.

Но этимъ не кончилась кровавая драма. Трое охотниковъ, бросившихся за бизонами, вернулись съ пустыми руками, измученные, голодные; спустя нѣкоторое время найдены были ихъ тѣла или, вѣрнѣе, скелеты, такъ какъ на костяхъ не было ни кусочка мяса, видимо, кѣмъ-то съѣденнаго. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, многіе утверждали, что Визагунъ съ сыномъ, мучимые голодомъ, ускорили смерть тѣхъ, кто оставался еще живъ въ палаткѣ, но Визагунъ опровергалъ этотъ слухъ и сознавался только въ томъ, что въ виду голодной смерти они съ сыномъ питались мясомъ съ восьми труповъ.

Подобные примѣры людоѣдства вызываютъ въ индѣйцахъ чувство глубокаго отвращенія. Виновные дѣлаются предметами всеобщаго презрѣнія, отъ нихъ отстраняются, какъ отъ прокаженныхъ, съ ними не говорятъ; если же они являются въ собраніе и хотятъ занять у костра свое прежнее мѣсто, ихъ выгоняютъ, а въ случаѣ возмущенія съ ихъ стороны—убиваютъ. Мученія голода, побудившія виновнаго рѣшиться на такой поступокъ, нисколько не извиняютъ его въ глазахъ другихъ индѣйцевъ.

При такомъ повальномъ голодѣ, выпадающемъ на долю гиперборейцевъ, является вполнѣ естественной радость при видѣ обильнаго угощенія и поразительное обжорство ихъ. Аппетитъ эскимосовъ, не знающій границъ, всегда служитъ предметомъ удивленія для европейца. Джонъ Россъ былъ свидѣтелемъ того, какъ трое туземцевъ изъ Боотіи въ теченіе одного дня съѣли цѣлаго мускуснаго овце-быка. Они ѣли его не переставая, разрѣзывая мясо его на тонкіе куски и быстро проглатывая ихъ; только два или три раза, не будучи уже въ силахъ дышать, они опрокидывались на спину и нѣсколько минутъ лежали неподвижно, затѣмъ приподнимались и снова принимались за ѣду.

По словамъ другого путешественника, нѣсколько эскимосовъ съ острова Уинтеръ, завладѣвъ четырьмя тюленями или, другими словами, добывъ себѣ 2,000 фунтовъ пищи, уничтожили все это колпчество въ теченіе шести дней и на седьмой у нихъ даже не было жиру, чтобы зажечь въ палаткѣ плошку.

Эскимосы не разборчивы на пищу. Они ѣдятъ не только въ сыромъ видѣ сальное, жесткое мясо кита, но даже черную, упругую китовую шкуру, напоминающую каучукъ и имѣющую въ толщину два или три сантиметра. Они разрѣзаютъ ее на узкія пластинки и, нѣсколько размягчивъ ее жеваніемъ, проглатываютъ. Капитанъ Ліонъ, одинъ изъ спутниковъ Парри, разсказываетъ, что, пригласивъ къ себѣ однажды эскимосскаго юношу, онъ предложилъ ему послѣ обѣда вымыть руки, на что тотъ охотно согласился, съ умиленіемъ глядя на мыло, данное ему хозяиномъ. Послѣдній вручилъ тогда гостю въ подарокъ

новый кусокъ мыла, который былъ тотчасъ же проглоченъ обрадованнымъ эскимосомъ. Тому же капитану Ліону вздумалось черезъ нѣсколько дней срисовать портретъ съ одной изъ самыхъ красивыхъ эскимосокъ; чтобы получить на это согласіе ея мужа, онъ подарилъ супругамъ фунтъ стеариновыхъ свѣчей, которыя при немъ же были съѣдены, какъ лакомство. Услужливый капитанъ едва успѣвалъ вытаскивать фитили изо рта эскимосской красавицы.

ГЛАВА XI.

Духовная жизнь гиперборейцевъ.

Характеръ арктическихъ народовъ.—Кротость и честность эскимосовъ.—Великодушіе индѣйскаго вождя.—Трогательное участіе тунгуса. — Какъ умираютъ эскимосы и чукчи.—Вѣра эскимоса Тукулито.—Полное довольство своей судьбой.

Обитатели полярныхъ странъ, живущіе среди такой суровой природы, казалось, должны бы быть существами озлобленными, свирѣпыми, лишенными всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми надѣляетъ цивилизація. Въ дѣйствительности же это не такъ. Большинство изъ нихъ отличается такими нравственными достоинствами, которыя могли бы вездѣ сдѣлать честь человѣчеству. Таковы отзывы всѣхъ путешественниковъ, вступавшихъ въ близкія сношенія съ жителями сѣверныхъ странъ.

Докторъ Ринкъ, бывшій правитель датскихъ колоній въ Гренландіи, прожившій двадцать лѣтъ среди эскимосовъ, свидѣтельствуетъ о кротости ихъ нрава, добродушіи и мирныхъ наклонностяхъ. Онъ никогда не видѣлъ, чтобы они дрались или спорили, никогда не слышалъ на ихъ сборищахъ ругательныхъ словъ. Собравшись вмѣстѣ, они ведутъ тихій, дружескій разговоръ, прерываемый часто молчаніемъ. На ихъ языкѣ даже не существуетъ словъ, выражающихъ «сердиться» или «ссориться». Эскимосъ, оскорбленный кѣмъ-нибудь изъ товарищей, умолкаетъ; онъ откладываетъ объясненіе до того времени, когда на общей сходкѣ будутъ разбираться дѣла всего селенія. Это бываетъ разъ въ году. Гренландцы собираются въ какомъ-

нибудь большомъ помѣщеніи, устраиваютъ игры, танцы, совершаютъ религіозные обряды и правятъ судъ. Обиженные поручаютъ дѣло поэтамъ-адвокатамъ, которые, выступивъ на середину, въ присутствіи всего племени поютъ пѣсню, выражающую суть дѣла. Виновный не подвергается ни смерти, ни тюремному заключенію, ни штрафу; эти наказанія тамъ неизвѣстны; его просто усовѣщиваютъ, совѣтуя ему раскаяться въ своей винѣ. Онъ въ свою очередь выходитъ на середину и поетъ пѣснь защиты, сопровождая ее, такъ же какъ и первый пѣвецъ, пляской и ударами въ барабанъ. Тогда собраніе постановляетъ свой приговоръ. Если обвиняемый признанъ невиновнымъ, собраніе объясняетъ это ему общими радостными криками, въ противномъ же случаѣ оно громогласно порицаетъ его и онъ, пристыженный, сконфуженный убѣгаетъ: вотъ все его наказаніе. Но этотъ старинный обычай выводится теперь изъ моды. Разбирательство всѣхъ жалобъ и проступковъ возлагается на датскаго правителя въ Гренландіи.

Въ общемъ эскимосы отличаются изумительной честностью. Россъ считаетъ ихъ однимъ изъ племенъ, наиболѣе достойныхъ уваженія и въ доказательство приводитъ много примѣровъ Однажды, выйдя рано утромъ на палубу своего корабля, пока весь экипажъ еще спалъ, онъ замѣтилъ около судна эскимоса, терпѣливо ожидающаго въ своемъ «каякѣ» пробужденія матросовъ. Оказалось, что онъ привезъ весло, найденное имъ въ морѣ и принадлежащее, очевидно, одному изъ англійскихъ судовъ. Когда его наградили, эскимосъ при всей своей радости казался изумленнымъ, недоумѣвая, за что собственно онъ получилъ деньги; очевидно, возвращая англичанамъ ихъ собственность, онъ вовсе не разсчитывалъ на награду.

Макъ Клюръ, составившій объ эскимосахъ такое же хорошее мнѣніе, разсказываетъ, что, высадившись однажды съ экипажемъ въ сѣверной части Земли Принца Альберта, онъ увидѣлъ лагерь номадовъ, состоящій изъ пяти убогихъ лачужекъ; обитатели ихъ, никогда не видѣвшіе бѣлыхъ, приняли его крайне радушно и, получая отъ него подарки, сейчасъ-же отплачивали ему чѣмъ могли, выбирая тѣ предметы изъ своего скуднаго

хозяйства, которые, по ихъ мнѣнію, должны были наиболѣе понравиться гостямъ. Одна молодая дѣвушка, получивъ отъ него красный шерстяной платокъ, сейчасъ-же побѣжала къ матери за совѣтомъ, чтобы ей дать взамѣнъ капитану. Когда переводчикъ передалъ ей отъ имени Клюра, что капитанъ не мѣняется товаромъ, а даритъ ей платокъ на память, она поблагодарила его на своемъ языкѣ, сопровождая слова граціозной улыбкой. Клюръ оставилъ этотъ маленькій лагерь дикарей подъ самымъ хорошимъ впечатлѣніемъ: «простые, честные, сердечные, не знающіе грубыхъ страстей, они напоминали,—говоритъ онъ,—плѣнительный идеалъ человѣка, только что вышедшаго изъ рукъ Создателя».

Но не бываетъ правила безъ исключеній. Нѣкоторымъ путешественникамъ приходилось иногда сталкиваться съ такими эскимосами, которые, попавъ на европейскій корабль, всегда ухитрялись стащить что-нибудь полезное для себя. Въ такихъ случаяхъ достаточно сказать, что такія-то вещи приносятъ несчастіе, и они немедленно возвратятъ украденное.

Всѣ эскимосы гостепріимны. Въ ихъ жилище можетъ войти каждый, не имѣющій крова; голодный, видя у кого-нибудь обѣдъ, смѣло принимаетъ въ немъ участіе, и хозяева не считаютъ его одолженнымъ имъ. Даже замѣтивъ, что спрятанная ими провизія съѣдена гостемъ, они не претендуютъ на него, находя вполнѣ естественнымъ, что онъ взялъ то, въ чемъ нуждался. Каждый эскимосъ считаетъ себя законнымъ владѣльцемъ только того, что ему необходимо, т. е. своего «каяка», мѣхового платья, гарпуна, костяного ножа и лука со стрѣлами. Ему и въ голову не приходитъ обзавестись двумя «каяками» или двумя платьями: къ чему заводить то, чѣмъ не будешь пользоваться? Если у него умираютъ нѣкоторые изъ родственниковъ и вслѣдствіе этого въ юртѣ остаются лишнія мѣста онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ у него поселились чужіе. Въ голодное время каждый заботится о себѣ, защищаясь отъ голодной смерти. Бѣднѣйшіе, оставленные на произволъ судьбы, не жалуются, находя естественнымъ, что имъ не помогаютъ тѣ, кому самимъ едва хватаетъ на прожитіе.

Самоѣды суровѣе, мстительнѣе и хитрѣе эскимосовъ, но и они не лишены доброты и радушія. «Увѣрившись, что вы пришли съ добрымъ намѣреніемъ,—говоритъ профессоръ Норденшельдъ, посѣщавшій ихъ въ 1875 и 1878 гг., — самоѣды окажутъ вамъ самый сердечный пріемъ». По отношенію къ своимъ соплеменникамъ они отличаются удивительнымъ великодушіемъ. Не руководствуясь никакими нравственными принципами, не пріученные къ сочувствію, видя даже въ самой природѣ примѣръ безжалостности, они, по словамъ Норденшельда, дѣлятъ съ товарищами послѣднія крохи, лишаютъ себя необходимаго, чтобъ помочь бѣднымъ и сиротамъ своего племени.

Иностранцы, соединяющіе въ себѣ съ достоинствами цивилизаціи доброту и справедливость, легко подчиняютъ сѣверныхъ жителей своему вліянію, внушая къ себѣ любовь и безграничную преданность. Въ исторіи сѣверныхъ путешествій встрѣчаются имена многихъ эскимосовъ, служившихъ проводниками и выказывавшихъ самую глубокую самоотверженность въ отношеніи тѣхъ, кто имъ довѣрялся. Джонъ Франклинъ и Бокъ вспоминаютъ съ умиленіемъ объ индѣйскомъ вождѣ Акоптхо, который неоднократно служилъ имъ въ качествѣ проводника на пустынныхъ высотахъ Сѣверной Америки. Онъ принадлежалъ къ бѣдному племени мѣднокожихъ индѣйцевъ. Во время пребыванія у него англичанъ, въ той мѣстности свирѣпствовалъ голодъ, Акоптхо, несмотря на истощеніе силъ, каждое утро отправлялся на охоту и все, что ему удавалось настрѣлять, отдавалъ своимъ гостямъ. Соотечественники, видя это, стали упрекать его за то, что онъ помогаетъ блѣднолицымъ когда свои гибнутъ.

— Вы правы,—отвѣтилъ онъ,—тяжело приходится индѣйцамъ въ эту зиму. Сколько сыновей и отцовъ ихъ заснуло вѣчнымъ сномъ! Но начальникъ бѣлыхъ довѣрился намъ, а потому пусть лучше погибнутъ десять индѣйцевъ, чѣмъ пострадаетъ одинъ бѣлый отъ нашей небрежности и неисполненія нами даннаго слова.

Однажды, прощаясь съ нимъ, англичане принуждены были объявить, что обѣщанный за его услуги товаръ не пришелъ,

а потому не можетъ быть ему вручен. — Что же дѣлать?— отвѣтилъ онъ покорно,—вы бѣдны; мое племя и я тоже бѣдны;

Вождь Аконтхо.

всѣ бѣдны. Разъ товаръ не пришелъ, какъ же вы можете мнѣ отдать обѣщанное? Но я не жалѣю о томъ, что доставлялъ

вамъ припасы. Мѣднокожій индѣецъ, имѣющій силы для охоты, никогда не допуститъ, чтобъ на его землѣ страдали блѣднолицые отъ голода... Я знаю,—сказалъ онъ въ заключеніе,—что вы все, видѣнное вами у насъ, записываете въ свои книги; такъ не забудьте-же, отмѣчая дурное, отмѣтить и хорошее.

Желаніе Акоитхо было исполнено; его великодушіе и безкорыстіе не остались въ тайнѣ.

Примѣры нѣжной любви, чистаго духовнаго поклоненія встрѣчаются среди дикарей не такъ часто, какъ мужественный героизмъ, внушенный чувствомъ чести, и признательность за сдѣланное добро. Однажды, въ одну изъ якутскихъ церквей вошелъ язычникъ тунгузъ; вставъ передъ образомъ св. Николая Чудотворца, онъ низко поклонился ему и положилъ у подножія нѣсколько цѣнныхъ мѣховъ. Когда у него спросили о причинѣ такого поступка, онъ отвѣтилъ.—Братъ мой, принявшій христіанство, однажды опасно заболѣлъ и былъ при смерти; несмотря на мои просьбы, онъ не призывалъ къ себѣ ни одного изъ нашихъ колдуновъ, а молился святому Николаю. Я тогда и сказалъ самому себѣ: если этотъ святой Николай поможетъ брату, я ему подарю все, что пріобрѣту на первой охотѣ. Братъ выздоровѣлъ, — я и принесъ подарокъ. Съ этими словами онъ еще разъ низко поклонился святому и удалился изъ храма.

Самая выдающаяся черта характера сѣверныхъ людей—это стоическая покорность передъ тѣмъ, что неизбѣжно. Черта эта проявляется не только при всевозможныхъ лишеніяхъ, но даже въ виду самаго страшнаго испытанія—смерти. Они покоряются необходимости безъ ропота и безъ страха. У эскимосовъ принято заниматься на глазахъ умирающаго всѣми приготовленіями къ его погребенію, и видъ этихъ приготовленій нисколько не разстраиваетъ его. Шведскій мореплаватель Граахъ разсказываетъ: однажды сильно заболѣлъ служившій у него эскимосъ; вслѣдствіе полученной раны у него сдѣлалось обильное кровоизліяніе и полный упадокъ силъ; Граахъ, чтобы подкрѣпить его, принесъ чашку бульона, но больной отказался, говоря, что это только продлитъ дни его страданій, а все равно надо умирать. Родные стали заживо приготовлять его къ погребенію;

они сняли со стѣнъ звѣриныя шкуры, въ которыхъ должны были похоронить его, и начали его одѣвать. Онъ спокойно смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія, не выражая ни ужаса, ни отчаянія. Наконецъ, изъ потолка вынуто было окно, такъ какъ у эскимосовъ принято проносить трупъ не въ дверь, а въ окно; умирающаго уже начали было приподнимать, какъ вдругъ онъ объявилъ, что чувствуетъ себя лучше и проситъ подождать. Черезъ нѣсколько дней онъ выздоровѣлъ.

Галль былъ свидѣтелемъ подобной же сцены съ тою только разницею, что погребеніе уже совершилось, тогда какъ женщина, опущенная въ могилу, продолжала еще жить. Женщину эту звали Нукету, она давно уже хворала; узнавъ, что на выздоровленіе ея нѣтъ надежды, сосѣди построили ей «иглу», т. е. маленькую юрту, которая должна была сдѣлаться ея послѣднимъ и вѣчнымъ жилищемъ. 4 января,—говоритъ Галль,—Нукету была перенесена въ новый «иглу» и положена на подстилки изъ кожи сѣвернаго оленя. То отверстіе, черезъ которое ее внесли, было сейчасъ-же герметически закупорено. Когда же я выразилъ желаніе навѣстить умирающую, для меня вырыли въ стѣнѣ новую дверь. Я вошелъ; Нукету лежала спокойная, довольная. Она знала, что это жилище—ея могила, и находила это вполнѣ естественнымъ, такъ какъ, живя у сосѣдей, она была-бы всѣмъ въ тягость. Она даже благодарна была за то, что ей построили новый «иглу» изъ чистаго, свѣжаго снѣга и устроили удобную постель, на которой ей такъ хорошо лежать послѣдніе часы. Одиночество не ужасало ее,—таковъ обычай народа, зачѣмъ же для нея дѣлать исключеніе?

Нѣкоторые изъ сибиряковъ, сдѣлавшись старыми и безпомощными, сами просятъ сосѣдей лишить ихъ жизни, какъ лишней обузы. Этотъ варварскій обычай до сихъ поръ существуетъ у чукчей. Богатыхъ подвергаютъ сначала усыпляющему дѣйствію какихъ-нибудь травъ, послѣ чего вскрываютъ имъ вены. Другихъ просто закалываютъ, застрѣливаютъ или вѣшаютъ.

Путешественникъ Бушъ, замѣтивъ однажды группу чукчей, подошелъ къ нимъ и разговорился. Одинъ изъ собесѣдниковъ, по имени Намъ-Кумъ, умѣвшій говорить по-англійски, сказалъ

ему:—видите вотъ этого слѣпого старика? его надо убить сейчасъ. — Дѣйствительно, окруженный тридцатью туземцами, сидѣлъ на землѣ старикъ. Лицо его было такъ ясно и спокойно, что онъ вовсе не походилъ на жертву. Намъ-Кумъ объяснилъ Бушу, что старикъ этотъ, будучи слѣпымъ, потерялъ недавно сына; жизнь ему сдѣлалась въ тягость и онъ сталъ просить своихъ соплеменниковъ избавить его отъ этого бремени. Видя изумленіе и ужасъ Буша, Намъ-Кумъ спокойно сказалъ:—отчего это васъ такъ удивляетъ? Вѣдь у насъ, чукчей, это принято. Что-же тутъ худого? Когда я состарюсь, меня также убьютъ.

Всѣ эти примѣры наводятъ на мысль: не религія ли даетъ дикарямъ такое мужество, не вѣрятъ ли они въ загробную жизнь? Этотъ вопросъ трудно рѣшить. Насколько извѣстно, религія сѣверныхъ жителей основана на грубыхъ суевѣріяхъ. Они вѣрятъ въ магію, колдовство; колдуны считаются у нихъ жрецами и главныя ихъ обязанности состоятъ въ томъ, что бы выгонять изъ человѣка болѣзнь, дѣлать удачной рыбную ловлю и охоту, призывать или укрощать бури и заставлять снѣгъ таять. Бываетъ время, когда эти колдуны жрецы возносятъ горячія молитвы къ высшему существу, утѣшаютъ умирающихъ, воспѣвая радости будущей жизни и сопровождая свои пѣсни звуками музыки, грубой и нестройной для нашего слуха, для нихъ же—мелодичной и торжественной.

По увѣренію доктора Ринка, эскимосы на западномъ берегу Гренландіи вѣрили въ безсмертіе души еще до прибытія датскихъ миссіонеровъ. Они предполагали, что послѣ смерти душа человѣка получитъ или награду, или наказаніе. Только, въ противоположность другимъ народамъ,—говоритъ Ринкъ, — они считали, что адъ наверху, а рай внизу; послѣднее объясняется суровостью ихъ климата. Добрые, по ихъ мнѣнію, попадали въ самую середину земли, гдѣ имъ было всегда тепло, гдѣ они находили въ изобиліи мясо и тюленій жиръ; злые же вѣчно мерзли въ небесныхъ высотахъ.

Галль тоже встрѣчалъ эскимосовъ, вѣрующихъ въ существованіе ада и рая, но тѣ считали, что рай на свѣтозарныхъ,

безпредѣльныхъ небесахъ, а адъ въ мрачныхъ, земныхъ безднахъ.—«Мое племя думаетъ такъ,—сказалъ однажды Галлю

Типы сибирскихъ инородцевъ.

одинъ развитой эскимосъ, по имени Тукулито:—куд-ле-пар-миунгъ (рай) находится наверху. Тамъ всѣ счастливы, тамъ вѣчный свѣтъ, тамъ нѣтъ снѣга, льда, бури, труда и усталости;

пѣніе и игры безъ конца. Ад-ле-пар-ме-унъ (адъ) внизу. Тамъ вѣчная ночь, солнца нѣтъ, вѣчные снѣга, льды, бури и холода, страшные холода. Попавъ туда, человѣкъ остается тамъ навсегда».

По мнѣнію Тукулито, въ рай попадутъ тѣ эскимосы, которые были добры, помогали голоднымъ, были на землѣ счастливы и, доживъ до старости сами себя убивали, или же бывали убиты другими. Въ адъ же попадутъ злые, терпѣвшіе всю жизнь несчастья и убивавшіе другихъ.

Въ вѣрованіи этихъ наивныхъ стоиковъ-философовъ поражаетъ ассимиляція счастья и добродѣтели, несчастья и порока, мужества и преступленія.

Индѣйцы и сибиряки, подобно эскимосамъ,имѣютъ обычай хорошо одѣвать покойниковъ и класть вмѣстѣ съ ними въ могилу пищу, лукъ, стрѣлы, гарпуны, музыкальные инструменты и даже игрушки, если хоронятъ ребенка. Все это указываетъ на ихъ твердую вѣру въ будущую жизнь съ ея потребностями и удовольствіями.

Нѣкоторые объясняютъ спокойствіе эскимосовъ передъ смертью ихъ отвращеніемъ къ жизни, полной горя и лишеній. Но это не вѣрно. Даже самые обездоленные изъ нихъ далеко не чувствуютъ себя несчастными. Потребность счастья настолько сильна въ человѣкѣ, что онъ будетъ стараться найти его даже въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ уподобляется часто тому растенію, которое пускаетъ свои корни въ песчаную почву или въ безплодныя скалы и достигаетъ того, что живетъ и цвѣтетъ. Дикари—гиперборейцы не лишены радостей жизни. Ихъ желанія ограничены; всѣ ихъ мечты сводятся только къ тому, чтобъ имѣть необходимое. То, что составляетъ для насъ обычное явленіе, чего мы даже не цѣнимъ, какъ, напримѣръ, постоянный кровъ, обѣдъ, умѣренный климатъ, солнечный лучъ,—все это для нихъ дорого и доставляетъ имъ такое же наслажденіе, какъ намъ богатство и блескъ. Они никому и ничему не подвластны; дѣлаютъ, что хотятъ, идутъ куда угодно. Ихъ земля имъ принадлежитъ и они зависятъ только отъ самихъ себя. Каждому изъ нихъ присуще извѣстное чувство гордости отъ сознанія своей независимости, и чувство это возвышаетъ ихъ.

Многихъ путешественниковъ поражала счастливая жизнь этихъ дикарей, съ виду такихъ обездоленныхъ. Одинъ изъ спутниковъ Беллинга говоритъ въ своемъ журналѣ, что онъ съ грустью разстался въ Сибири со своими новыми знакомыми тунгузами.—Что меня умиляло,—пишетъ онъ,—такъ это трудовая жизнь этихъ людей, ихъ свобода и независимость, ихъ довольный видъ. Не требуя многаго отъ жизни, довольствуясь скудными дарами окружающей ихъ суровой природы, они выказывали удивительное мужество въ борьбѣ съ препятствіями и въ достиженіи намѣченной цѣли. Я любовался ими, мнѣ ужасно хотѣлось дѣлить съ ними труды и опасности... Видъ мѣстности, по которой я проѣзжалъ, полный дикой, суровой поэзіи, возвышалъ душу, вдохновлялъ меня, наглядно убѣждая въ той истинѣ, что человѣкъ—царь природы; и когда я вспоминалъ при этомъ жителей нашихъ большихъ городовъ, принужденныхъ безъ устали работать для удовлетворенія капризовъ богачей, такихъ же зависимыхъ, какъ и они, ихъ условія жизни показались мнѣ рабскими и унизительными для мыслящаго существа.

Эти номады, никогда не живущіе на одномъ мѣстѣ болѣе шести дней, постоянно переносящіе свои палатки, считаютъ себя одной изъ самыхъ великихъ и независимыхъ націй. Они называютъ «старыми бабами» всѣхъ другихъ сибиряковъ, которые живутъ постоянно въ одномъ городѣ или деревнѣ и способны только, по ихъ мнѣнію, быть слугами или пастухами.

Парри, послѣ цѣлаго ряда наблюденій надъ самыми бѣдными изъ эскимосовъ, пришелъ къ заключенію, что лишенные даже необходимаго, они чувствуютъ себя счастливѣе другихъ, потому что пользуются свободой и живутъ между собой въ согласіи.

Датскій миссіонеръ Гансъ Ешедъ, прожившій въ Гренландіи семнадцать лѣтъ, отъ 1721 по 1738 годъ, написалъ о жизни эскимосовъ очень интересное сочиненіе. Выражая сожалѣніе, что эскимосы не знаютъ истиннаго Бога, Ешедъ пишетъ: «Еще болѣе достойны сожалѣнія тѣ, которые, вѣруя въ Бога, не хотятъ свято чтить Его волю. И если въ день суда

будетъ сравниваться жизнь гренландцевъ съ жизнью народовъ, именующихъ себя христіанами, — первые пристыдятъ послѣднихъ. Видя порочную, чувственную жизнь большинства изъ христіанъ, ихъ пагубныя страсти, безумную гордость, взаимную ненависть, происки другъ противъ друга и массу другихъ пороковъ, приходишь къ заключенію, что они далеки душой отъ Бога, а слѣдовательно и несчастны: гренландцы же ведутъ жизнь простую, невинную. Ихъ страсти не идутъ далѣе насущныхъ потребностей. Имъ невѣдомы ни гордость, ни стремленіе къ роскоши; они не ненавидятъ и не преслѣдуютъ другъ друга, не помышляютъ о могуществѣ и господствѣ надъ другими; словомъ, они довольны условіями своей жизни и не создаютъ себѣ безполезныхъ заботъ. Развѣ это не можетъ назваться счастьемъ?».

Мы не станемъ утверждать, что обитатели унылыхъ арктическихъ странъ безусловно счастливѣе цивилизованныхъ народовъ, но только обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, судя по отзывамъ многихъ путешественниковъ, не дикари завидуютъ жителямъ просвѣщенныхъ странъ, а, наоборотъ, послѣдніе завидуютъ дикарямъ.

ГЛАВА XII.

Прошлое Гренландіи, туземцы и норманы.

Иностранцы въ Гренландіи.—Древнія нормандскія колоніи.—Борьба Унгитока съ Красснномъ.—Военная хитрость, напоминающая преданіе о Троянской лошади. — Датскія учрежденія. — Гренландскій парламентъ. Проповѣдь на эскимосскомъ языкѣ.

Полярныя страны населены не одними туземцами, о нравахъ которыхъ мы только что говорили; здѣсь живетъ много и иностранцевъ, переселившихся сюда изъ болѣе теплыхъ земель. Нѣкоторые ѣхали на сѣверъ ради наживы, другіе изъ стремленія къ свободѣ и къ неизвѣстному, третьи—съ цѣлью просвѣщать дикарей истинами христіанской вѣры. Европейскія конторы и христіанскія церкви виднѣются даже на самыхъ

сѣверныхъ оконечностяхъ Лапландіи. Русскія селенія раскинулись по берегамъ и въ устьѣ Печоры, Оби, Енисея, Лены, Индигирки и Колымы; датчане поселились вдоль западнаго берега Гренландіи.

Датскія учрежденія заслуживаютъ наиболѣе интереса. Удивительно, какъ Гренландія, называемая въ прежнія времена «землей запустѣнія», могла привлечь столькихъ эмигрантовъ. Колонизація ея началась съ десятаго вѣка. Въ 983 году одинъ знатный норвежецъ Эрикъ Рыжій, принужденный, вслѣдствіе совершеннаго убійства, бѣжать изъ отечества, направился на своемъ суднѣ къ западу отъ Исландіи, гдѣ онъ одно время скрывался. Плавая наугадъ, онъ наткнулся на незнакомый берегъ, покрытый зелеными лугами, на которыхъ мирно паслись стада сѣверныхъ оленей. Мѣстность ему понравилась и онъ задумалъ основать здѣсь колонію. Онъ назвалъ эту землю «Гренландіей», что значитъ: «зеленая земля»; подобное наименованіе, по его мнѣнію, должно было привлечь многихъ эмигрантовъ.

Эрикъ не ошибся. Вернувшись въ Исландію, онъ такъ расхвалилъ открытую имъ землю, что подъ его предводительствомъ собралось двадцать пять судовъ съ вооруженнымъ экипажемъ и съѣстными припасами. Изъ этихъ судовъ только четырнадцать достигли Гренландіи, другіе или погибли въ морѣ или вернулись обратно. Въ фіордѣ, именуемомъ теперь Юліанасгаабъ, была основана первая колонія; она стала быстро расширяться. Сюда начали стекаться суда изъ Норвегіи, Данемарка, Исландіи, Гебридскихъ острововъ и Великобританіи; одни везли новыхъ переселенцевъ, другія были нагружены лошадьми, овцами, быками и разнаго рода товаромъ. Колонисты дѣятельно принялись строиться и обрабатывать почву. Хлѣбныя поля заняли большое пространство и протянулись до Упернавика, до 72° 50′. По изслѣдованіямъ Кранца, въ то время норманскія колоніи простирались отъ мыса Фаревелля на 5 — 6 градусовъ къ сѣверу какъ по западному, такъ и по восточному берегамъ. Вдоль сѣверо-восточнаго берега насчитывалось 19 заселенныхъ фіордовъ, на берегахъ которыхъ рас-

положено было 119 селеній, раздѣленныхъ на 12 приходовъ, а на западномъ берегу было 110 деревень, раскинувшихся по берегамъ 9 живописныхъ фіордовъ и составлявшихъ 4 прихода. На восточномъ берегу былъ даже выстроенъ большой соборъ, въ которомъ находилась каѳедра гренландскаго епископа и основано съ теченіемъ времени два монастыря. Доказательствомъ такого распространенія колонистовъ, служатъ развалины древнихъ поселеній и нѣкоторые письменные памятники. Въ 1824 г. Эдуардъ Парри нашелъ на широтѣ 75°50′ камень съ надписью, помѣченною 1135 годомъ, въ которой на древнескандинавскомъ языкѣ излагались нѣкоторые факты исторіи Гренландіи. Сохранились также несомнѣнныя извѣстія, что въ «*Зеленой землѣ*» водились въ большомъ количествѣ быки, и мясо ихъ въ вяленомъ видѣ отсылалось на судахъ въ Норвегію. Изъ всего этого видно, что климатъ Гренландіи въ теченіе семи вѣковъ сильно измѣнился; на прежнихъ лугахъ господствуютъ теперь вѣчные снѣга и льды; обработка земли и разведеніе скота стали немыслимы.

Земля, занятая колоніей Эрика, получила наименованіе Эриксфіорда. Дѣла ея пошли блестящимъ образомъ; вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ народа стала развиваться и духовная жизнь. Христіанство проникло въ Гренландію еще при жизни Эрика Рыжаго; оно введено было сыномъ его, Лейфомъ, который въ бытность свою въ Нервегіи крестился тамъ и, вернувшись въ Эриксфіордъ, сталъ проповѣдывать новую вѣру. Первою была обращена въ христіанство жена Эрика, которая, видя, что мужъ не хочетъ слѣдовать ея примѣру, ушла отъ него и поселилась отдѣльно. Эрикъ послѣ долгаго колебанія сдался и собственноручно сжегъ изображенія скандинавскихъ боговъ—Тора и Одина. Тогда народъ, не желая отставать отъ своихъ вождей, тоже принялъ христіанство, и Эриксфіордъ причислился къ епархіи Исландскаго епископа, который время отъ времени посѣщалъ свою новую паству. Но гренландцы, не довольствуясь этими посѣщеніями, захотѣли имѣть собственнаго епископа, о чемъ и ходатайствовали предъ норвежскимъ правительствомъ. Прошеніе, подкрѣпленное дорогими подарками,

состоящими изъ изряднаго количества клыковъ моржей и роскошныхъ мѣховъ, было уважено. Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка епископскую каѳедру занималъ Арнольдъ, по благословенію котораго сооруженъ былъ первый соборъ. За нимъ слѣдовали восемнадцать епископовъ, изъ которыхъ послѣдній, Андреа, былъ посвященъ въ 1406 году.

Съ этого времени на счастливую дотолѣ колонію стали обрушиваться страшныя бѣдствія, которыя повлекли за собой ея полное уничтоженіе. XV столѣтіе было вообще чрезвычайно несчастливо для гренландской колоніи. Много лѣтъ подъ-рядъ свирѣпствовавшая «*черная смерть*» (оспа) почти уничтожила населеніе ея; климатъ замѣтно началъ измѣняться къ худшему: постепенно плавучіе льды скоплялись у береговъ, зимы сдѣлались болѣе продолжительными и болѣе суровыми; но окончательное паденіе колоніи довершили войны съ хищными туземными и пришлыми эскимосскими племенами.

Въ то же время въ Скандинавіи, послѣ смерти великой королевы Маргариты Вальдемарской, возгорѣлись кровавыя междуусобія, среди которыхъ норманны совершенно позабыли о гренландской колоніи, и связь ея съ Европой мало-по-малу прекратилась; прекратилась и иммиграція въ нее... Между тѣмъ появился новый, еще болѣе опасный врагъ. Въ Гренландію вторглась дикая, воинственная нація, именуемая Скрелингами. Наименованіе это дали пришлецамъ норманды по причинѣ ихъ малаго роста. Народъ этотъ, пришедшій съ запада за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, нападалъ на сѣверныя колоніи; теперь же предметомъ его атаки сдѣлались южныя колоніи, которыя, какъ болѣе богатая добыча, давно манили взоры непріятелей. Скрелинги появились сначала въ небольшомъ количествѣ, въ маленькихъ, легкихъ пирогахъ, затѣмъ, постоянно прибывая, составили несмѣтное полчище, которое наводнило страну, опустошило дома и кладовыя и увело съ собой плѣнниковъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По этому поводу папа Николай V писалъ въ 1448 году исландскому епископу, повелѣвая ему послать въ Гренландію ревностныхъ пастырей, которые поддержали бы несчастный народъ, оставшійся безъ епи-

скопа, безъ священниковъ, безъ храмовъ, разрушенныхъ язычниками.

Но вскорѣ и пастыри стали не нужны, такъ какъ въ разоренной землѣ не осталось ни одного изъ христіанъ: гренландскія колоніи были совершенно уничтожены.

Никто не можетъ сказать утвердительно, въ которомъ именно году произошло это полное завоеваніе нормандскихъ колоній Существуетъ преданіе, по которому Скрелинги обязаны блестящей побѣдой своему вождю, пустившему въ ходъ военную хитрость, напоминающую извѣстную легенду о Троянской лошади.

Преданіе это передается такъ: послѣ продолжительныхъ битвъ колонисты, оставшись въ самомъ ничтожномъ количествѣ, составили небольшой отрядъ подъ управленіемъ храбраго вождя Унгитока.

Послѣдній, высадившись ночью со своими товарищами на сосѣдній островъ Окпейтсавикъ, гдѣ находился одинъ изъ отрядовъ скрелинговъ, бросился на спящихъ непріятелей и перебилъ всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей.

Вождь скрелинговъ, Красснпъ, успѣлъ скрыться, вмѣстѣ со своимъ братомъ, но Унгитокъ бросился въ погоню за ними, убилъ брата Красснна, и самому ему отрубилъ правую руку, крикнувъ при этомъ: «приходи за рукой въ мой лагерь». Красснпъ, пылая гнѣвомъ, придумалъ слѣдующую месть. Получивъ подкрѣпленіе изъ другихъ отрядовъ, онъ приказалъ связать вмѣстѣ нѣсколько барокъ, составившихъ такимъ образомъ огромный плотъ, на которомъ устроено было возвышеніе, покрытое со всѣхъ сторонъ бѣлыми тюленьими шкурами. Внутренность этой постройки была наполнена вооруженными людьми. Издали гигантская машина очень походила на плавучую ледяную гору. Унгитокъ, замѣтивъ ее на морѣ, не обратилъ вниманія, такъ какъ ледяныя горы представляютъ тамъ самое обыкновенное явленіе. Она остановилась въ уединенной бухтѣ за Кракортокомъ. Красснпъ со своимъ отрядомъ выбрался осторожно на берегъ и извилистыми дорожками началъ приближаться къ нормандцамъ, которые въ этотъ часъ стояли на молитвѣ въ Кракортокской церкви. Непріятели, окруживъ церковь, подожгли ее

и, когда несчастные колонисты бросились къ выходу, они поддѣвали ихъ на пики и толкали въ пламя. Унгитоку съ сыномъ удалось убѣжать въ сосѣднія горы. Но убѣжище его вскорѣ было открыто. Видя непріятелей, онъ бросилъ своего сына въ ближайшее озеро, предпочитая для него смерть тѣмъ ужасамъ, которые его ожидали, а самъ началъ отчаянно защищаться. Покрытый ранами, онъ попался въ руки Крассина, который, отрубивъ ему правую руку, побѣдоносно взмахнулъ ею, говоря:—«ты велѣлъ мнѣ придти за ней; я и пришелъ». Съ этой минуты скрелинги, предки нынѣшнихъ добродушныхъ эскимосовъ, сдѣлались полными хозяевами Гренландіи.

До сихъ поръ можно встрѣтить развалины древнихъ нормандскихъ построекъ. Въ Кракортокѣ, напримѣръ, есть массивное зданіе отъ 15 до 18 футовъ вышины, со стѣнами толщиною въ $4^1/_2$ фута, состоящими изъ плоскихъ камней, скрѣпленныхъ глиной. Зданіе это, фасадъ котораго заканчивался сверху острымъ шпицемъ, было нѣкогда церковью. Тутъ же рядомъ стоитъ развалившійся домикъ епископа. Въ другихъ частяхъ фіорда виднѣются развалины многихъ строеній, поросшихъ теперь можжевельникомъ и низкимъ кустарникомъ.

Много лѣтъ о гренландской колоніи не было никакихъ извѣстій, и про нее почти позабыли. Наконецъ, датскій король Фридрихъ II послалъ корабль подъ командою Магнуса Гайнсона съ порученіемъ разузнать, живутъ ли еще люди скандинавскаго происхожденія за ледянымъ валомъ, замыкающимъ утесистые фіорды.

Гайнсонъ благополучно достигъ Гренландіи и увидѣлъ ея берегъ; попутный вѣтеръ надувалъ паруса его судна, погода была прекрасная, но необыкновенная прозрачность воздуха, которая бываетъ иногда на крайнемъ сѣверѣ, ввела его въ заблужденіе. Ему показалось, что до берега не далеко и горы, простиравшіяся по берегу—не велики.

Но черезъ нѣсколько часовъ хорошаго хода корабль повидимому ни сколько не приблизился къ берегу. На матросовъ напалъ ужасъ, и самъ командиръ Гайнсонъ пришелъ къ заключенію, что его не пускаетъ къ берегу какая-то *невидимая сила*.

Сообща рѣшили, что это «магнитная скала» и отправились по добру, по здорову въ обратный путь.

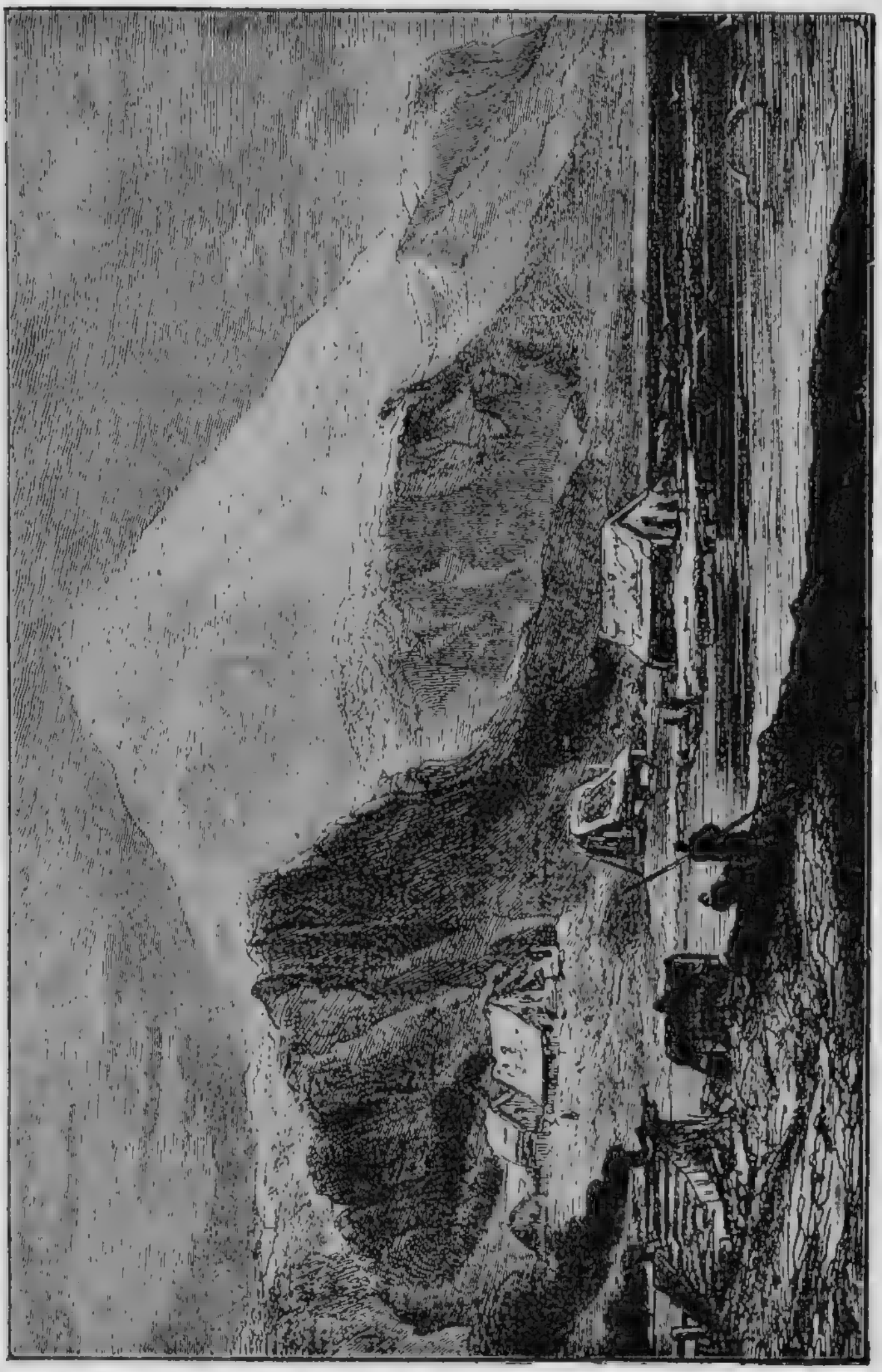
Король, получивъ отъ Гайнсона донесеніе о «магнитной скалѣ» на берегу Гренландіи, рѣшилъ оставить всякіе розыски о колонистахъ этой страны.

Послѣ этого было еще нѣсколько попытокъ проникнуть въ Гренландію, но по большей части неудачныхъ. Восточный берегъ оказался совсѣмъ неприступнымъ, такъ какъ былъ загроможденъ огромными пловучими льдами. Что касается западнаго берега, то нѣсколько моряковъ высаживались на него, но о прежнихъ населеніяхъ скандинавовъ не удалось собрать рѣшительно никакихъ извѣстій. Поэтому сказаніе о древнихъ гренладскихъ колоніяхъ привыкли, наконецъ, считать миѳическимъ преданіемъ. Страна эта не представлялась удобною для колонизаціи и долгое время объ этомъ никто не думалъ.

Только одинъ человѣкъ никакъ не могъ успокоиться на мысли, что прежнія скандинавскія населенія въ Гренландіи — выдумка. Это былъ пасторъ Гансъ Эгедъ изъ Сѣверной Норвегіи. Читая церковныя записи, онъ неоднократно встрѣчалъ упоминаніе о гренландскихъ христіанахъ и въ пламенной его душѣ сложилось убѣжденіе, что его соплеменники не только были въ X—XIII вѣкахъ въ Гренландіи, но и продолжаютъ тамъ жить.

Только въ 1721 году Датчане, владѣтели Исландіи, снова вспомнивъ о колоніяхъ, основанныхъ Эрикомъ, отправились въ Гренландію. Это уже не было нашествіемъ, завоеваніемъ, это было просто мирное водвореніе. Первымъ прибылъ туда съ семьей миссіонеръ Гансъ Ешедъ, за которымъ послѣдовали нѣкоторые изъ предпріимчивыхъ торговопромышленниковъ. Они основали маленькій городокъ Готгаабъ. Вскорѣ прибыли сюда братья Моравъ, которые посвятили себя обращенію эскимосовъ въ христіанство. Между туземцами и европейцами начались торговыя сношенія. Число переселенцевъ стало увеличиваться, постройки ихъ потянулись вдоль всего берега до 73°, послѣдней границы обитаемой земли. Образовалось двѣнадцать округовъ, въ которыхъ заключалось приблизительно 7,000 человѣкъ,— по 600 человѣкъ среднимъ числомъ на округъ. Округа упра-

влялись 12-ю начальниками, подчиненными двумъ инспекторамъ—представителямъ королевской власти, изъ которыхъ



Видъ Упернавика.

одинъ, имѣя резиденцію въ Готгаабѣ, завѣдывалъ шестью южными округами, другой, избравъ мѣстожительствомъ Годгавнъ, завѣдывалъ шестью сѣверными.

Всѣ эти округа имѣютъ видъ бѣдныхъ деревушекъ. Въ Годгавнѣ на узкомъ морскомъ берегу, между моремъ, покрытымъ льдинами, и обрывистымъ склономъ горы стоитъ маленькая деревянная церковь, привезенная изъ Даніи, выкрашенная дегтемъ, какъ и другія строенія. За ней тянутся одноэтажные домики пастора, окружнаго начальника, доктора, затѣмъ зданія для склада товаровъ, для вытапливанья тюленьяго и китоваго жира, а въ нѣкоторомъ разстояніи разбросаны хижины и палатки туземцевъ.

Среди убогихъ гренландскихъ построекъ встрѣчаются такія учрежденія, которыя свидѣтельствуютъ о проникновеніи въ страну цивилизаціи. Напримѣръ, въ Якобсгавнѣ существуетъ учебное заведеніе, въ которомъ молодые эскимосы подготовляются къ учительской дѣятельности. Въ этой мѣстности почти всѣ туземцы, не исключая женщинъ, умѣютъ читать и писать. Въ Готгаабѣ есть типографія, гдѣ печатаются историческія и религіозныя сочиненія, украшенныя иллюстраціями, нарисованными на деревѣ эскимосскими художниками. Наконецъ, въ главныхъ городахъ всѣхъ округовъ построены зданія, въ которыхъ происходятъ засѣданія эскимосскихъ депутатовъ, выбранныхъ согражданами для разрѣшенія судебныхъ и административныхъ дѣлъ. Зданія эти имѣютъ видъ риги. Они состоятъ изъ одной комнаты въ 20 футовъ длины и 16 ширины, съ досчатыми стѣнами, съ деревяннымъ столомъ и двумя скамьями посрединѣ. На эти скамьи садятся съ карандашемъ и листомъ бумаги въ рукахъ депутаты въ тюленьихъ шароварахъ и грубыхъ шерстяныхъ рубашкахъ. На головѣ ихъ, какъ знакъ отличія, красуются красныя шапки съ золотымъ галуномъ, разрисованныя изображеніями датскихъ оружій и украшенныя на верху позолоченнымъ полярнымъ медвѣдемъ, стоящимъ на заднихъ лапахъ, съ короной на головѣ. Шапки эти, подаренныя имъ центральнымъ правительствомъ, надѣваются только во время засѣданій.

Доктору Гессъ удалось присутствовать на одномъ изъ такихъ засѣданій. Въ тотъ разъ предметомъ обсужденія депутатовъ являлась раздача пособій нуждающимся туземцамъ.

Первымъ вызванъ былъ нищій эскимосъ, едва прикрытый лохмотьями; онъ объяснилъ, что, лишившись каяка, разбитаго льдами, не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію. Ему опредѣлили извѣстную сумму, а женѣ его дали записку для полученія изъ общественнаго амбара пищи и платья. Затѣмъ небольшую денежную субсидію получилъ молодой раненый охотникъ, потерявшій въ морѣ челнъ и оружіе. Ему дано было столько, сколько требовалось на постройку новаго челнока и на пріобрѣтеніе копья и гарпуна. Отецъ семейства, имѣвшій нѣсколькихъ дочерей, получилъ необходимую сумму на постройку «уміака», съ условіемъ возвратить половину суммы въ теченіе двухъ лѣтъ. Послѣ него снабжены были съѣстными припасами нѣсколько больныхъ бѣдняковъ и малолѣтнія сироты. Во время засѣданія не слышно было ни праздныхъ разговоровъ, ни споровъ. Покончивъ съ дѣлами, представители народа молча разошлись по своимъ домамъ.

Собраніе депутатовъ занимается не одними дѣлами благотворительности; оно налагаетъ также штрафъ за недобросовѣстность, мошенничество, лѣнь и въ качествѣ исправительнаго суда наказываетъ провинившихся.

Проходя однажды по одной изъ гренландскихъ деревушекъ, докторъ Гессъ увидѣлъ, что всѣ жители ея собрались въ церкви. Это былъ воскресный день и потому никто не работалъ. Изъ церкви неслись звуки органа. Когда онъ вошелъ туда, никто не обратилъ на него особеннаго вниманія. Всѣ пѣли подъ аккомпаниментъ органа. Затѣмъ пасторъ началъ говорить проповѣдь на эскимосскомъ языкѣ, который, несмотря на многосложныя, длинныя слова, не лишенъ благозвучія. Одинъ изъ эскимосовъ управлялъ органомъ, другой пѣніемъ; пѣлись псалмы, толково переведенные на эскимосскій языкъ и рифмованные.

— Если-бы не странный костюмъ и не звуки незнакомаго нарѣчія,—говоритъ Гессъ,—можно-бы было подумать, что стоишь среди горячо вѣрующихъ европейцевъ, усердно молящихся въ храмѣ, настолько трогательна была благоговѣйная сосредоточенность собравшихся сюда эскимосовъ.

ГЛАВА XIII.

Жилище датскаго представителя. — Любитель гренландской природы. — Ферма доктора Мольке. — Счастливый день для датскихъ семействъ.

Эскимосы находятъ выгоднымъ жить вблизи европейцевъ и признавать надъ собой ихъ попечительство, такъ какъ въ случаѣ нужды они всегда оказываютъ имъ помощь, многому научаютъ и, кромѣ того, покупаютъ у нихъ рыбу и пушныхъ звѣрей. Но какъ соглашаются европейскіе чиновники за ничтожное вознагражденіе, получаемое отъ правительства, ѣхать на жительство въ такую негостепріимную страну? Да еслибъ и больше было это вознагражденіе, къ чему бы оно послужило имъ въ такой пустынной, неплодородной мѣстности? Всѣ необходимые продукты, какъ-то: хлѣбъ, провизія, платье, доски, мебель привозятся разъ въ году для каждаго округа изъ Даніи. Еслибъ судно по какимъ-либо причинамъ не пришло, округъ долженъ бы былъ голодать и терпѣть самыя ужасныя лишенія. Поэтому малѣйшее запаздываніе въ прибытіи провіанта всегда служитъ причиной сильнаго безпокойства для датскихъ семействъ: имъ представляется во всемъ ужасѣ перспектива быть брошенными на произволъ судьбы.

Особенно тяжела по своимъ лишеніямъ, нравственнымъ и матеріальнымъ, жизнь въ сѣверныхъ округахъ Гренландіи. Когда Гессъ во время своего путешестія остановился въ маленькомъ портѣ Тессуйзакъ, гдѣ жилъ одинъ изъ датскихъ чиновниковъ, онъ былъ пораженъ жалкимъ видомъ этой мѣстности, лежащей на 80 километровъ выше Упернавика.

Глазамъ его представилось небольшое пространство земли, изрытое скалами, впереди которыхъ возвышался асбергъ, выброшенный моремъ на берегъ. На одной изъ голыхъ скалъ видѣлась досчатая хижина съ развѣвающимся надъ ней флагомъ Даніи; это было жилище датскаго правителя М. Янсена. Онъ помѣщался здѣсь съ женой и тремя малолѣтними дѣтьми. Семья эта была совершенно одинока; двѣнадцать миль морского

пути отдѣляли ее отъ другихъ цивилизованныхъ людей; она вращалась только въ обществѣ подчиненныхъ ей 60-ти эскимосовъ, лачужки которыхъ разбросаны были на всемъ протяженіи скалистаго мыса. Около этихъ лачугъ лежали собаки, поднимавшія время отъ времени протяжный вой, валялись груды

Жилище датскаго губернатора.

тюленьихъ костей и рыбьи потроха, распространявшіе отвратительный запахъ.

Янсенъ жилъ очень бѣдно. Торговыя операціи округа, состоящія въ продажѣ тюленьяго жира, медвѣжьихъ шкуръ и гагачьяго пуха, не превышали 25,000 франковъ въ годъ, изъ которыхъ Янсену приходилось 5%, т. е. 125 фр.; къ этой суммѣ прибавлялось еще жалованье—1,250 фр. Изъ получаемыхъ денегъ кромѣ другихъ расходовъ онъ долженъ былъ тратить на прокормленіе жены и дѣтей, такъ какъ изъ казны от-

пускалась даровая пища для него одного. Но эта скромная семья не жаловалась; желанія ея были настолько ограничены, что она не чувствовала лишеній. Она позволяла себѣ даже нѣкоторую, по ея мнѣнію, роскошь: стѣны ихъ жилища украшены были картинами, а постели состояли изъ множества перинъ и подушекъ, набитыхъ гагачьимъ пухомъ. Янсенъ любилъ охотиться и смотрѣлъ на это, какъ на развлеченіе. Онъ оживился, разсказывая Гессу о своихъ удачахъ въ погонѣ за бѣлыми медвѣдями, сѣверными оленями, тюленями и китами. Жена его никуда не выходила изъ дома, всецѣло посвятивъ себя семьѣ и хозяйству. Она была родомъ изъ Копенгагена и вотъ уже семь лѣтъ, какъ жила здѣсь, оторванною ото всего родного. Дѣти не отличались веселостью, свойственной ихъ возрасту, они казались слабенькими, тщедушными; обычная сѣверная болѣзнь—цынга оставила на нихъ свои слѣды. Есть-ли возможность,—говоритъ докторъ Гессъ,—воспитывать ихъ по правиламъ гигіены, заставлять ихъ гулять и бѣгать на воздухѣ, когда девять мѣсяцевъ въ году земля покрыта снѣгомъ, когда солнце скрывается болѣе чѣмъ на сто дней, а въ комнатѣ не перестаютъ топиться печки и горѣть лампы, такъ какъ холодъ достигаетъ 45° ниже нуля и въ воздухѣ рѣдкій день не кружатся снѣжныя вьюги?

Дѣти Янсена, никогда не видѣвшія никого, кромѣ эскимосовъ, съ любопытствомъ оглядывали путешественника. Но что особенно поразило ихъ, это пароходъ, на которомъ онъ пріѣхалъ. Такая дымящая, свистящая машина никогда еще не останавливалась въ бухтѣ Тессуйзака.

Не на всѣхъ пунктахъ Гренландіи такъ мрачно и непривѣтливо, какъ у бѣднаго правителя Тессуйзака. Войдите, напримѣръ, къ одному изъ докторовъ или миссіонеровъ Годгавна: вы увидите уютную комнату съ удобной и даже изящной мебелью; передъ окномъ, завѣшаннымъ тюлемъ, стоитъ жардиньерка съ резедой, геліотропомъ и розовымъ кустомъ; эти растенія, вывезенныя изъ Европы, прекрасно растутъ въ комнатѣ, распространяя ароматъ; далѣе вы видите шкафъ, наполненный книгами, піанино съ нотами; въ углу весело трещитъ каминъ,

передъ нимъ, свернувшись клубочкомъ, грѣется на коврѣ кошка, а на стѣнѣ въ хорошенькой клѣткѣ чирикаетъ канарейка. Но если вы вздумаете подойти къ окну, глазамъ вашимъ представится необъятный океанъ, изрытый огромными ледяными глыбами, и безконечная цѣпь снѣжныхъ вершинъ, глядя на которыя, вы чувствуете, что вы въ плѣну у арктическихъ льдовъ.

Несмотря на суровый климатъ полярной природы, на унылый, уединенный образъ жизни ея обитателей, встрѣчается не мало достойныхъ, образованныхъ людей, которые, пользуясь въ Европѣ всѣми благами цивилизаціи, предпочитаютъ поселиться въ Гренландіи и чувствуютъ себя здѣсь вполнѣ счастливыми. Таковы, напримѣръ, докторъ Рудольфъ, бывшій хирургъ датской арміи, а теперь правитель и докторъ въ Упернавикѣ, и докторъ Мольке, занимающійся практикой въ одномъ изъ небольшихъ портовъ сѣверной Гренландіи.

Послѣдній, когда посѣтилъ его докторъ Гессъ, жилъ въ небольшомъ домикѣ, довольно скромномъ на видъ, но восхитительно убранномъ внутри. Путешественника встрѣтила служанка изъ эскимосокъ съ смуглымъ лицомъ, черными волосами, переплетенными лентами, въ шерстяной кофточкѣ, отдѣланной мѣхомъ, въ панталонахъ изъ тюленьей кожи серебристо-сѣраго цвѣта и бѣлыхъ сапогахъ.

Докторъ Мольке, свѣжій, здоровый, безукоризненно выбритый, въ изящномъ домашнемъ костюмѣ, сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Комната эта была убрана старинной, роскошной мебелью; на полу лежалъ дорогой коверъ, на окнахъ впсѣли малиновыя занавѣси, на креслахъ разостланы были мѣха бѣлыхъ медвѣдей, подбитые бархатомъ, стѣны украшались картинами и портретами. Въ разныхъ углахъ разбросаны были этажерки и консоли со всевозможными вещами, собранными во время разныхъ путешествій. На полкахъ огромнаго книжнаго шкафа виднѣлись классики—французскіе, англійскіе, нѣмецкіе и датскіе; другія книги лежали на столахъ.

Въ хорошенькой, уютной столовой сервированъ былъ прекрасный завтракъ, состоящій изъ горячей лососины подъ соусомъ, оленьяго языка, домашняго бѣлаго хлѣба и разныхъ

дорогихъ винъ. Но что особенно поразило путешественника—это появленіе на столѣ свѣжей редиски и латукъ-салата: овощи подъ 72° широты казались чѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Это продуты моей фермы,—спокойно пояснилъ докторъ Мольке.—Гость попросилъ показать ему эту ферму, которая находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома. Онъ увидѣлъ грядку въ тридцать футовъ длины и въ четыре—ширины, окруженную досками и покрытую стеклами въ деревянныхъ рамахъ; грядка эта состояла изъ богатаго ютландскаго чернозема, привезеннаго въ бочкахъ изъ Копенгагена. Рядомъ съ парникомъ находился курятникъ и конюшня. Это было маленькое деревянное строеніе, раздѣленное внутри и отопляемое печкой; здѣсь жили три козы, двѣ свиньи и двадцать куръ, вывезенныя также изъ Копенгагена.

Сыгравъ со своимъ гостемъ партію на билліардѣ, докторъ Мольке сказалъ:

— Вы видите, живя здѣсь, я ни въ чемъ не отказываю себѣ; я поселился въ Гренландіи по собственному желанію и всегда могу уѣхать отсюда. Но мнѣ хорошо здѣсь; въ Копенгагенъ я ѣзжу въ три или четыре года разъ и всегда съ удовольствіемъ возвращаюсь сюда. Меня прельщаетъ не выгода,—получаемый мною гонораръ слишкомъ ничтоженъ, мнѣ нравится то, что я здѣсь вполнѣ независимъ, пользуясь цвѣтущимъ здоровьемъ и въ окружающей меня жизни встрѣчаю много непредвидѣннаго, рискованнаго, постоянно вызывающаго меня на борьбу. Я не знаю, что такое скука. Книги замѣняютъ мнѣ друзей и знакомыхъ; мы никогда другъ другу не надоѣдаемъ; онѣ меня поучаютъ, когда я этого пожелаю, и развлекаютъ, когда я ищу забавы. Какая другая страна могла бы дать мнѣ возможность такъ спокойно предаваться чтенію? Всѣ новѣйшія сочиненія, появляющіяся въ печати, доставляются мнѣ разъ въ году датскимъ судномъ, привозящимъ намъ муку, кофе, сахаръ, уголь и другую провизію и увозящимъ отъ насъ мѣха, жиръ и сушеную рыбу.

— Многіе,— продолжалъ Мольке,— считаютъ меня сумашедшимъ только потому, что я добровольно живу въ такой

странѣ, но они ошибаются. Я люблю эту страну и предпочитаю ее всѣмъ тѣмъ землямъ, которыя посѣщалъ во время моихъ путешествій.

«Есть что-то ужасное въ этой непобѣдимой природѣ; съ ней постоянно нужно вести борьбу и эта борьба—отрада для меня; подобное существованіе я никогда не промѣняю на изнѣженный образъ жизни нашихъ столицъ. Тамъ я жилъ бы праздно, безъ цѣли, безъ опасностей, требующихъ преодолѣнія, безъ всякихъ поводовъ для проявленія характера, мужественной энергіи. Я въ своемъ родѣ эпикуреецъ; я люблю жить и извлекать изъ жизни то, что на мой взглядъ составляетъ въ ней лучшаго. Тотъ комфортъ, которымъ я себя окружаю, придаетъ особенный смакъ лишеніямъ и опасностямъ здѣшней жизни; одно выкупается другимъ. Если я сплю нѣсколько ночей въ моей мягкой постели, то я умѣю при случаѣ прекрасно спать и на голомъ снѣгу, рядомъ съ моими собаками. Если я не отказываю себѣ въ слабости выпить хорошаго бургонскаго и притомъ выпить его въ тонкомъ хрустальномъ бокалѣ, я могу, когда нужно, спокойно пить и китовый жиръ въ оловянной кружкѣ. Я люблю носить платье изъ тонкаго сукна, но при случаѣ умѣю прекрасно пользоваться и грубой звѣриной шкурой.

— Моя должность такова, что мнѣ приходится ѣздить во всякое время дня, при какой угодно погодѣ. Чтобъ попасть отъ насъ въ сосѣдніе округа, нужно ѣхать моремъ. Зимой я совершаю эти поѣздки на моихъ эскимосскихъ саняхъ, запряженныхъ собаками; лѣтомъ—на моей маленькой яхтѣ, вмѣстительностью въ пять тоннъ, которую вы, вѣроятно, замѣтили въ гаванп. Другой разъ я ѣду безъ призыва, по собственному желанію,—посѣщаю разныя деревни, осматриваю больныхъ и оказываю имъ помощь. Но чаще за мной посылаютъ и мнѣ приходится нерѣдко ѣхать миль за восемьдесятъ и даже за сто. Въ такихъ случаяхъ, если море не замерзло, Адамъ, одинъ изъ преданныхъ мнѣ туземцевъ, съ сыномъ Карломъ приготовляютъ мою яхту; Софи, служанка моя, несетъ туда мой ящикъ съ лѣкарствами, хирургическіе аппараты, ружье, карабинъ, складную палатку, нѣсколько мѣховъ, лампу и съѣстные припасы. Мы

отправляемся, какова бы ни была погода. Не разъ меня застигала буря, я промокалъ чуть не до костей, нерѣдко бывалъ на волосъ отъ смерти, рискуя утонуть, но что за бѣда! Мнѣ нравится такая жизнь. Я уѣзжаю изъ дома на день, на недѣлю, на мѣсяцъ, никому не отдаю отчета, дѣлаю, что хочу,—я свободенъ!

— Зимою часто случается, что ледъ, по которому меня мчатъ собаки, недостаточно твердъ, вслѣдствіе чего весь экипажъ съ людьми и животными погружается въ воду; такая холодная ванна, конечно, не обходится даромъ, но я привыкъ къ этому. А то бываетъ и такъ, что мы подъѣзжаемъ къ пропасти, которую невозможно перейти; намъ ничего больше не остается, какъ сбить себѣ изъ снѣга юрту и забиться въ нее въ ожиданіи, пока изъ снѣга и льда образуется естественный мостъ для переѣзда на другую сторону. Подобныя путешествія на саняхъ въ началѣ или въ концѣ зимы сопряжены съ большими опасностями и на мою долю выпало не мало страшныхъ приключеній, о которыхъ потомъ, сидя передъ каминомъ, я вспоминаю съ неизъяснимымъ наслажденіемъ.

— Особенно интересно путешествовать у насъ въ серединѣ зимы, когда вашъ путь освѣщается только луной или звѣздами, когда снѣгъ подъ вліяніемъ морозовъ становится твердымъ, и въ венахъ вашихъ успливается отъ холода циркуляція крови. Что за наслажденіе летѣть при такихъ обстоятельствахъ впередъ съ быстротою вихря, не встрѣчая на пути никакихъ препятствій и разсѣкая собой свѣжій, морозный воздухъ?! Иногда приходится повстрѣчаться съ бѣлымъ медвѣдемъ, но онъ не пугаетъ насъ, мы гонимся за нимъ, стараясь настигнуть его и помѣшать спастись на одной изъ плавучихъ льдинъ; охота эта очень занимательна. А какое торжество, когда удастся завладѣть звѣремъ и привезти домой его шкуру, какъ трофей побѣды!

— Итакъ, вы видите,—закончилъ докторъ Мольке,—что можно прекрасно жить въ Гренландіи. Назовите мнѣ другую часть земли, мѣстныя условія которой такъ соотвѣтствовали бы моему вкусу.

Не всѣ датскіе переселенцы раздѣляютъ вкусъ доктора Мольке, не всѣ умѣютъ извлекать такъ много пріятнаго изъ

скудныхъ источниковъ полярной природы и потому большинство далеки отъ наслажденія Гренландской жизнью. Но есть день въ году, когда всѣ чувствуютъ себя счастливыми, ожившими;— это день прибытія компанейскаго судна изъ Копенгагена. Судно это привозитъ не только необходимый провіантъ, но и долго ожидаемыя извѣстія о родныхъ, друзьяхъ и знакомыхъ съ далекой родины. Какъ только вдали покажется очертаніе корабля, всѣ датчанѣ, находящіеся въ этомъ округѣ, спѣшатъ въ лодкахъ ему навстрѣчу. Эскимосы тоже принимаютъ участіе въ общей радости; сидя въ своихъ «каякахъ», они лавируютъ вокругъ медленно подплывающаго судна, кричатъ, взвизгиваютъ и размахиваютъ руками. Прибывшіе передаютъ письма, журналы, книги, подарки отъ отца, матери, братьевъ и друзей. Сообщаются новости о свадьбѣ, рожденіи ребенка, иногда и о смерти близкихъ людей. Нѣсколько дней проходитъ въ оживленныхъ разговорахъ, чтеніи писемъ, разсматриваніи вещей, послѣ чего унылая жизнь снова входитъ въ свою обычную колею и остается въ теченіе года отрѣзанной отъ живого міра.

ГЛАВА XIV.

Эпопея полярныхъ путешествій.

Мореплаватели.—Полярныя экспедиціи.—Корабли, захваченные плавучими льдинами.—Столкновеніе «Пантеры» съ айсбергомъ.—Суда во льдахъ.—Поднятіе ледяныхъ полей.—«Тегетгофъ», затираемый льдинами.

Затрудненія и опасности, связанныя съ посѣщеніемъ арктическихъ странъ, служили и служатъ скорѣй приманкой, чѣмъ препятствіемъ для смѣлыхъ мореплавателей, которые, начиная съ конца пятнадцатаго вѣка и до нашихъ дней, не перестаютъ туда стремиться. Неудачи и несчастія предшественниковъ, поплатившихся за свою смѣлость страданіями и даже жизнью, не обезкураживаютъ послѣдователей.

Въ исторіи первыхъ арктическихъ изслѣдователей мы видимъ сплошной рядъ бѣдствій и лишеній. Послѣ двухъ Кабо-

товъ, Яна и Севастьяна (1496—1517), направлявшихся изъ Англіи къ сѣверо-западу и достигшихъ сѣвернаго берега Америки, являются Виллугби и Ченслеръ, которые пытаются проникнуть въ Индію черезъ сѣверо-востокъ, первый изъ этихъ двухъ умираетъ отъ холода и голода; трупъ его былъ найденъ вмѣстѣ съ семьюдесятью трупами его спутниковъ на одномъ изъ мысовъ восточной Лапландіи; второй проникаетъ далѣе, достигаетъ Бѣлаго моря и въ свою очередь погибаетъ. Двадцать лѣтъ спустя пускается въ плаваніе Мартинъ Фробисхеръ съ цѣлью найти сѣверо-западный проходъ, за нимъ слѣдуютъ Джонъ Девисъ, именемъ котораго названъ былъ проливъ (Девисовъ), и Гумфри Джильбертъ, потонувшій со всѣмъ экипажемъ во время бури. Въ 1594 году голландецъ Баренцъ, направляя путь на сѣверо-востокъ, достигаетъ Медвѣжьяго Острова, Шпицбергена, сѣверной оконечности Новой Земли, гдѣ, захваченный льдами, подвергается страшнымъ лишеніямъ, затѣмъ, высвободившись, возвращается назадъ больной, истощенный и дорогой умираетъ. Судьба послѣдователя его, Генриха Гудзона (1607—1610) еще печальнѣе. Онъ отправился въ плаваніе на небольшомъ суднѣ въ 80 тоннъ, предполагая проѣхать въ Японію черезъ полюсъ; его останавливаютъ ледяныя глыбы и, несмотря на всѣ усплія экипажа, попытка двинуться впередъ не удается. Тогда Гудзонъ направляется къ Америкѣ и открываетъ бухту, которая теперь носитъ его названіе; въ этой бухтѣ, несмотря на протесты экипажа, онъ намѣревается перезимовать, чтобъ потомъ двинуться дальше, но возмущенный экипажъ насильно сажаетъ его съ вѣрными ему матросами въ шлюпку безъ паруса, безъ съѣстныхъ припасовъ и бросаетъ ихъ на произволъ судьбы среди океана. Позднѣе датчанинъ Берингъ, состоявшій на русской службѣ, совершилъ рядъ путешествій въ сѣверной части Великаго океана и погибъ съ тридцатью спутниками отъ голода и холода въ томъ проливѣ, который названъ его именемъ.

Въ только-что истекшемъ XIX вѣкѣ исторія или, вѣрнѣе, эпопея полярныхъ экспедицій не прекращается, хотя она уже утрачиваетъ свой трагическій характеръ. Мореплаватель Россъ

проводитъ шесть лѣтъ въ изслѣдованіи огромнаго лабиринта острововъ, находящихся подъ Сѣверной Америкой, послѣ чего возвращается въ Англію, гдѣ его давно считали уже умершимъ. Въ то же время Врангель углубляется отъ береговъ Сибири далеко на сѣверъ, а Парри достигаетъ самыхъ отдаленныхъ американскихъ острововъ, вслѣдствіе чего весь этотъ обширный архипелагъ называется его именемъ. Но это его не удовлетворяетъ; онъ посѣщаетъ самую сѣверную оконечность Шпицбергена и оттуда отправляется пѣшкомъ по льду къ полюсу, доходитъ до 82°40′ широты; льдины, по которымъ онъ идетъ, начинаютъ двигаться и уносятъ его въ другую сторону. Еще замѣчательнѣе подвиги Джона Франклина (1819—1845); ему удается пройти черезъ весь сѣверъ американскаго континента,— ледяную пустыню въ 5550 миль протяженіемъ, свидѣтельницу ужасныхъ сценъ голодной смерти, всевозможныхъ страданій; у него хватаетъ духу вторично отправиться туда же, чтобъ въ точности изслѣдовать береговую линію; затѣмъ, онъ предпринимаетъ третье путешествіе, изъ котораго ему не суждено было вернуться. Англичане и американцы бросились его разыскивать; снаряжено было нѣсколько судовъ подъ командой опытныхъ офицеровъ. Но только по истеченіи десяти лѣтъ слухи о его смерти подтвердились. Французскій лейтенантъ Белло, принимавшій участіе въ поискахъ Франклина, погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, попавъ въ трещину льдины, внезапно разломившейся подъ его ногами.

Во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ не забывались интересы наукъ. Маку Клюру удалось найти проходъ изъ Тихаго Океана въ Атлантическій. Американцы Канъ, Гесъ и Галлъ достигли Смитова пролива; послѣдніе два перешли за 81 параллель, а первый за 82; несчастный Галлъ тамъ и погибъ и прахъ его покоится подъ деревяннымъ крестомъ. Въ то же время у восточныхъ береговъ Гренландіи появляется судно «Германія» подъ командой Кольдвея, который продолжаетъ изслѣдованія своихъ предшественниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ англійскій капитанъ Нарсъ, обогнувъ со своими помощниками съ запада Землю Гранта, достигъ на сѣверѣ 82°20′26″, той точки, которой до него

никто еще не достигалъ, такъ что между ними и полюсомъ было только 150 лье. Одновременно съ ними шведскій профессоръ Норденшельдъ, обогнувъ берега Европейской Россіи и Сибири, проѣхалъ въ Японію, подтвердивъ такимъ образомъ наглядно свое предположеніе о существованіи сѣверо-восточнаго прохода.

Въ 1873 г. австрійское судно «Тегетгофъ», уже долгое время передъ тѣмъ носившееся по волнамъ безбрежнаго Ледовитаго океана по волѣ вѣтровъ и теченій, поравнялось съ берегомъ какой-то неизвѣстной земли. Сомкнувшіеся затѣмъ льды лишили путешественниковъ возможности приблизиться къ желанной землѣ въ теченіе всей зимы, и только весною *Пайеръ* — начальникъ экспедиціи, съ немногими товарищами покинулъ судно и добрался до берега, рискуя, что судно будетъ отнесено теченіемъ и вѣтрами и онъ останется плѣнникомъ на пустынномъ островѣ. Земля эта оказалась архипелагомъ нѣсколькихъ острововъ, который названъ былъ Пайеромъ въ честь своего маститаго монарха «Землей Франца Іосифа».

На обратномъ пути «Тегетгофъ» былъ затертъ и раздавленъ льдами, а несчастные путешественники послѣ многихъ приключеній спаслись при помощи русскихъ рыбопромышленниковъ.

Въ 1880 г. англичанинъ *Лей-Смитъ*, побывавшій на своемъ суднѣ «Эйра» во многихъ мѣстахъ Ледовитаго океана, открылъ, что доступъ къ архипелагу Франца Іосифа довольно свободенъ. Прельщенный этимъ, онъ возвратился туда на слѣдующій годъ, но на этотъ разъ путешествіе его сошло не столь удачно: «Эйра» была вскорѣ раздавлена льдами, и Лей-Смитъ со своими товарищами остался здѣсь на зимовку.

О новѣйшихъ полярныхъ путешествіяхъ далѣе поговоримъ еще подробно, а пока обратимся къ условіямъ плаванія въ Ледовитомъ океанѣ.

Полярныя экспедиціи не представляютъ теперь тѣхъ опасностей, какія угрожали путешественникамъ въ былыя времена. Мракъ неизвѣстности разсѣялся и мореплаватели заранѣе знаютъ, съ чѣмъ имъ придется бороться. Постройка судовъ значи-

тельно усовершенствовалась; экипажъ, отправляясь въ путь, запасается всѣмъ необходимымъ для борьбы съ холодомъ и голодомъ. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ встрѣчаются такія опасности, которыхъ, несмотря на всѣ предосторожности, нельзя избѣжать, какъ, напримѣръ, пагубныя послѣдствія отъ столкновенія съ пловучими льдинами.

Когда на морѣ, покрытомъ айсбергами, поднимается буря, волны съ шумомъ налетаютъ на ледяныя горы, достигаютъ до самой вершины и падаютъ внизъ бурными водопадами. Айсберги то выплываютъ, то исчезаютъ подъ водой, безпрестанно сталкиваясь другъ съ другомъ. Это волненіе не ограничивается небольшимъ пространствомъ, оно отражается на всей водяной поверхности, до самаго горизонта.

Судну, окруженному въ такое время айсбергами, приходится плохо; подбрасываемое волнами, оно налетаетъ на льдины; бока его вслѣдствіе сильныхъ ударовъ сплющиваются, оно отскакиваетъ подобно мячику отъ одного айсберга и ударяется въ другой, издавая зловѣщій трескъ

Если же оно попадаетъ между двумя столкнувшимися ледяными глыбами, отъ него черезъ минуту не останется слѣда, оно будетъ затерто. Иногда судно натыкается на ледяные шпорцы, длиною въ сто футовъ и острые, какъ лезвіе шпаги; они врѣзываются въ обшивку его на значительную глубину, причиняя такимъ образомъ сильныя поврежденія.

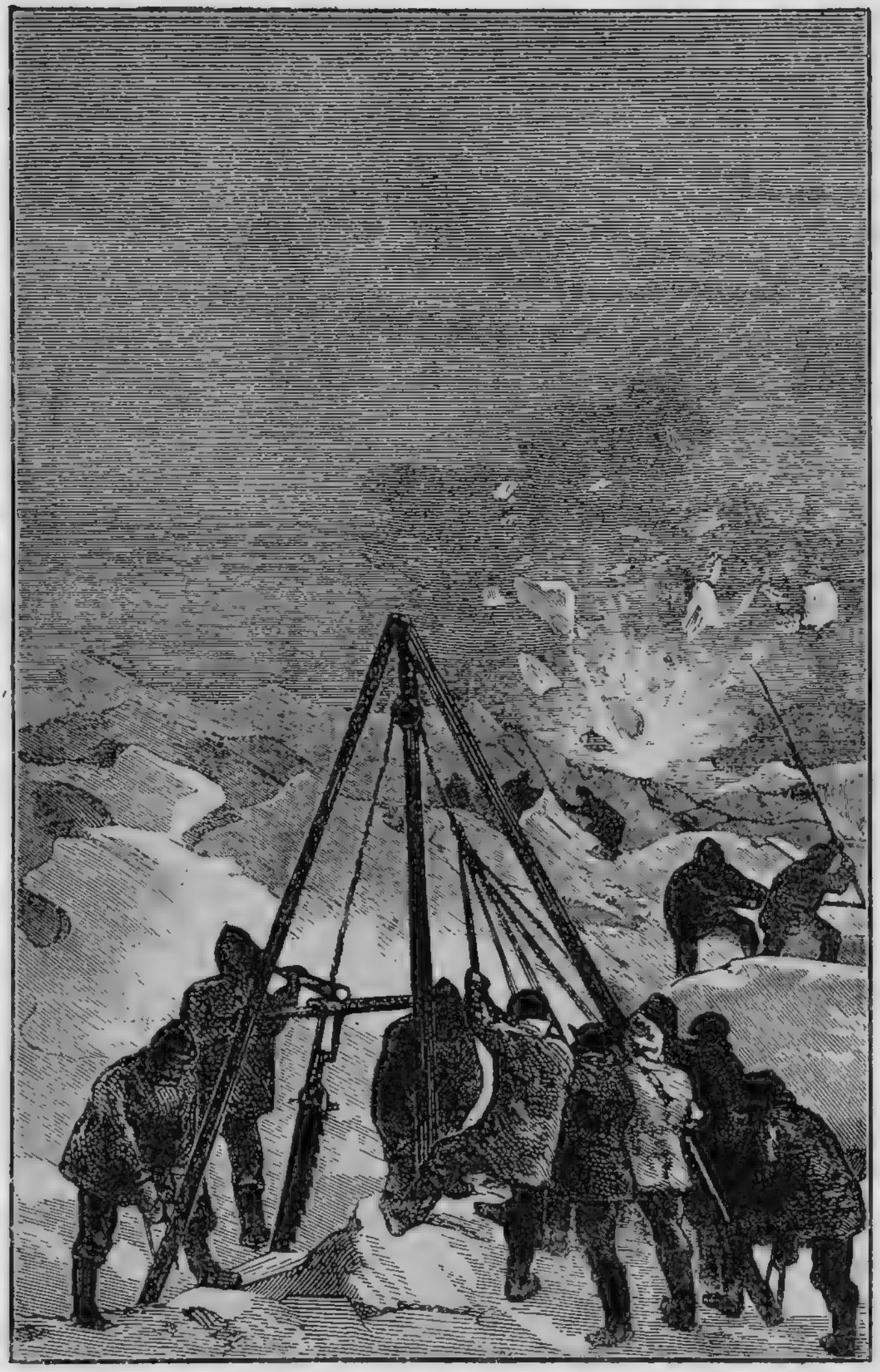
Сѣверныя путешествія являются особенно рискованными въ началѣ осени, когда происходитъ соединеніе пловучихъ льдинъ въ одно сплошное ледяное поле; въ такое время судно рискуетъ быть надолго захваченнымъ льдинами. Если же это случится въ самомъ началѣ или концѣ морозовъ, тогда еще можно спастись изъ ледяныхъ тисковъ. Экипажъ устраиваетъ изъ бревенъ треугольникъ, къ вершинѣ котораго прикрѣпляется блокъ съ веревками, привязанными къ огромнымъ пиламъ. Матросы начинаютъ дружно распиливать ледъ, чтобы образовать проходъ въ ширину судна и отбрасывая подальше отпиленные куски, чтобы два края льдинъ снова не соединились. Но этотъ способъ практикуется только тогда, когда ледъ не очень толстъ.

Второй способъ—мины: въ глубину льдины вставляются патроны, содержащіе въ себѣ фунтовъ двадцать и болѣе пороху; производятъ взрывъ,—и льдина, раздробившись на части, взлетаетъ на воздухъ. Макъ Клюръ, находясь въ такомъ осадномъ положеніи около Земли Банксъ, приказалъ опустить въ задерживающую его ледяную глыбу, прорытую имъ въ серединѣ на 25 футовъ глубины, боченокъ съ порохомъ, вѣсившій 255 фунтовъ; льдина, толщина которой доходила до 65 футовъ, была взорвана до основанія и путешественникъ могъ продолжать путь. Третій способъ самый простой: судно старается очистить себѣ проходъ, ударяясь носомъ въ мѣшающую ему льдину. «Пантера», на которой докторъ Гессъ посѣтилъ Гренландію, прибѣгла къ этому способу, чтобы выйти изъ Упернавика. Видя, что выходъ изъ гавани загроможденъ ледяной горой, капитанъ скомандовалъ: — Назадъ! — потомъ, когда судно отодвинулось, крикнулъ:—Впередъ, на всѣхъ парахъ!—Желѣзный носъ судна со страшной силой ударился въ ледъ; матросы, стоявшіе на палубѣ, упали, потерявъ равновѣсіе; носъ вышелъ изъ воды на пять футовъ; но ледяная глыба осталась нетронутой. Капитанъ повторилъ этотъ маневръ шесть разъ, послѣ чего кристальная масса съ трескомъ раскололась и «Пантера» побѣдоносно прошла между ледяными обломками.

Всѣ эти способы удобопримѣнимы въ тѣхъ случаяхъ, когда ледяной барьеръ не растянутъ на далекое пространство и за нимъ непосредственно слѣдуетъ открытое море. Когда же вся поверхность океана покрыта ледянымъ покровомъ, тогда судно можетъ освободиться только лѣтомъ во время таянія льда.

Опасность быть захваченными ледянымъ полемъ была бы не такъ страшна, если-бъ плѣнниковъ ожидала только скука одиночества и бездѣятельности; но имъ грозитъ худшее: окружающая ихъ ледяная равнина при сильномъ вѣтрѣ начинаетъ колебаться и коробиться, она мѣстами приподнимается, трескается, распадается на множество обломковъ, которые, вытискивая другъ друга, взлетаютъ на воздухъ. Судну, попавшему въ этотъ хаосъ, очень трудно остаться цѣлымъ.

Вотъ что разсказываетъ капитанъ «Тегетгофа», Пайеръ,



Распиливаніе льда.

захваченный со своимъ судномъ ледянымъ полемъ между Новой Землей и Землей Франца Іосифа и остававшійся въ такомъ положеніи въ теченіе двухъ лѣтъ.—«Приближалась осень и холодъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Куда ни обратишь взоры, всюду безконечная ледяная равнина, — картина суровая, но полная покоя. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль; всѣ начали надѣяться, что зима пройдетъ сравнительно благополучно. Однажды, 12-го октября, обнаружились подозрительные признаки: лампы въ каютахъ покачивались и ледяная поверхность слегка колебалась. На слѣдующій день ледяной полъ началъ трескаться, образовалась значительная разсѣлина подъ самымъ кораблемъ, который, слѣдовательно, стоялъ въ центрѣ внутренняго давленія. Офицеры и матросы съ помощью канатовъ и якорей бросились задѣлывать трещину, посыпая скрѣпленныя мѣста снѣгомъ. Но развѣ въ силахъ были бороться пигмеи-люди со всемогущей природой?! Едва приподнялась могучая грудь полярнаго океана, какъ отъ этихъ ничтожныхъ заплатъ не осталось и слѣда.

«Произошло что-то ужасное: льдины, безпорядочно взлетая на воздухъ, громоздились другъ на друга; гладкая ледяная равнина превратилась въ цѣпь грозныхъ, высокихъ горъ; воздухъ оглашался невообразимымъ ревомъ и трескомъ.

«Вновь образовавшіяся ледяныя горы двигались въ разныхъ направленіяхъ, натыкаясь другъ на друга, и съ силой подталкивали и подбрасывали злополучное судно. Экипажъ, видя неминуемую гибель, рѣшилъ оставить корабль и, захвативъ все самое необходимое, бросился спасаться. Тяжело переживать подобныя минуты: приходится наскоро переодѣваться въ свое лучшее платье, рискуя быть задавленными въ этой ничтожной скорлупкѣ, которую поминутно подкидываетъ грозная сила; бросаешь послѣдній прощальный взглядъ на все то, что оставляешь въ каютахъ, съ чѣмъ никогда бы не разстался; а вокругъ слышенъ свирѣпый гулъ, двери со свистомъ растворяются и затворяются, вылетаютъ стекла... Наконецъ, всѣ приготовленія окончены, шлюпки и сани съ необходимыми припасами стоятъ на льду, но куда направиться? Вокругъ «Тегетгофа» не видно

ни одной надежной льдины, на которую можно бы было высадиться. Спустить шлюпки на воду? Но сталкивающіяся льдины моментально затрутъ ихъ или опрокинутъ. Остаться на суднѣ? Но оно того и гляди потонетъ...»

Къ счастью, «Тегеттофъ» не потонулъ. Къ вечеру вѣтеръ началъ стихать и давленіе уменьшилась; льдины остановились на своихъ мѣстахъ, и понемногу все успокоилось. Послѣ подобныхъ переворотовъ природа, точно изнемогая отъ усталости, отдыхаетъ. Ледяная равнина застыла въ своемъ измѣненномъ видѣ, представляя группы скалъ, то скученныхъ вмѣстѣ, то раздѣленныхъ глубокими зіяющими безднами. Въ воцарившемся покоѣ есть что-то зловѣщее: каждую минуту смятеніе можетъ возобновиться.

Въ исторіи кораблекрушеній мы видимъ, что большинство катастрофъ вызывались подобными столкновеніями льдовъ. Въ Мельвилльской бухтѣ, въ 1819 году, разбито было льдами четырнадцать китоловныхъ судовъ. Въ 1830 году девятнадцать судовъ погибло въ четверть часа, будучи затерты льдами, взгромоздившимися другъ на друга. Матросы и офицеры числомъ около тысячи успѣли спастись, выскочивъ на берегъ.

Энергичный и впечатлительный Белло, стоя не разъ лицомъ къ лицу съ этими зловредными, слѣпыми силами, восклицаетъ въ своемъ путевомъ журналѣ:—«Я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить мое негодованіе противъ этихъ льдовъ, грандіозной картиной которыхъ я восхищался первое время. Мыслящее существо, чувствуя свое полное безсиліе, смотритъ съ ненавистью, смѣшанной съ ужасомъ и презрѣніемъ, на это унизительное торжество грубой, матеріальной силы. Съ другими опасностями человѣкъ можетъ бороться, вдохновляемый надеждой на успѣхъ. Но что онъ тутъ можетъ сдѣлать?.. О, какъ я понимаю теперь вызовъ Аякса, сдѣланный въ изступленіи человѣческой гордости!»

---

*

ГЛАВА XV.

Полярныя зимовки.

Скука во время сѣверныхъ зимовокъ. — Тьма.—Измѣненный видъ судовъ.—Занятія экипажа.—Школа.—Развлеченія. — Изданія журнала и драматическія представленія. — Путешествія на саняхъ. — Глубокіе снѣга. — Подъемъ и спускъ съ ледяныхъ холмовъ.—Холодъ и мокрота.—Прожорливость собакъ.—Привалъ въ палаткахъ и юртахъ.—Цынга.

Зимовка во льдахъ и безъ ледяныхъ переворотовъ, только что описанныхъ нами, крайне тяжела. Путешественникамъ приходится бороться съ холодомъ, тьмою и удручающей скукой.

Непрерывная тьма въ теченіе трехъ мѣсяцевъ сначала поражаетъ, потомъ озлобляетъ и, наконецъ, положительно подавляетъ собою всѣхъ, даже самыхъ терпѣливыхъ изъ экипажа. Весь міръ, въ которомъ вы должны вращаться заключается во внутренности судна, весь горизонтъ — въ свѣтломъ кругѣ его лампы; за этимъ, куда бы ни обратился вашъ взоръ, всюду черная бездна, бездонная, пустая, безъ признака жизни и движенія, оживляемая только время отъ времени сіяніемъ звѣздъ да свирѣпыми вьюгами. Ничто не указываетъ на смѣну дней и часовъ. Только колоколъ судна даетъ слѣдить за ходомъ времени. «Безъ колокола»,—говоритъ одинъ изъ мореплавателей, — мы склонны были бы спать безъ просыпу до того времени, пока снова не появится свѣтъ; своими ударами онъ обозначаетъ часы и получасы, рѣшительно объявляя каждому о его обязанностяхъ. Одинъ ударъ призываетъ къ завтраку, два—къ чаю, четыре—къ обѣду, шесть—къ постели, при семи ударахъ надо снова вставать при блѣдномъ свѣтѣ лампы; снова приниматься за однообразныя, несложныя занятія, снова предаться вынужденной лѣни и скукѣ. Часы, проведенные въ темнотѣ, кажутся вдвое длиннѣе: характеръ вашъ утрачиваетъ свою живость, походка дѣлается медлительною, лицо вытяги-

вается и разучивается улыбаться; подъ конецъ въ каютахъ перестаютъ слышаться не только шутки, но даже разговоры.

Оставшись на зимовку, экипажъ прежде всего заботится о суднѣ, какъ о своемъ зимнемъ помѣщеніи, принимая всѣ мѣры для защиты его отъ холода. Его освобождаютъ отъ такелажа; шлюпки, паруса, канаты, ящики и бочки переносятся на ледъ; мачту обрубаютъ чуть-ли не наполовину и на палубѣ, покрывъ ее слоемъ убитаго снѣга, воздвигаютъ досчатый баракъ или палатку изъ парусовъ. Съ внѣшней стороны судно обносится широкимъ снѣжнымъ валомъ. Упакованное такимъ образомъ, оно утрачиваетъ свой первоначальный видъ и походитъ на огромный гробъ, брошенный среди льдовъ.

Во внутреннемъ помѣщеніи тщательно законопачиваются всѣ скважины; стѣны и полъ каютъ покрываются двойнымъ слоемъ войлока. И все-таки, несмотря на то, что печки, не переставая, топятся день и ночь, трудно спастись отъ мороза. Пары, выходящіе изъ кухни и прачешной, соприкасаясь съ охлажденными предметами, обращаются въ льдинки и потому всѣ гвоздики и металлическія пластинки въ каютахъ часто сверкаютъ, точно усыпанные брилліантами. Пары, выдыхаемые во время сна, достигнувъ до потолка, падаютъ оттуда на спящихъ въ видѣ снѣжинокъ. При выходѣ изъ хорошо натопленной каюты матросъ уноситъ съ собой часть теплоты и однимъ этимъ ощутительно для другихъ понижаетъ температуру; входящіе же съ воздуха вносятъ съ собой струю холода и кажутся сидящимъ въ каютѣ окутанными бѣлымъ паромъ; предметы въ ихъ рукахъ точно дымятся; капля воды, упавшая на ихъ платье замерзаетъ.

Во время такихъ морозовъ, достигающихъ иногда до 50 и 55°, очень трудно готовить обѣдъ. Всякая провизія замерзаетъ. Мясо пристаетъ къ тому ящику, въ которомъ сохраняется, и, чтобъ отодрать его, приходится весь ящикъ опускать въ кипятокъ. Сыръ и масло превращаются въ камни, не поддающіеся никакому ножу. Хлѣбъ дѣлается настолько твердымъ, что царапаетъ вамъ небо. Можжевеловая водка и ромъ становятся тягучими, какъ масло и теряютъ свой вкусъ. Наслажденіе,

доставляемое хорошей сигарой, вознаграждающее часто за дурной обѣдъ и сокращающее часы скуки, не всегда возможно: сигара гаснетъ, соприкасаясь съ ледяными иголками, повисшими на усахъ, а трубки, даже самыя короткія, замерзаютъ между губъ.

Во время зимовки занятія моряка несложны. На его обязанности лежитъ наблюдать за окружающимъ ледянымъ пространствомъ и отмѣчать приближеніе медвѣдей или лисицъ.

Время отъ времени матросы строятъ на льду юрты для склада провизіи или для офицеровъ, занимающихся въ нихъ метеорологическими и астрономическими наблюденіями. Кромѣ того, съ помощью заступа и лопаты они прочищаютъ дороги, отмѣчая путь вѣхами, связанными другъ съ другомъ веревками. Безъ этихъ вѣхъ легко заблудиться не только во время потемокъ, но и въ свѣтлые дни, когда свирѣпствуетъ буря. Говорятъ, что докторъ Бергенъ, возвращаясь однажды изъ своей обсерваторіи на судно «Германію», былъ отброшенъ порывомъ вѣтра на десять метровъ въ сторону отъ прочищенной дорожки. Онъ долго бродилъ, пока не нашелъ веревки, служившей путеводной нитью къ судну.

Подобные случаи не рѣдкость; потому, когда въ дурную погоду выходитъ кто-нибудь съ судна, двое или трое товарищей всегда сторожатъ его на лѣсенкѣ, спускающейся съ палубы на ледъ, чтобы во время поспѣть ему на помощь.

Часто за отсутствіемъ работы экипажъ, въ видѣ развлеченія, занимается сооруженіемъ ледяныхъ памятниковъ, башенъ, пирамидъ, обелисковъ, гигантскихъ лицъ и т. д.

Практикуются также катанье на конькахъ, стрѣльба въ цѣль и разныя зимнія игры.

Но однихъ тѣлесныхъ упражненій мало, необходимо занять чѣмъ-нибудь и умъ. Въ виду этого начальники экспедицій устраивали обыкновенно учебные классы, въ которыхъ офицеры занимались съ командой.

Матросы обучались чтенію, письму, элементарнымъ правиламъ грамматики, ариѳметики, практической астрономіи и мореплаванія. Нерѣдко во время урока ученикамъ приходилось сдерживать дыханіе, чтобы учитель могъ видѣть лежащую пе-

редъ нимъ тетрадь, которую въ противномъ случаѣ заволакивалъ-бы густой паръ.

Многіе придумывали въ видѣ развлеченія издавать журналъ и устраивать спектакли. Капитанъ Парри, будучи командиромъ «Геклы», во время зимовки на островѣ Мельвиллѣ, прибѣгалъ къ тому и другому. Лейтенантъ Бичей былъ наименованъ директоромъ театра, а капитанъ Сабонъ—главнымъ редакторомъ журнала «Зимняя Хроника» или «Газета Сѣверной Георгіи».

Журналъ этотъ, аккуратно выходившій по понедѣльникамъ въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ 1820 года, очень оживлялъ общество, заключая въ себѣ юмористическія замѣтки на окружающія невзгоды.

Спектакли, дававшіеся черезъ каждыя двѣ недѣли, тоже развлекали экипажъ.

— Репертуаръ нашъ,— говоритъ Лануа, одинъ изъ спутниковъ Парри,—состоявшій только изъ двухъ книгъ, случайно захваченныхъ съ собой, не отличался разнообразіемъ. Видя это, Парри сочинилъ къ Рождеству новую пьесу, въ которой дѣйствующими лицами вывелъ весь экипажъ, его успѣхи въ недавнемъ прошломъ и надежды на блистательное будущее. Пьеса эта, названная «Сѣверо-западнымъ переходомъ» или «Концомъ Путешествія» произвела фуроръ. Публика, видя самое себя на сценѣ, была такъ оживлена, что не замѣчала даже холода, который въ самомъ театрѣ доходилъ до—20°.

Зная, что полюсъ окруженъ постояннымъ ледянымъ барьеромъ, недоступнымъ ни для какого судна, мореплаватели рѣшили дойти до него пѣшкомъ. Въ 1827 году такое путешествіе предпринято было Эдуардомъ Парри и Джемсомъ Россомъ. Оставивъ «Геклу» въ одной изъ сѣверныхъ бухтъ Шпицбергена, Парри снарядилъ двѣ шлюпки съ плоскимъ дномъ, въ двадцать футовъ длины и семь—ширины; между двумя обшивками—сосновой и дубовой положенъ былъ блиндажъ изъ войлока и двухъ слоевъ холста, покрытаго дегтемъ; внизу, параллельно съ килемъ, расположены были два длинныхъ конька, покрытыхъ металлической пластинкой, къ внутренней сторонѣ которыхъ можно было привязывать ремни и доски. Такимъ образомъ, на

льду шлюпки эти превращались въ сани; бамбуковая мачта, парусъ и маленькія весла складывались на дно и лежали тамъ до того времени, пока сани не превращались снова въ шлюпку. На каждую шлюпку полагалось по двадцати человѣкъ, которые на льду впрягались въ сани.

Подвигаясь то по льду, то по водѣ, Парри со своими спутниками сдѣлалъ 292 мили и достигъ 82°45′ широты, считавшейся въ то время высшей точкой, дальше которой никто еще не достигалъ. Къ несчастію, наступившее лѣто положило конецъ ихъ отважному путешествію; льдины, по которымъ они шли, отрываясь отъ полярной массы, направлялись къ югу и уносили ихъ отъ намѣченной цѣли. Поневолѣ имъ пришлось вернуться обратно на судно, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія.

Подобнаго рода экспедиціи крайне рискованны. Отважные путешественники углубляются въ необъятную снѣжную пустыню и бродятъ по ней въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, отдѣлившись отъ судна, единственнаго своего прибѣжища, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Кругомъ все мертво, безучастно. Ледяное море и замерзшіе берега ничѣмъ не могутъ снабдить путниковъ въ случаѣ нужды; имъ необходимо запастись и ѣдой, и платьемъ, и топорами, и складными палатками. Если сани, нагруженныя всѣмъ этимъ, провалятся въ пропасть или утонутъ,—они обречены на смерть. Въ виду тяжести груза нѣкоторые припасы складываются подъ груды придорожныхъ камней или въ углубленія утесовъ и тщательно закрываются, чтобы на обратномъ пути найти ихъ на томъ-же мѣстѣ нетронутыми.

Предпринимать такія путешествія зимой невозможно; темнота мѣшаетъ двигаться и различать путь. Лѣтомъ-же снѣгъ таетъ и превращается подъ ногами въ липкую грязь, а льдины, отрываясь отъ береговъ, уносятъ весь караванъ къ югу.

Самыми удобными сезонами для полярныхъ экспедицій являются осень и весна, въ особенности первая; весною путешественникъ рискуетъ быть застигнутымъ морозами, которые въ это время года достигаютъ на сѣверѣ наибольшей силы.

Если бъ путь на сѣверѣ былъ удобнымъ, сани могли-бы безпрепятственно катиться по гладкому льду или упругому

снѣгу,—самое большое препятствіе было-бы тогда устранено и полярныя путешествія не казались-бы такими трудными. Но этого почти никогда не бываетъ. Снѣгъ, замерзшій только въ верхнемъ слоѣ, проваливается подъ ногами, путешественники

Путь по ледянымъ скаламъ.

погружаются въ него нерѣдко до самыхъ плечъ и еще должны тащить за собой сани, что дѣйствуетъ крайне изнурительно.

Ледяныя-же поля только мѣстами представляютъ гладкую поверхность, удобную для ѣзды, на остальномъ своемъ протяженіи они изрыты глубокими трещинами и покрыты ледяными утесами, взгроможденными другъ на друга. Чтобы пройти по

этому лабиринту, приходится дѣлать тысячи изворотовъ. Нерѣдко случается, что, не видя нигдѣ прохода, путешественники принуждены карабкаться на утесъ съ почти отвѣснымъ скатомъ. Достигнувъ какъ-нибудь верхней площадки, они втаскиваютъ туда съ помощью канатовъ сани съ припасами, которыя затѣмъ осторожно спускаютъ со слѣдующаго крутого утеса. Если канатъ недостаточно длиненъ, приходится пустить ихъ катиться на произволъ судьбы, рискуя найти ихъ внизу разбитыми. Не успѣютъ путешественники преодолѣть одно препятствіе, какъ представляется другое, третье; это—не дорога, а цѣлый рядъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ.—Кажется, легче было-бы,—говоритъ одинъ американецъ,—лазать, не переставая, по крышамъ Нью-Іоркскихъ домовъ!—Иногда расположеніе льдовъ таково, что надо прорубать себѣ проходъ съ помощью кирки и заступа. При этихъ условіяхъ далеко не подвинешься; къ тому-же, не будучи въ силахъ тащить всѣхъ саней, матросы довозятъ до извѣстнаго пункта однѣ и возвращаются за другими, что, конечно, утраиваетъ длину пути. И вотъ, послѣ цѣлаго дня изнурительной ходьбы путешественникъ замѣчаетъ, что онъ подвинулся только на сто метровъ.

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединяется еще болѣзнь глазъ, пораженныхъ ослѣпительной бѣлизной снѣговъ. Зрѣніе до такой степени ослабѣваетъ, что путешественники перестаютъ различать предметы; стоя надъ рытвиной, они заносятъ ногу, чтобы подняться на гору, находясь около холмовъ, хотятъ спуститься въ углубленіе и, споткнувшись, падаютъ. Безъ палки, которою приходится нащупывать путь, невозможно подвигаться впередъ. Многіе, желая облегчить глазную боль, носятъ очки съ темными стеклами, или раскрашиваютъ сзади капюшоны тѣхъ изъ спутниковъ, которые идутъ впереди, чтобы глаза, глядя на ихъ пестрыя спины, нѣсколько отдыхали отъ ослѣпительнаго однообразія снѣговъ.

Холодъ во время путешествія поминутно даетъ себя чувствовать; усталые путники останавливаются на каждомъ шагу, растираютъ снѣгомъ наиболѣе пораженные морозомъ члены, прыгаютъ, бьютъ себя по рукамъ и ногамъ, стараясь привести

въ движеніе останавливающуюся кровь. Нѣкоторые, изнемогая отъ усталости и холода, соглашаются лучше умереть, чѣмъ продолжать путь; приходится поднимать ихъ, оттирать и силой заставлять идти.

Сырость, ощущаемая въ осеннемъ воздухѣ, тоже влечетъ за собой непріятныя послѣдствія. Шерстяное платье насквозь промокаетъ, становится жесткимъ, съуживается и стѣсняетъ движенія. Отсырѣвшій багажъ становится вдвое тяжелѣе.

По вычисленіямъ одного мореплавателя складная палатка, вѣсившая до путешествія тридцать одинъ фунтъ, стала вѣсить во время пути пятьдесятъ пять, парусъ вмѣсто девяти—семнадцать фунтовъ, общее покрывало—вмѣсто двадцати одного—сорокъ восемь фунтовъ, а войлочный матрацъ—вмѣсто девятнадцати—сорокъ фунтовъ. Слѣдовательно, въ общемъ тяжесть саней увеличилась вдвое.

Въ большинствѣ случаевъ, во избѣжаніе усталости экипажа, въ сани запрягаются не люди, а собаки. Пайеръ не можетъ нахвалиться на усердіе и выносливость этихъ животныхъ, которые, по его словамъ,—ничего не боятся, не слабѣютъ отъ работы, терпѣливо выносятъ голодъ, не нуждаются ни въ палаткахъ, ни въ согрѣвающей водкѣ, ни въ папиросахъ, ни въ одной изъ тѣхъ мелочей, безъ которыхъ не обходится человѣкъ; даже мясо ихъ въ случаѣ необходимости можетъ быть употребляемо въ пищу. Дѣйствительно, при хорошей дорогѣ собаки неоцѣнимы, при дурной же, среди ледяныхъ холмовъ, онѣ составляютъ только лишнюю обузу.

Долго переносимый голодъ дѣлаетъ ихъ непослушными, прожорливыми, даже свирѣпыми. Случалось, что онѣ набрасывались на сани съ провіантомъ, зарытыми въ снѣгъ, разгрызали ремни и веревки, съѣдали все, что тамъ находили, не исключая мѣховыхъ одеждъ, сапогъ и мыла, а на желѣзныхъ ящикахъ съ провизіей оставляли слѣды зубовъ. Докторъ Гессъ разсказываетъ, что на его глазахъ чуть не былъ растерзанъ собаками одинъ матросъ, случайно упавшій во время раздачи псамъ корма; если бъ не подоспѣвшіе товарищи, отъ него въ нѣсколько минутъ не осталось бы слѣда.

Путешественники послѣ долгихъ часовъ ходьбы отдыхаютъ, закусываютъ и спятъ въ палаткахъ, раскидываемыхъ на гладкомъ мѣстѣ, которыя прикрѣпляются кольями, воткнутыми въ ледъ, и окружаются толстымъ слоемъ снѣга, фута въ три вышиною. Здѣсь путники снимаютъ замерзшее платье, что сдѣлать не легко, такъ какъ сапоги, панталоны, бурка съ капюшономъ, все это смерзлось вмѣстѣ, составляя одинъ ледяной комъ; затѣмъ, они облекаются въ шерстяной зипунъ, тоже затвердѣвшій отъ мороза, послѣ чего каждый залѣзаетъ въ свой мѣховой мѣшокъ, замѣняющій и простыни, и одѣяло; поверхъ всѣхъ мѣшковъ, расположенныхъ рядомъ, кладется еще покрывало, которое сначала топорщится отъ мороза и не сгибается, но въ теченіе ночи понемногу оттаиваетъ и плотно прилегаетъ къ спящимъ. Вмѣсто печки въ палаткѣ горитъ спиртовая лампа; надъ ней заваривaютъ чай, растопляя снѣгъ въ желѣзныхъ чайникахъ.

Другіе путешественники не раскидываютъ палатокъ, предпочитая сбить юрты или вырыть пещеры въ густомъ слоѣ снѣга, напавшаго въ яму или между утесами. Гессъ, которому пришлось ночевать въ такой пещерѣ, говоритъ: «Я намѣтилъ для своего помѣщенія четыреугольный сугробъ, каждая сторона котораго имѣла въ вышину пять футовъ. Мы вырыли въ немъ отверстіе въ шесть футовъ длины, четыре съ половиной—ширины и четыре—глубины; стѣны нашего жилища имѣли два фута въ діаметрѣ. Наружное отверстіе заставлено было санями, затянуто холстомъ и завалено снѣгомъ. Покончивъ съ этимъ, мы прорыли въ одной изъ наружныхъ стѣнъ узкую скважину, въ которую сначала просунули разные припасы, защищая ихъ отъ собакъ, бизоновыя шкуры, служившія намъ постелями, и нѣсколько комковъ плотно убитаго снѣга, послѣ чего пролѣзли сами, заложивъ скважину снѣжными комками.

И въ этомъ, герметически закупоренномъ, помѣщеніи, нагрѣваемомъ лампой, температура равнялась 30° ниже нуля. На дворѣ стояла стужа въ 58°.

Трудности полярныхъ экспедицій еще увеличиваются благодаря заболѣванію экипажа цингой, вызываемой усталостью, холодомъ и плохой пищей. Несчастные принуждены бываютъ

тащиться впередъ, вслѣдъ за отрядомъ, который не имѣетъ права дѣлать лишнихъ остановокъ, такъ какъ дни пути его

Путь по льдамъ.

высчитаны и сообразно съ ними выдано опредѣленное количество порцій пищи. Больные, опираясь на палку, спотыкаясь,

проваливаясь въ снѣгъ, плетутся до тѣхъ поръ, пока не упадутъ отъ истощенія силъ. Тогда ихъ поднимаютъ и сваливаютъ на сани вмѣстѣ съ багажомъ, увеличивая и безъ того непосильную для остальныхъ тяжесть. Если больной дорогой умираетъ, его зарываютъ въ глубокую яму, заваливаютъ снѣгомъ и продолжаютъ путь.

ГЛАВА XVI.

Приключенія лейтенанта Маркгама.—1,100 миль на льдинѣ.

Отчетъ лейтенанта Маркгама. — Приключеніе потерпѣвшихъ крушеніе на „Ганзѣ“.—Плаваніе на льдинѣ на протяженіи 1,100 миль.

Самую наглядную картину такихъ путешествій представляетъ оффиціальный отчетъ лейтенанта Маркгамма, оставившаго судно «Алертъ» зимовать въ одномъ изъ портовъ и отправившагося пѣшкомъ къ полюсу вмѣстѣ съ лейтенантомъ Парри и пятнадцатью матросами, помогавшими тащить четверо саней; перейдя за 83-ю параллель, они ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ подошли къ полюсу.

Вотъ резюме этого отчета:

3-го апрѣля 1876 года. Выѣхали въ одиннадцать часовъ утра. Дорога плоха, снѣгъ глубокъ, тяжело тащить сани. Въ пять часовъ тридцать минутъ остановка; раскидываемъ палатки. Пройдено одиннадцать километровъ по прямой линіи.

4-го. Вышли въ 7 ч. 30 м. утра. Матросы не въ силахъ тащить разомъ всѣхъ саней, приходится, дотащивъ однѣ, возвращаться за другими. Подвигаться впередъ очень трудно. Въ $4^{3}/_{4}$ ч. дѣлаемъ привалъ. Всѣ вещи замерзли; мѣшки для спанья точно желѣзные. Пройдено 18 километровъ, но подвинулись мы только на 11.

5-го. Внутри палатки—37°. Мы не чувствуемъ ногъ, онѣ закоченѣли. Во время пути матросы жалуются на боль во всѣхъ членахъ, причиненную ночнымъ холодомъ; они не могутъ тащить сразу всѣхъ саней. Прошли 22 километра подвинулись только на семь.

6-го. Опять бѣлая ночь. Въ палаткѣ 37° ниже нуля. Весь багажъ замерзъ. Трудно снимать платье: оно превратилось въ ледяной комъ.

7-го. Холодный день. Трохъ матросовъ хватило морозомъ. Ледяныя поля изрыты ямами, покрыты холмами и утесами, черезъ которыя приходится перетаскивать сани. Термометръ показываетъ 41°. Прошли 25 километровъ, подвинулись на 7.

8-го. Нашъ путь прерывается толстыми ледяными барьерами, черезъ которые мы пробиваемъ проходъ заступами и кирками.

9-го. Блескъ льдовъ и снѣговъ причиняетъ глазную боль; надѣваемъ очки.

10 го. Впереди мало утѣшительнаго: тамъ рисуется море, изрытое неправильными ледяными равнинами и скалами; чтобъ пройти черезъ этотъ хаосъ, придется по нѣсколько разъ ворочаться за санями, т. е., проходя пять километровъ, подвигаться на одинъ.

11-го. Идетъ снѣгъ. Мы попали въ лабиринтъ ледяныхъ холмовъ, откуда не видимъ выхода; это — нескончаемые ряды возвышенностей всѣхъ формъ и величинъ, начиная отъ великановъ въ 6 и 7 метровъ и кончая круглыми ледяными лепешками; въ промежуткахъ снѣжные сугробы такъ глубоки, что мы уходимъ въ нихъ по поясъ. Матросы очень устали. Прошли 19 километровъ, подвинулись только на 3.

12-го. Кожа на лицѣ трескается вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія мороза и солнечныхъ лучей. Какое мученье поднимать тяжелыя сани на ледяныя глыбы! Какъ тихо мы двигаемся! Пройдя 16 или 17 километровъ, подвинулись только на 2.

13-го. Цѣпь ледяныхъ холмовъ, взгроможденныхъ другъ на друга, достигающихъ 20 футовъ высоты, загораживаютъ намъ путь. Наши саперы устроили траншею и мы прошли.

14-го. Съ сѣвера дуетъ острый вѣтеръ. Ужасно щиплетъ лицо. Мы энергично растираемъ носъ и щеки.

15-го. Отвратительная погода. Идетъ снѣгъ, дуетъ вѣтеръ, морозъ сильнѣе, чѣмъ зимою. Наши спальные мѣшки, покрывала, войлоки,— все замерзло. Въ палаткѣ 30° мороза.

16-го. Страданія наши продолжаются. Невозможно идти: дуетъ рѣзкій холодный вѣтеръ и снѣжные хлопья застилаютъ путь; приходится оставаться въ палаткѣ. Сегодня пасхальная суббота; никогда не встрѣчали мы праздника при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ! Мы принуждены мерзнуть 48 часовъ, завернутые въ нашихъ мѣшкахъ, при 37° температуры, и слушать завываніе вьюги, не будучи въ состояніи уснуть. Въ двѣнадцать часовъ ночи, когда наши домашніе разговляются, мы раскупориваемъ бутылки вина, провозглашаемъ тостъ за здоровье королевы, сопровождая его дружнымъ тройнымъ ура, и затѣмъ, стараясь развеселиться, пьемъ другъ за друга. Въ 5 часовъ пополудни мы снова пускаемся въ дорогу. Одинъ изъ нашихъ матросовъ, Чарлей, не въ силахъ идти дальше; его кладутъ въ сани завернутаго въ мѣшокъ и покрывало. Однимъ работникомъ меньше, а тяжелымъ грузомъ больше.

17-го. Захворалъ еще одинъ матросъ, Портеръ; несмотря на страданія, онъ еще плетется за нами.

18-го. Вчера вечеромъ наши мѣшки до того задервенѣли отъ мороза, что намъ стоило большихъ усилій пролѣзть въ нихъ. Послѣ полудня мы оставили за собой гладкія ледяныя поля, окруженныя холмами, и опять вступили на поля древней формаціи, изрытыя возвышенностями и покрытыя густыми залежами снѣга. Идти невыносимо трудно, сани опрокидываются. Прошли 18 километровъ, подвинулись на 2.

19-го. Переходы съ одного поля на другое страшно затруднительны; нерѣдко одно поле возвышается надъ другимъ на 2 и на 3 метра. Какъ ни жаль, а приходится бросить по дорогѣ одну шлюпку. На случай ледохода есть еще одна въ запасѣ.

20-го. Сырой, густой туманъ; трудно разглядывать дорогу. Снѣгъ глубокъ.

21-го. Термометръ показываетъ только 28°, но вѣтеръ ужасенъ. Онъ рѣжетъ лицо, пронизываетъ насъ насквозь. Какой у насъ плачевный видъ! Растрескавшіяся губы, израненные носы! Мы ежеминутно проваливаемся и по плечи уходимъ въ въ снѣгъ. Прошли 17 километровъ, подвинулись на 3.

24-го. Съ того мѣста, гдѣ раскинуты палатки, рисуется впереди мрачная картина: безпорядочное скопленіе ледяныхъ глыбъ въ 8 и 9 метровъ высоты, а за ними тянутся безконечные ряды другихъ льдовъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Путь будетъ тяжелъ. Я посылаю лейтенанта Парри съ двумя помощниками впередъ, поручивъ имъ подвести мину подъ ледяныя массы. Работа удается: нашъ путь расчищенъ на протяженіи двухъ километровъ. Впередъ! Намъ первымъ удалось перейти 83 параллель!

26-го. Снѣжные сугробы достигаютъ въ глубину до 4 метровъ. Мы то поднимаемся, то опускаемся. Ледяныя поля не отличаются большой длиной, но зато льдины на нихъ необычайной толщины; на мѣстѣ соединенія одного поля съ другимъ—цѣлая площадь ледяныхъ обломковъ.

28-го. Туманный день; идетъ снѣгъ. Ледяные холмы, глубокіе снѣга, густой туманъ—все это задерживаетъ нашъ путь; на разстояніи двухъ метровъ отъ себя ничего нельзя различить; кругомъ, наверху, внизу — всюду густое, бѣлое облако. Сани, на которыхъ лежитъ безъ движенія Портеръ, сорвавшись съ каменной стѣны, полетѣли кубаремъ. Прошли 11 километровъ, подвинулись на 900 метровъ.

30-го. Снѣгъ продолжаетъ идти. Все застлано туманомъ. Идти дальше—безуміе. Приходится ждать въ палаткахъ.

2-го мая. Нашимъ тремъ больнымъ все хуже. Я боюсь, не цынга-ли у нихъ. Всѣ мы ослабѣли.

3-го. Темный, туманный день. Тянуть сани по снѣжнымъ сугробамъ просто мучительно. Однѣ изъ саней такъ увязли, что пришлось разгружать весь багажъ.

4-го. Снѣгъ падаетъ безъ перерыва. Всѣ матросы жалуются на боль въ ногахъ. При такомъ туманѣ среди лабиринта льдинъ подвигаться впередъ немыслимо. Раскидываемъ палатки.

5-го. Пасмурный день. Снѣгъ нѐ перестаетъ идти. Я беру сани и, отойдя на нѣкоторое разстояніе впередъ, раскидываю новую палатку. Сюда мы перетаскиваемъ больныхъ и всѣ наши пожитки. Идти дальше нѣтъ возможности при такомъ туманѣ и снѣгѣ.

6-го. Мы вскарабкались на одинъ изъ высокихъ утесовъ, чтобы узнать, скоро-ли мы найдемъ выходъ изъ этого ужаснаго ледяного лабиринта. Возвышаясь надъ ледянымъ полемъ на 43 фута, мы видимъ вдали безграничное море, усѣянное ледяными обломками. Въ воздухѣ—24°. Прошли 11 километровъ, подвинулись же только на 2.

...9-го. У нѣсколькихъ матросовъ цынга. Въ болѣзни ихъ только тогда можетъ быть улучшеніе, когда паціенты будутъ ѣсть говядину и свѣжіе овощи. Въ полдень я выхожу съ небольшимъ отрядомъ; общими силами мы тащимъ сани съ двумя больными и поклажей по дорогѣ, нарочно прочищенной вчера матросами. Въ концѣ проложеннаго пути мы раскидываемъ палатку, слагаемъ нашъ грузъ и возвращаемся за двумя другими больными, которыхъ тоже водворяемъ въ новой палаткѣ; наконецъ, являются послѣднія сани съ остальнымъ багажемъ и съ пятымъ больнымъ матросомъ; въ это время часы показываютъ уже 8 вечера. Отдохнувъ немного, нѣсколько матросовъ идутъ расчищать дорогу на завтра. Послѣ долгихъ размышленій я, скрѣпя сердце, рѣшаю, что дальше мы не пойдемъ. Пятеро изъ нашего отряда лежатъ безъ движенія, четверо начинаютъ прихварывать. Двигаться дальше было-бы безуміемъ. Мы истратили больше половины съѣстныхъ припасовъ; мы уже 39 дней въ дорогѣ и пищи остается только на 31 день; благоразуміе, вычисленія, полученныя приказанія отъ начальства—все говоритъ противъ дальнѣйшаго пути... Вотъ чѣмъ должны кончиться наши славныя надежды!

...12-го. Оставивъ больныхъ на попеченіи поваровъ, мы беремъ секстантъ, знамена, ленты обѣихъ компаній и направляемся къ сѣверу. Дорога тяжела; мѣстами мы исчезаемъ въ снѣгу по шею. Въ полдень мы опредѣляемъ наше географическое положеніе: 83° 20′ 26″ сѣверной широты. Водрузивъ на этомъ мѣстѣ англійское знамя, мы трижды прокричали ура, пропѣли гимнъ великому Полярному Морю, а затѣмъ и нашъ народный гимнъ, послѣ чего сложили всѣ наши инструменты и вернулись къ палаткамъ.

13-го Возвращаемся назадъ, держа путь къ югу. Мы та-

щимъ двое саней, оставивъ позади себя палатки и больныхъ. Пройдя довольно значительное разстояніе, разгружаемъ сани и возвращаемся къ палаткамъ, и снимаемъ ихъ. На каждыя изъ нашихъ саней кладемъ по два больныхъ, пятаго помѣщаемъ въ шлюпкѣ, поставленной на третьи сани. Протащивъ двое первыхъ саней, наиболѣе сильные изъ насъ возвращаются къ третьимъ, оставленнымъ позади. Таковъ будетъ порядокъ нашего шествія во все продолженіе пути.

14-го. Туманъ; трудно различать дорогу; зажигаемъ фонари. Всѣ страдаютъ отсутствіемъ аппетита; больныхъ, несмотря на страданія, причиняемыя имъ жеваніемъ пищи, заставляютъ насильно ѣсть.

16-го. Всѣхъ насъ мучитъ жажда, но мы не можемъ часто утолять ее, такъ какъ для растапливанія снѣга нужно топливо, а у насъ его мало.

17-го. Если еще кто-нибудь заболѣетъ, придется бросить шлюпку, составляющую лишній грузъ.

18-го. Дорога тяжела. На ледяныхъ поляхъ появляются трещины,—опасные признаки.

19-го. Идетъ снѣгъ. Ледяныя поля начинаютъ двигаться.

...26-го. Страшная вьюга; вѣтеръ дуетъ съ юго-востока. Больныхъ заноситъ снѣгомъ, невозможно продолжать путь, всякое промедленіе для насъ опасно!

27-го. Снѣгъ превратился въ липкую грязь; подвигаться съ санями тяжело. Изъ матросовъ только двое совершенно здоровы, остальные или больны, или сильно ослабѣли. Настало время бросить шлюпку и другія вещи не первой необходимости. Надо употребить всѣ усилія, чтобы скорѣй достигнуть судна.

28-го. Раскидывая палатки, мы замѣтили маленькую птичку — сѣверную овсянку, которая летала надъ нашими головами, весело чирикая. Появленіе ея оживило и взволновало весь нашъ отрядъ: въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ мы не видѣли ни одной птицы! Больные просили открыть имъ лицо и приподнять ихъ немного, чтобъ полюбоваться на маленькаго друга, прилетѣвшаго къ намъ издалека. Мы долго провожали его глазами.

*

31-го. Ледъ подломился подъ нашими ногами; намъ стоило страшныхъ усилій спасти сани, на которыхъ лежалъ больной. Вьюга застилаетъ намъ путь; платье наше промокло; мы совсѣмъ закоченѣли и едва удерживаемся на ногахъ. Пройдено менѣе километра.

1-го іюня. То идетъ снѣгъ, то дуетъ пронзительный вѣтеръ. Нашъ прежній путь занесенъ и мы узнаемъ его только временами по окуркамъ сигаръ и брошеннымъ жестянкамъ. Подвигаться впередъ мучительно; мы погружаемся въ снѣгъ по самыя плечи.

2-го. Списокъ больныхъ увеличивается. Бодро держатся на ногахъ только восемь человѣкъ—двое насъ, офицеровъ, и шестеро матросовъ; пятеро больныхъ лежатъ на саняхъ, а остальные четверо, спотыкаясь, едва волоча ноги, плетутся за нами. Порядокъ шествія слѣдующій: всѣ мы впрягаемся въ большія сани и тащимъ ихъ до намѣченнаго пункта, затѣмъ возвращаемся за остальными двумя. Вдобавокъ мы потеряли слѣдъ и должны расчищать дорогу лопатами.

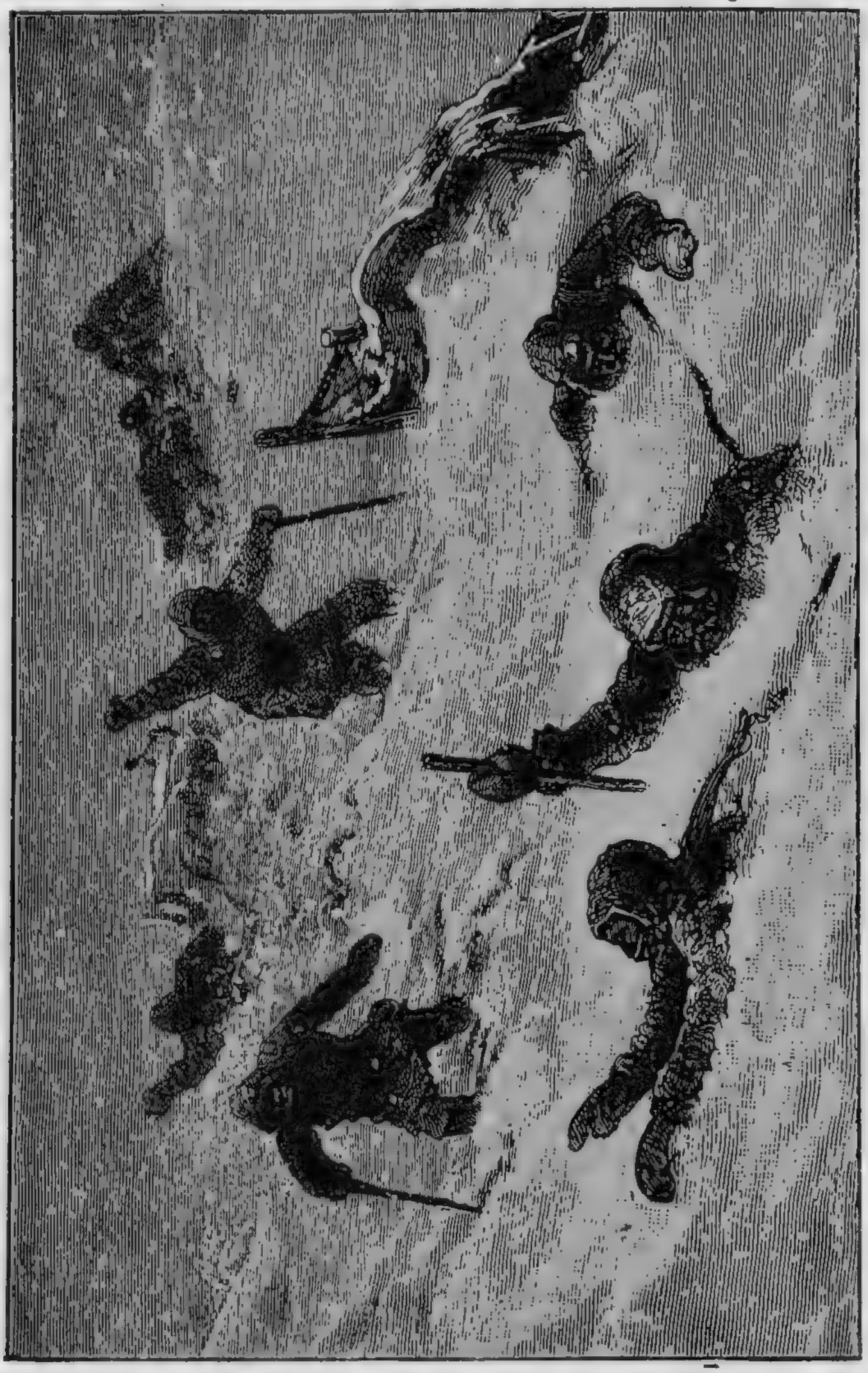
4-го. Вдвоемъ съ лейтенантомъ Парри мы достигли берега и увидѣли на снѣгу недавніе слѣды саней и человѣческихъ ногъ; найденный клочекъ бумаги удостовѣрилъ насъ въ томъ, что здѣсь незадолго до насъ былъ нашъ капитанъ, пріѣхавшій съ двумя помощниками на саняхъ, запряженныхъ собаками. Слѣды показываютъ, что онъ снова повернулъ къ судну! Мы вернулись къ своимъ.

6-го. Необходимо спасти больныхъ—обратиться скорѣе за помощью. Рѣшено послать лейтенанта Парри впередъ. Онъ долженъ будетъ одинъ по сугробамъ и ледянымъ утесамъ пройти 55 километровъ, отдѣляющихъ насъ отъ судна.

7-го. Команда моя плоха, едва передвигаетъ ноги. Портеру очень худо.

8-го. Несчастный Портеръ умеръ. Покрывъ его тѣло національнымъ знаменемъ, держа полуопущенный флагъ, мы въ 9 часовъ двинулись печальной процессіей изъ палатки; прочтены были молитвы и трупъ опущенъ въ ледяную могилу, надъ которой мы поставили грубый деревянный крестъ, сдѣланный

изъ весла и бокового края саней. На крестѣ начерчена была надпись.



Въ снѣгахъ.

9-го. Больные въ ужасномъ состояніи. Всѣ взоры съ надеждой обращены къ югу. Тамъ, въ туманѣ, обрисовывается

черная точка, быстро приближающаяся къ намъ. У насъ духъ захватываетъ отъ волненія! Это сани, запряженныя собаками, посланныя къ намъ съ «Аллерта»; мы не можемъ удержаться отъ радостнаго «ура!» Двое пріѣхавшихъ матросовъ объявляютъ намъ, что вслѣдъ за ними явится капитанъ съ офицерами, во главѣ отряда, съ провіантомъ и со всѣми припасами.

10-го. Издали мы видимъ приближающагося капитана. Я отдаю приказъ развернуть флаги. Въ 12 ч. 45 м. насъ обнимаютъ товарищи. Не теряя времени, мы трогаемся.

13-го. Ноги наши слабы, но надежда достигнуть скоро судна оживляетъ насъ.

14-го. Наконецъ-то мы на суднѣ! Мы прибыли въ пятницу, 14-го іюня, въ 1 ч. 30 м. пополуночи.

До сихъ поръ мы видѣли, что льдины, загромождающія собой арктическія моря, вредятъ человѣку, пресѣкая ему путь, захватывая и затирая его суда. Но бываютъ случаи, когда тѣ же льдины приносятъ ему пользу, спасаютъ жизнь, какъ, напримѣръ, во время крушеній. Безъ нихъ онъ былъ-бы поглощенъ бездонной водяной бездной; онѣ не только выдерживаютъ его на себѣ, но служатъ даже плотами, которые несутъ его въ другія, болѣе счастливыя страны.

Путешествія на пловучихъ льдинахъ, конечно, сопряжены съ рискомъ, сопровождаются всевозможными случайностями и угрожающими опасностями, которыя заставляютъ человѣка пережить всѣ степени отчаянія и ужаса. Но все-таки часто исходъ оказывался благополучнымъ. Такимъ путемъ были спасены потерпѣвшіе крушеніе на «Ганзѣ» въ 1870 году, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1873 году, восемнадцать человѣкъ изъ экипажа погибшаго «Поляриса»; первые достигли колоніи на южномъ берегу Гренландіи, вторые были взяты на одно изъ китоловныхъ судовъ. Эти два приключенія надѣлали много шуму и стали считаться одними изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи полярныхъ экспедицій. Мы приведемъ здѣсь разсказъ о первомъ, слышанный отъ самихъ потерпѣвшихъ.

Въ 1869 году бригъ «Ганза» въ качествѣ транспортнаго судна сопровождалъ «Германію», которая направлялась къ во-

сточному берегу Гренландіи. Экипажъ «Ганзы», состоящій изъ 14 человѣкъ, находился подъ управленіемъ капитана Хагеманна. 20 іюля на 74° сѣверной широты оба судна, благодаря туману и льдинамъ, потеряли другъ друга изъ вида. Захваченная огромнымъ ледянымъ полемъ «Ганза» понеслась къ югу.

Въ началѣ сентября, видя, что освободиться изъ ледяныхъ тисковъ нѣтъ возможности, экипажъ рѣшилъ устроить на льдинѣ зимнее помѣщеніе. На разстояніи 450 шаговъ отъ судна выбрано было гладкое мѣсто, лишенное трещинъ; на немъ построена была изъ угольныхъ пластовъ хижина; пласты на мѣстѣ соединенія скрѣплялись снѣгомъ и поливались водой; наступившій морозъ прочно слѣпилъ всѣ четыре стѣны, превративъ строеніе въ сплошную ледяную массу; крыша сдѣлана была изъ досчатой рѣшетки, затянутой парусиной и покрытой слоемъ снѣга. Хижина имѣла 20 футовъ въ длину, 14 въ ширину и 16 1/2 въ вышину.

Отъ 5-го до 14-го октября тяга льдовъ была очень сильна; подвинулись къ юго-востоку на 72 мили. 18-го октября стали слышаться глухіе внутренніе удары; судно замѣтно приподнялось и заняло положеніе на 17 футовъ выше прежняго; отъ получаемыхъ толчковъ на немъ образовались трещины, черезъ которыя просачивалась вода.

Пока одна половина экипажа безуспѣшно вычерпывала воду, постоянно прибывавшую, другая занялась разгрузкой судна. Наконецъ, видя, что для «Ганзы» нѣтъ спасенія, экипажъ снялъ съ нея мачты, паруса, канаты, три шлюпки и другія вещи. Исковерканное, наполненное водой судно погрузилось на дно въ ночь съ 21-го на 22-е октября. Что могъ предпринять несчастный экипажъ? Ему не осталось ничего другого, какъ выжидать на льду въ своей хижинѣ.

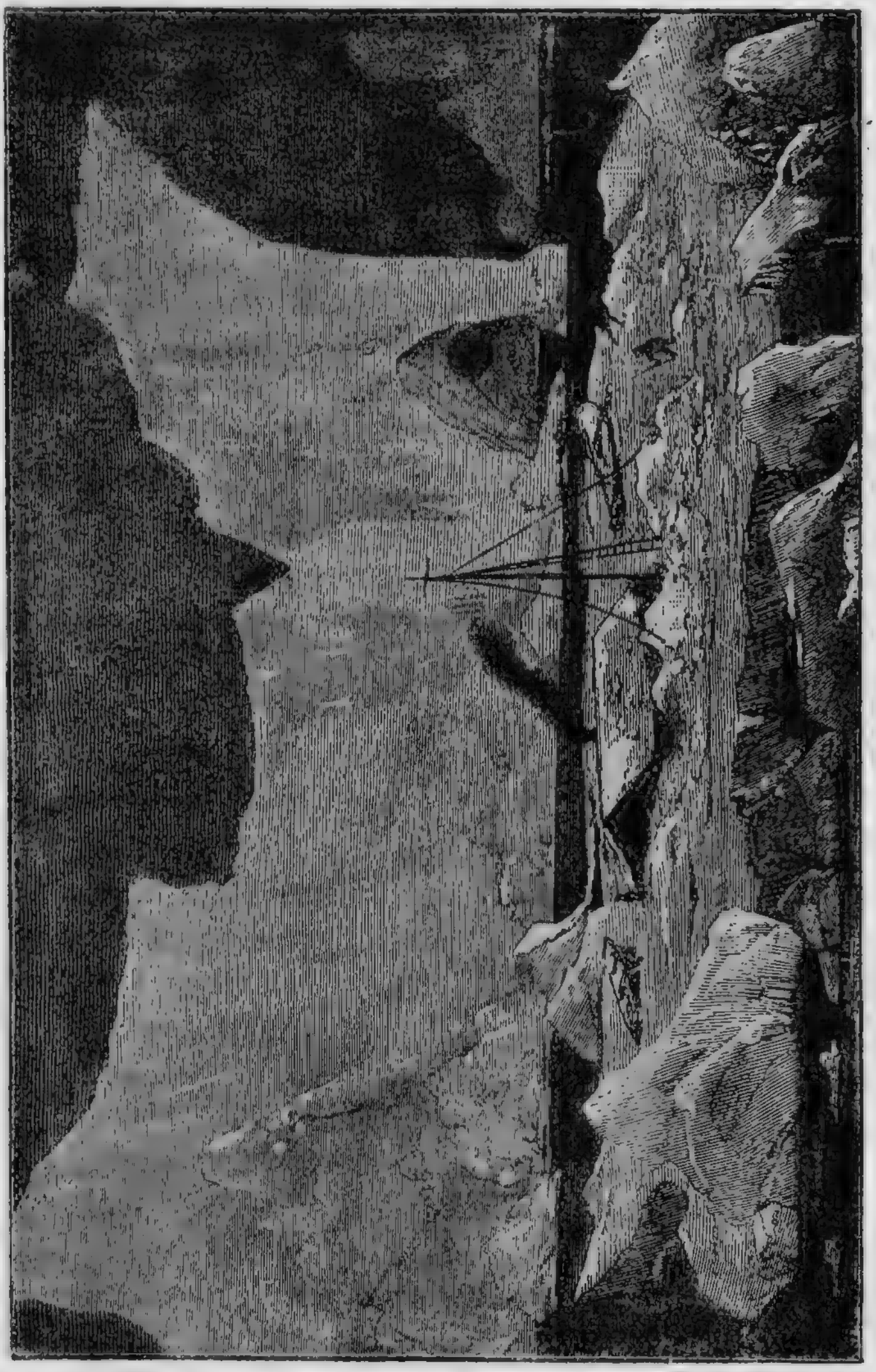
Если-бъ ихъ плотъ выдержалъ, путешественники могли-бы быть прибиты къ южному берегу Гренландіи или Исландіи. Но вѣрнѣе всего, что льдина не выдержитъ, когда наступитъ весна, и, начавъ таять, подталкиваемая со всѣхъ сторонъ другими льдинами, расползется; слѣдовательно, экипажъ ожидаетъ неминуемая гибель.

Тѣмъ не менѣе матросы пріободрились. Въ ихъ распоряженіи было 400 фунтовъ хлѣба, 24 ящика съ мясными консервами, саломъ, кофе и водкой, былъ большой запасъ дровъ и угля. Всего этого хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ. И вотъ четырнадцать потерпѣвшихъ рѣшили устроиться поудобнѣе. Парусина на крышѣ хижины была замѣнена досками, появились два окна; вдоль стѣнъ, внутри помѣщенія, потянулись лавки съ матрацами; ящики обратились въ столы и стулья. Желая защитить хижину отъ снѣга, экипажъ устроилъ со всѣхъ четырехъ сторонъ закрытые навѣсы изъ паруснны и поставилъ подъ нихъ ящики съ провіантомъ. Рядомъ устроены были сараи и прачешная; куча дровъ, нѣсколько бочекъ и три шлюпки дополняли хозяйство маленькой колоніи. Когда всѣ работы по устройству были окончены, явился вопросъ, чѣмъ убить время. Чѣмъ отвлечь мысли отъ грозящаго будущаго? Придумали играть въ карты, кататься на конькахъ и строить снѣжныя фигуры. Но въ особенности всѣ заняты были внимательнымъ изслѣдованіемъ своего ледяного плота. Капитанъ высчиталъ, что возвышаясь надъ уровнемъ моря на 5 футовъ, льдина должна имѣть подъ водою футовъ 40 толщины,—цифра успокоительная. Края ея имѣли странный видъ: они были покрыты холмиками изъ ледяныхъ осколковъ, явившихся, вѣроятно, вслѣдствіе столкновенія съ другими льдинами.

Наступило Рождество и экипажъ захотѣлъ его отпраздновать. Изъ палки и вѣтокъ, вытащенныхъ изъ метлы, была искусно сфабрикована елка; ее густо обсыпали бумажными обрѣзками, и скромная хижина озарилась яркимъ свѣтомъ. 1-е января тоже было отпраздновано; матросы палили изъ ружей и пили пуншъ; всѣ старались забыться, веселиться, надѣяться. Однажды рано утромъ послышались зловѣщіе звуки, похожіе на лязгъ сдавленныхъ вагоновъ. Всѣ спавшіе вскочили и съ фонарями въ рукахъ бросились осматривать льдину: съ виду ничего не было подозрительнаго, но нѣкоторые изъ экипажа, припавъ ухомъ ко льду, ясно различили звукъ трескающагося льда и просачивающейся сквозь трещины воды.

Терять времени было нельзя: всѣ принялись укладываться,

чтобъ быть наготовѣ перебраться на другое мѣсто. Когда хлопоты были окончены, всѣ стали подробно осматривать льдину.



Экипажъ „Ганзы“, зимующій на плавучей льдинѣ.

Въ короткое время видъ ея совершенно измѣнился: окружные холмики исчезли, свалившись въ воды, форма ея изъ круглой

превратилась въ продолговатую, діаметръ ея, имѣвшій двѣ мили, равнялся теперь одной. Послѣдующіе дни экипажъ провелъ въ смертельномъ страхѣ. 11-го января разразилась буря. На крикъ дежурившаго матроса всѣ выскочили изъ дома и, прижавшись другъ къ другу, остановились около своихъ шлюпокъ. Передъ ними была ужасная картина. Льдина со страшнымъ трескомъ распадалась на части, которыя отъ порывовъ вѣтра качались въ разныя стороны. Недалеко отъ хижины образовалась длинная трещина, вслѣдъ за которой оторвалась противоположная часть льдины и гонимая вихремъ, устремилась къ той части, гдѣ стояли несчастные путешественники. Вслѣдствіе полученнаго толчка куча дровъ свалилась въ воду; потерпѣвшіе съ минуты на минуту ждали той-же участи.

Въ такомъ мучительномъ ожиданіи прошелъ цѣлый день.

Вечеромъ вѣтеръ утихъ, море успокоилось и льдины сдѣлались неподвижными. Опасность миновала, но ледяной плотъ, на которомъ стоялъ экипажъ, значительно уменьшился, равняясь только 150 футамъ въ діаметрѣ.

14-го въ одиннадцать часовъ вечера снова послышался трескъ,—образовалась разсѣлина противъ самой хижины, обитатели которой бросились бѣжать; они провели всю ночь въ шлюпкѣ, стоявшей на половину во льду, на половину въ водѣ. Въ такомъ положеніи, промокшіе, закоченѣвшіе они провели двѣ ночи и одинъ день; наконецъ, успокоившись, принялись за постройку новой хижины, такъ какъ старая была разрушена почти до основанія. Когда зданіе было готово, порывомъ вѣтра снесло крышу и вся внутренность была занесена снѣгомъ; пришлось опять укрываться въ шлюпкѣ.

Въ концѣ января выпало такое количество снѣга, что хижина была окружена сугробами въ 25 и 30 футовъ высоты и стояла точно въ колодцѣ.

Снова произошло небольшое волненіе льдовъ, ограничившееся тѣмъ, что отъ ледяного плота оторвалась еще значительная часть. Но экипажъ утѣшался тѣмъ, что несшая ихъ льдина подвигалась быстро впередъ. Весь февраль движеніе это ничѣмъ не замедлялось; льдина благополучно миновала всѣ встрѣчавшіеся ледяные барьеры.

4-го марта путешественники подверглись страшной опасности: льдина ихъ, гонимая вѣтромъ, устремилась на айсбергъ, весь прорытый внутри, такъ что вершина его имѣла видъ горизонтальнаго навѣса. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ экипажъ находился подъ ледянымъ сводомъ, грозившимъ обрушиться на нихъ всей своей массой.

Къ счастію, льдины благополучно разошлись.

Вскорѣ послѣ этого движеніе ледяного плота впередъ внезапно остановилось: порывомъ вѣтра его занесло въ бухту, но, благодаря морскому отливу, его снова вынесло оттуда и понесло впередъ. Это повторялось нѣсколько разъ.

Май принесъ съ собой тепло и обильные дожди. Снѣгъ началъ таять и маленькая хижина, скрѣпленная имъ, стала разваливаться. Путешественники утѣшались тѣмъ, что имъ попадаются навстрѣчу берега, покрытые кое-гдѣ травкой и морской путь представляется открытымъ. 7-го числа спущены были лодки и экипажъ, сказавъ послѣднее «прости» спасительницѣ своей— льдинѣ, на которой проведено было болѣе 200 дней и пройдено 1,100 миль, поплылъ, оглашая воздухъ радостнымъ «ура». Сначала все обстояло благополучно; путешественники приблизились къ сушѣ уже на семь миль, но вдругъ путь ихъ загородился льдинами; пришлось высадиться на одну изъ нихъ и подвигаться по ней впередъ, таща за собой лодки, что было очень изнурительно. Такой маневръ былъ повторенъ нѣсколько разъ. Встрѣчаясь постоянно съ плавучими льдинами, лодки ихъ, кромѣ того, врѣзывались иногда въ сугробы снѣга, попадали между двумя льдинами или падали въ глубокія ледяныя впадины, откуда вытаскивать ихъ было положительно не подъ силу; высвободивъ лодки, приходилось доставать припасы, взваливая себѣ на спину 100 и 500 фунтовъ и карабкаясь съ этой тяжестью наверхъ. Но какъ ни мучительны были эти труды, они казались пріятнѣе часовъ, проведенныхъ безъ движенія въ лодкѣ, когда по причинѣ дурной погоды она не могла подвигаться впередъ. Подобныя замедленія были тѣмъ ужаснѣе, что припасы приходили къ концу и путешественникамъ грозила голодная смерть, если они не достигнутъ въ теченіе мѣсяца

жилой земли. Рѣшено было ѣсть только два раза въ продолженіе 24 часовъ; экипажъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этихъ минутъ, чтобъ если не утолить, то заглушить голодъ; всѣ ѣли медленно, сосредоточенно, съ ужасомъ думая о томъ времени, когда нечего будетъ ѣсть.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ ними: насталъ конецъ ихъ испытаній. 4-го іюня они вступили на Гренландскій берегъ, а 13-го достигли Фридрихсталя, селенія моравскихъ миссіонеровъ. Подкрѣпившись, они поплыли въ Юліанасгаабъ, откуда ихъ взяли на судно, отправлявшееся въ Копенгагенъ.

XVII.

Новѣйшія полярныя экспедиціи.

Измѣненіе условій полярныхъ экспедицій въ новѣйшее время.—Путешествія Нансена.—Идея воспользоваться полярнымъ теченіемъ.—Путешествіе на саняхъ, зимовка на льду.—Встрѣча съ Джексономъ.—Возвращеніе на родину.—3 зимы Джексона на островахъ Франца Іосифа.—Вельманъ.—Первая экспедиція. — Вторая экспедиція, поиски Андре.—Путешествія Пири.—Полетъ Андре на воздушномъ шарѣ.

Шагъ за шагомъ мы прослѣдили великую эпопею полярныхъ экспедицій, видѣли, какъ постепенно сильный своимъ знаніемъ человѣкъ научается побѣждать враждебную ему природу. Благодаря развитію морской техники, трудности плаванія въ Ледовитомъ океанѣ все уменьшаются. Закованный въ толстую стальную броню, движимый мощною силой пара и управляемый рукою испытаннаго въ подобныхъ плаваніяхъ командира—современный корабль, спеціально построенный для этой цѣли (какъ, напр., «Фрамъ» Нансена, ледоколъ «Ермакъ», построенный нашимъ вице-адмираломъ Макаровымъ и др.), гораздо лучше соотвѣтствуетъ своему назначенію, чѣмъ утлыя суденышки, на которыхъ раньше совершали путешественники свои дерзновенныя попытки проникнуть въ заповѣдныя страны крайняго сѣвера. Область совершенно неизвѣстныхъ, никогда не посѣщенныхъ человѣкомъ странъ, съ каждымъ годомъ становится

все меньше и меньше, и несомнѣнно недалеко уже то время, когда Ледовитый океанъ перестанетъ считаться недоступнымъ и полюсъ не будетъ казаться какою-то загадочной недосягаемой точкой земного шара. Съ каждымъ почти годомъ уменьшается разстояніе между полюсомъ и какой-нибудь точкой крайняго сѣвера, достигнутой тѣмъ или другимъ отважнымъ путешественникомъ. Было время, когда проникновеніе за полярный

Фритіофъ Нансенъ.

кругъ считалось уже подвигомъ; затѣмъ неоднократно пересѣкали 70-ю и 80-ю параллель и, наконецъ, нашлись путешественники, которымъ удалось приблизиться къ полюсу на разстояніе нѣсколькихъ сотенъ верстъ...

Изъ путешественниковъ, наиболѣе прославившихся въ новѣйшее время, первое мѣсто безусловно принадлежитъ прославленному норвежцу Нансену, который совершилъ свое безпримѣрное путешествіе, а также назовемъ Вельмана, Джексона и герцога Абруццскаго, одинъ изъ спутниковъ котораго (капитанъ Каньи) приблизился къ полюсу больше всѣхъ и не дошелъ до

него лишь 360 верстъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть про безумно-отважнаго путешественника Андре, который пытался достигнуть полюса на воздушномъ шарѣ и погибъ безъ вѣсти.

Путешествіе *Нансена* настолько прославлено и общеизвѣстно *), что мы не будемъ на этомъ долго останавливаться На основаніи тщательнаго изученія результатовъ всѣхъ полярныхъ путешествій, совершенныхъ до него, Фритіофъ Нансенъ составилъ оригинальный планъ своей экспедиціи. Онъ пришелъ къ заключенію, что въ Ледовитомъ океанѣ существуетъ мощное теченіе съ в.-ю.-в. на з.-с.-з. отъ сѣверныхъ береговъ Азіи, которое затѣмъ, обогнувъ полюсъ или пройдя по сосѣдству отъ этой точки, поворачиваетъ на ю.-з. Это теченіе постоянно полагаетъ препятствіе путешественникамъ, при ихъ движеніи на сѣверъ, относя судно обратно на ю. Нансенъ задумалъ воспользоваться этимъ самымъ теченіемъ для того, чтобы проникнуть къ полюсу.

Планъ его заключался въ слѣдующемъ: онъ задумалъ построить судно, которое могло бы выдержать сильное давленіе льда, и на немъ заѣхать какъ можно далѣе на сѣверъ отъ сибирскаго берега, туда, гдѣ, по видимому, начинается упомянутое теченіе, и пробиваться черезъ льды до тѣхъ поръ, пока корабль будетъ совершенно затертъ. Тогда отдаться на волю теченія и выжидать наибольшаго приближенія къ полюсу.

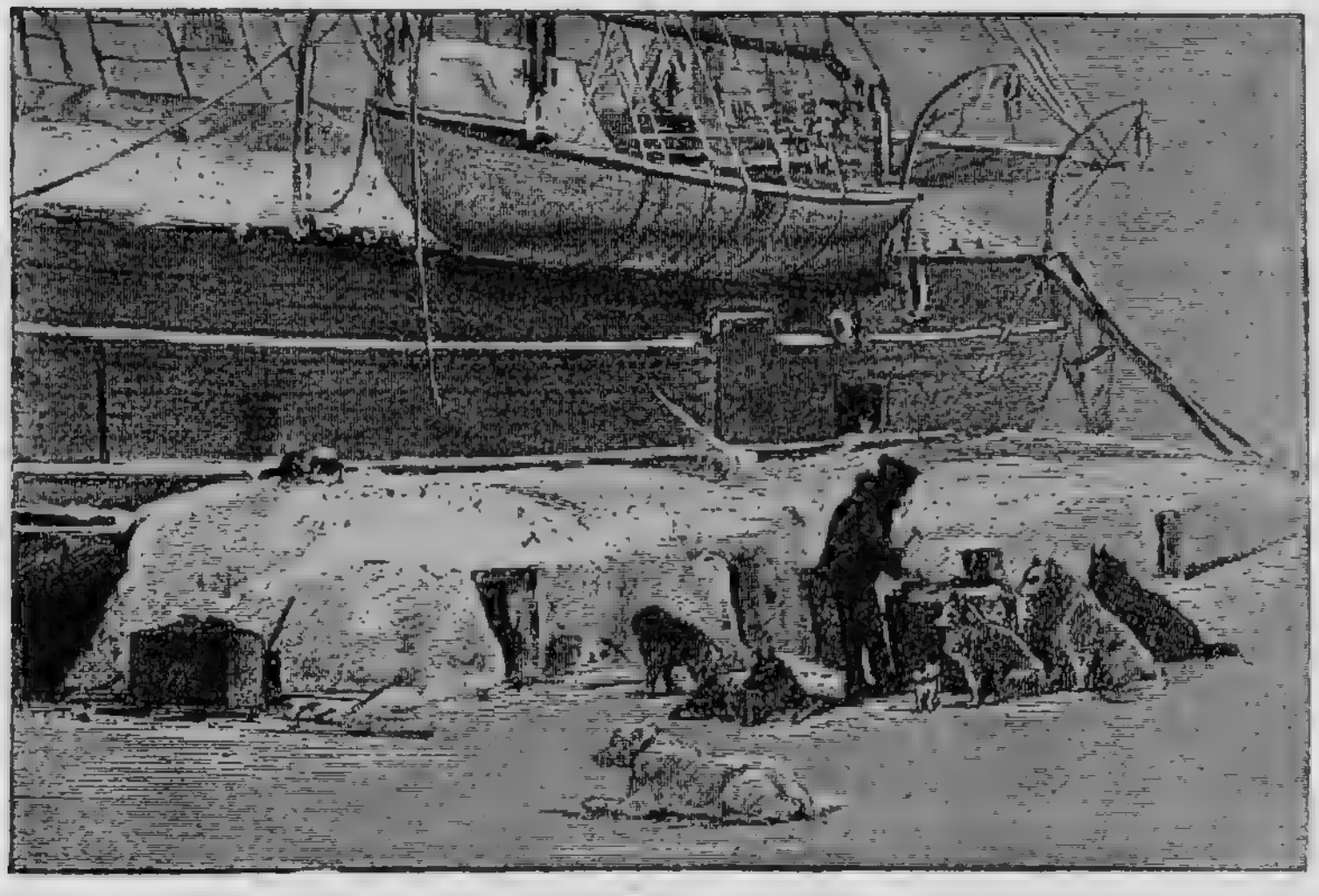
Главная особенность судна «Фрамъ», которое было построено по плану самого Нансена, заключалась въ томъ, что бока его были очень наклонны, такъ что льды, напирая, должны были только скользить по нимъ и выпирать судно наверхъ.

12-го іюня 1893 г. «Фрамъ» вышелъ изъ Христіаніи, обогнулъ Скандинавскій полуостровъ, прошелъ черезъ Югорскій шаръ и Карское море вдоль сѣвернаго берега Азіи до Новосибирскихъ острововъ, и повернулъ прямо на сѣверъ, гдѣ вскорѣ и засѣлъ во льдахъ.

Предположенія Нансена вполнѣ оправдались, такъ какъ мощное теченіе дѣйствительно понесло его въ сѣверо-западномъ

*) См., между прочимъ, изданіе П. П. Сойкина: „Во льдахъ и снѣгахъ“.

направленіи. Всю зиму 1893—94 гг., наступившее лѣто и слѣдующую затѣмъ зиму «Фрамъ» неуклонно, хотя и очень медленно подвигался въ указанномъ направленіи. На этомъ пути встрѣтилось много острововъ, которые до того времени были совершенно неизвѣстны и которые Нансенъ тщательно нанесъ на карту. Кромѣ того ежедневно производились метеорологическія наблюденія и попутно Нансенъ не упускалъ случая про-



„Фрамъ“ во льдахъ.

изводить и различныя другія наблюденія и изслѣдованія, какъ, напр., измѣреніе глубины моря, степени солености и т. п.

Результаты этихъ наблюденій весьма интересны: температура все время стояла очень низкая, но не спускалась ниже 52,6°; глубина моря вездѣ значительна и увеличивается по направленію къ сѣверу (на 79° с. ш. около 90 саж., а далѣе къ сѣверу увеличивается до 1600—1900 саж.). Морское дно обнаруживало почти полное отсутствіе органической жизни. Вліяніе Голфштрема повсюду замѣтно сказывалось даже на крайнемъ сѣверѣ, такъ какъ замѣчалось повышеніе температуры воды и встрѣчались обширныя полыньи на пути этого теченія.

Хотя предположенія Нансена относительно существованія сѣвернаго теченія и его направленія вполнѣ оправдались, но разсчеты его проникнуть при помощи его къ полюсу не осуществились: «Фрамъ» подвигался гораздо болѣе на западъ, чѣмъ на сѣверъ. Въ виду этого отважный путешественникъ рѣшился на очень рискованное предпріятіе. Въ сопровожденіи одного только спутника, лейтенанта Іогансена, онъ задумалъ покинуть судно, оставивъ его на попеченіи капитана Свердрупа.

«Фрамъ» находился подъ 83°35′24″ с. ш. и на долготѣ 102°16′12″ къ в. отъ Гр., когда Нансенъ со своимъ единственнымъ спутникомъ покинулъ судно и на саняхъ, запряженныхъ собаками, двинулся прямо на сѣверъ.

Это было 2-го марта 1895 г. Много лишеній и трудностей перенесли безумно-отважные скитальцы въ своихъ странствованіяхъ... Запасы продовольствія истощились, собаки отъ утомленія и голода начали дохнуть, остальныхъ постепенно поубивали, чтобы питаться ихъ мясомъ; приходилось подвигаться пѣшкомъ и тащить за собою нагруженныя сани или переплывать полыньи на каякахъ... Но хуже всего было то, что теченія и вѣтры постоянно относили странниковъ назадъ къ югу и подъ конецъ дѣло дошло до того, что они нисколько не подвигались впередъ и потому рѣшили повернуть обратно... Но куда идти? За время ихъ скитаній «Фрамъ» унесло уже далеко на югъ и западъ, а ближайшею землею, гдѣ можно было разсчитывать на спасеніе, были острова архипелага Франца Іосифа. Нансенъ въ это время находился на широтѣ 86°14′, т. е. на разстояніи 4° отъ упомянутаго архипелага.

Обратный путь былъ еще труднѣе, такъ какъ теперь еще чаще встрѣчались огромныя полыньи, ледъ сдѣлался непрочнымъ и постоянно угрожала опасность провалиться въ трещину.

8-го августа Нансенъ и его товарищъ достигли широты 81°7′84″, гдѣ и остановились на зимовку вслѣдствіе полной невозможности двигаться далѣе.

Изъ камней они построили себѣ землянку и провели здѣсь всю зиму питаясь медвѣдями и тюленями, которыхъ удавалось убить,

претерпѣвая невыразимыя страданія отъ холода, безпросвѣтной тьмы и часто голодая.

Наконецъ, окончилась эта ужасная зима съ ея лютыми морозами, свирѣпыми вьюгами, безконечной ночью. Надъ горизонтомъ появилось лучезарное свѣтило, и суровая полярная природа начала оживляться...

7-го апрѣля 1896 г. Нансенъ и Іогансенъ тронулись въ дальнѣйшій путь. Положеніе ихъ теперь было тѣмъ болѣе отчаянное, что они чувствовали себя совершенно потерянными

Пѣшкомъ по льду.

среди пустыннаго и безбрежнаго Ледовитаго океана, такъ какъ оба хронометра, которые были у Нансена—испортились, и онъ теперь не могъ уже опредѣлить долготу. Приходилось идти наугадъ, и несчастные скитальцы, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, все шли и шли, преодолѣвая всѣ препятствія, останавливаясь въ сутки лишь на нѣсколько часовъ, чтобы немного передохнуть и подкрѣпиться случайной добычей счастливой охоты...

Въ серединѣ іюня Нансенъ приблизился къ какой-то землѣ, которая оказалась островомъ Нортброкомъ изъ группы о-вовъ Франца Іосифа. Однажды, находясь всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега мыса Флора, Нансенъ шелъ со своимъ това-

рищемъ по льду, перебираясь черезъ трещины и пробивая путь черезъ нагроможденные вѣтрами ледяные заторы, какъ вдругъ вдали показалась фигура человѣка... Незнакомецъ приблизился и спросилъ по-англійски: «Вы — Нансенъ?» — Да, — отвѣчалъ тотъ:—но кто же вы и какъ вы сюда попали?

Оказалось, что это Джексонъ, англійскій полярный путешественникъ, который прожилъ уже двѣ зимы на островахъ Франца Іосифа и собирался провести здѣсь же еще третью.

Трудно описать радость Нансена и Іогансена, которая охватила ихъ при этой неожиданной встрѣчѣ.

Теперь можно было вдоволь отдохнуть въ домѣ Джексона, который построенъ былъ имъ на мысѣ Флора. Это незатѣйливое жилище показалось имъ волшебнымъ дворцомъ, роскошно обставленнымъ и обильно снабженнымъ всевозможными припасами.

Полтора мѣсяца Нансенъ провелъ у Джексона и 26-го іюля отплылъ на пароходѣ «Виндвардъ», который прибылъ къ мысу Флора съ запасами для третьей зимовки Джексона.

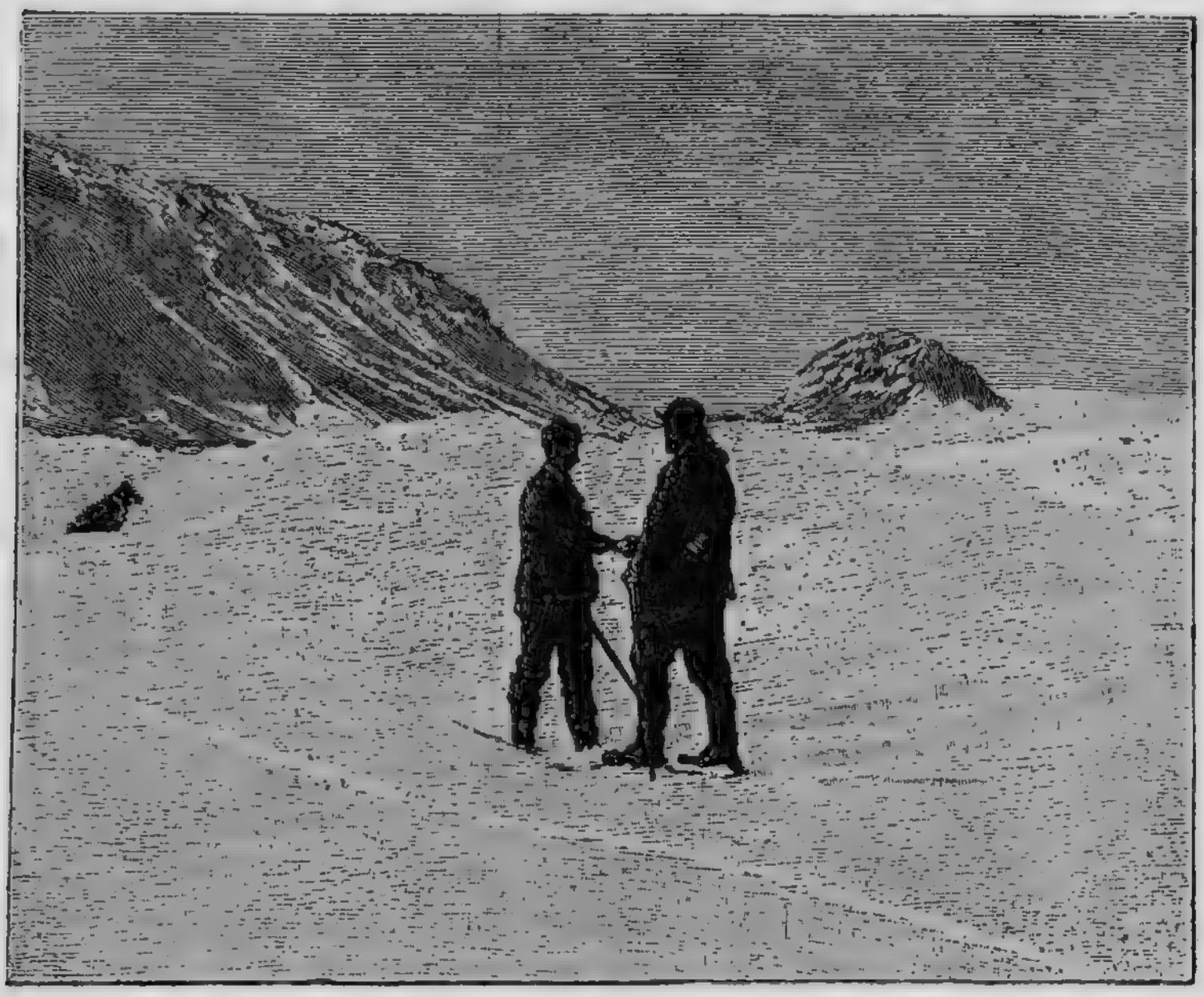
1-го августа 1896 г. Нансенъ прибылъ въ Норвежскій портъ Вардэ, откуда телеграфъ оповѣстилъ весь ученый міръ о возвращеніи знаменитаго путешественника, котораго давно уже считали погибшимъ, а черезъ 6 дней (7-го августа) въ другой сѣверный портъ Норвегіи прибылъ и его «Фрамъ», благополучно перенесшій въ отсутствіи своего начальника зимовку.

Такова была славная экспедиція Нансена, который, хотя и не достигнулъ полюса, но подошелъ къ нему ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ, а главное обогатилъ науку цѣнными научными изслѣдованіями, почему справедливо считается первымъ изъ современныхъ полярныхъ путешественниковъ.

Фредерикъ Джексонъ, про котораго только что было упомянуто, стяжалъ себѣ громкую славу экспедиціею 94—96 гг. которые онъ провелъ на архипелагѣ Франца Іосифа; этотъ архипелагъ въ послѣднее время чаще всего является ареной дѣятельности полярныхъ путешественниковъ.

Еще мальчикомъ Джексонъ очень живо интересовался полярными экспедиціями и мечталъ сдѣлаться знаменитымъ путешественникомъ. Однако испробовать свои силы въ подобныхъ

путешествіяхъ ему пришлось не скоро. Только въ 1887 г. ему удалось попасть на одно китоловное судно, на которомъ онъ плавалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1892 г. онъ напечаталъ въ англійскихъ газетахъ свой планъ полярной экспедиціи и обратился къ обществу за матеріальной поддержкой для осуществленія своего плана. Цѣль предполагавшейся имъ экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы постепенно изслѣдовать полярныя



Встрѣча Нансена съ Джексономъ.

страны, и такимъ образомъ облегчить доступъ къ полюсу. По его плану такая экспедиція должна продолжаться 3 – 4 года. При этомъ запасы, нужные для столь долгаго пребыванія въ полярныхъ пустыняхъ должно заблаговременно распредѣлить въ цѣломъ рядѣ складовъ. Джексонъ разсчитывалъ запасы, привезенные на кораблѣ экспедиціи, перевезти до перваго склада; отсюда часть ихъ переправить въ слѣдующій опорный пунктъ, отъ него такимъ же образомъ подвинуться до слѣдующаго и т. д.;

такъ что позади экспедиціоннаго отряда образуется цѣлый рядъ складовъ провіанта и подъ конецъ можно идти совсѣмъ налегкѣ.

Опубликовавши въ газетахъ свой планъ, Джексонъ въ ожиданіи, пока найдутся нужныя средства, не сидѣлъ безъ дѣла, а отправился въ сѣверный край Европейской Россіи, посѣтилъ Большеземельскую тундру, островъ Вайгачъ и побережье Ледовитаго океана. Здѣсь онъ пріобрѣлъ много опытности, закалился во всѣхъ превратностяхъ полярныхъ странствованій, научился бороться съ различными невзгодами...

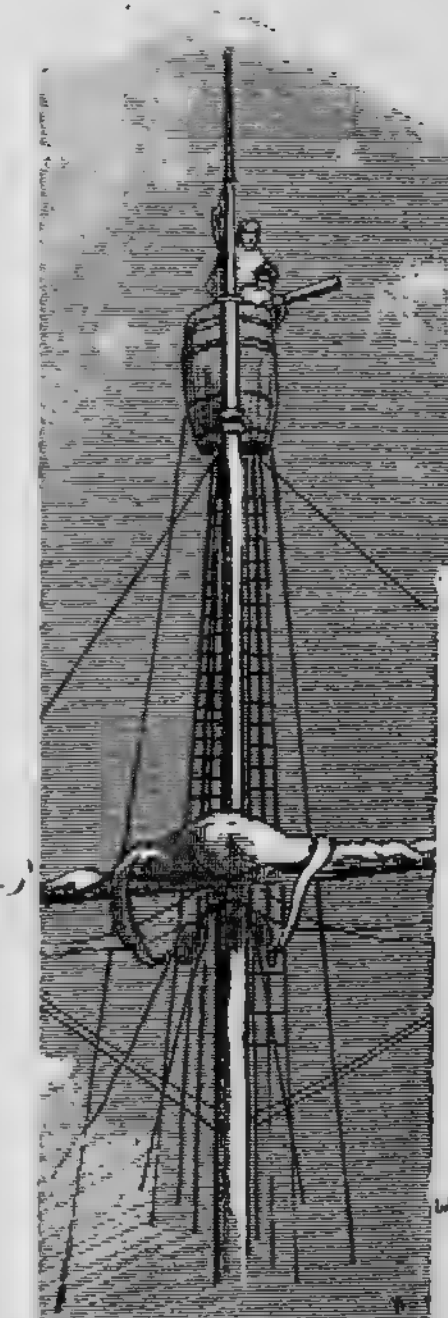
По прибытіи въ Архангельскъ, онъ былъ обрадованъ полученіемъ извѣстія, что планъ его экспедиціи получилъ возможность осуществленія, такъ какъ одинъ англійскій капиталистъ, г. Гармсвортъ, предложилъ смѣлому путешественнику немедленно приступить къ снаряженію задуманной экспедиціи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и принялъ на себя всѣ издержки.

Какъ ни хотѣлось Джексону поскорѣе попасть въ Англію и приняться за осуществленіе своей завѣтной мечты, однако, онъ подавилъ свое нетерпѣніе; вмѣсто кратчайшаго направленія черезъ Петербургъ, онъ избралъ другой путь по Бѣлому морю и черезъ Лапландскій полуостровъ, болѣе длинный и трудный, но за то болѣе для него поучительный.

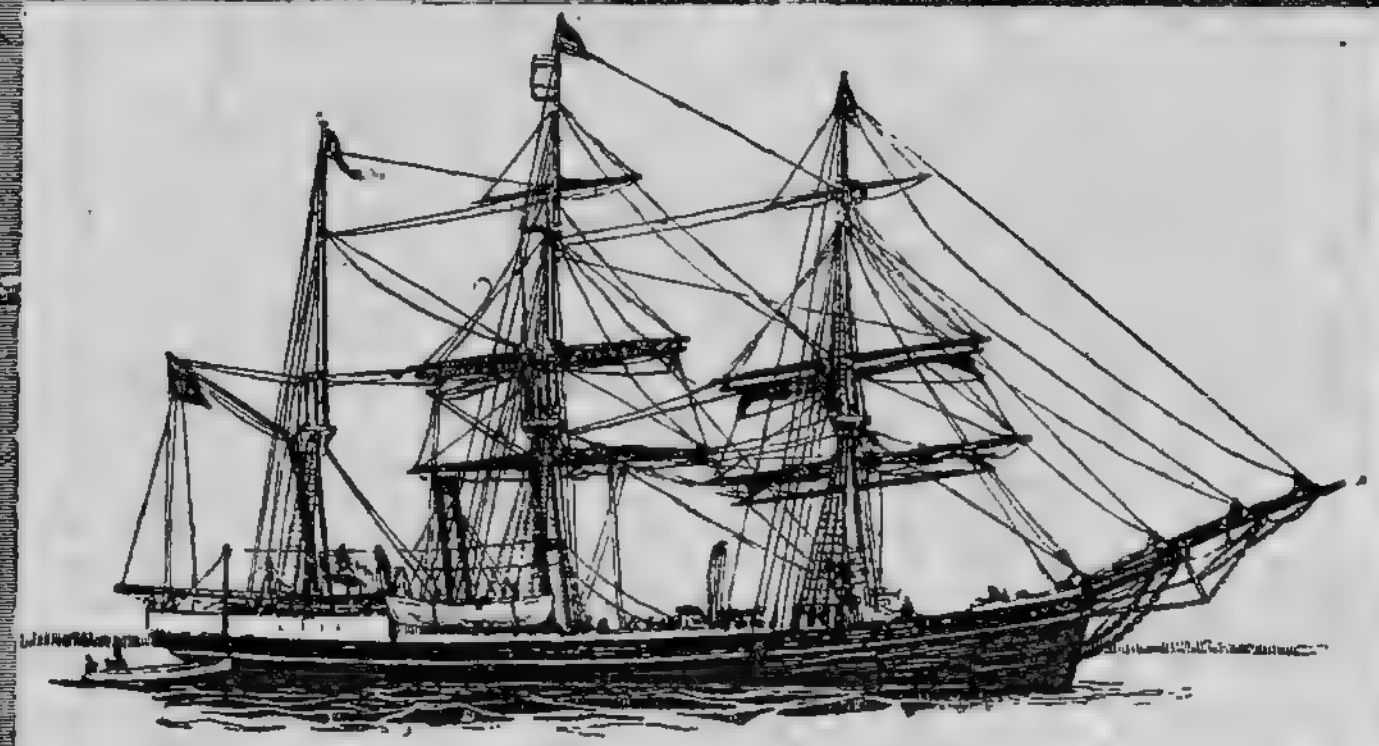
По прибытіи въ Англію, Джексонъ въ 5 мѣсяцевъ закончилъ все снаряженіе экспедиціи. Гармсвортъ открылъ ему неограниченный кредитъ на издержки и просилъ Джексона сообразоваться только съ требованіями науки и удобства путешественниковъ, не обращая вниманія на цифру издержекъ.

Благодаря такому щедрому пожертвованію, экспедиція Джексона была обставлена лучше всякой другой полярной экспедиціи.

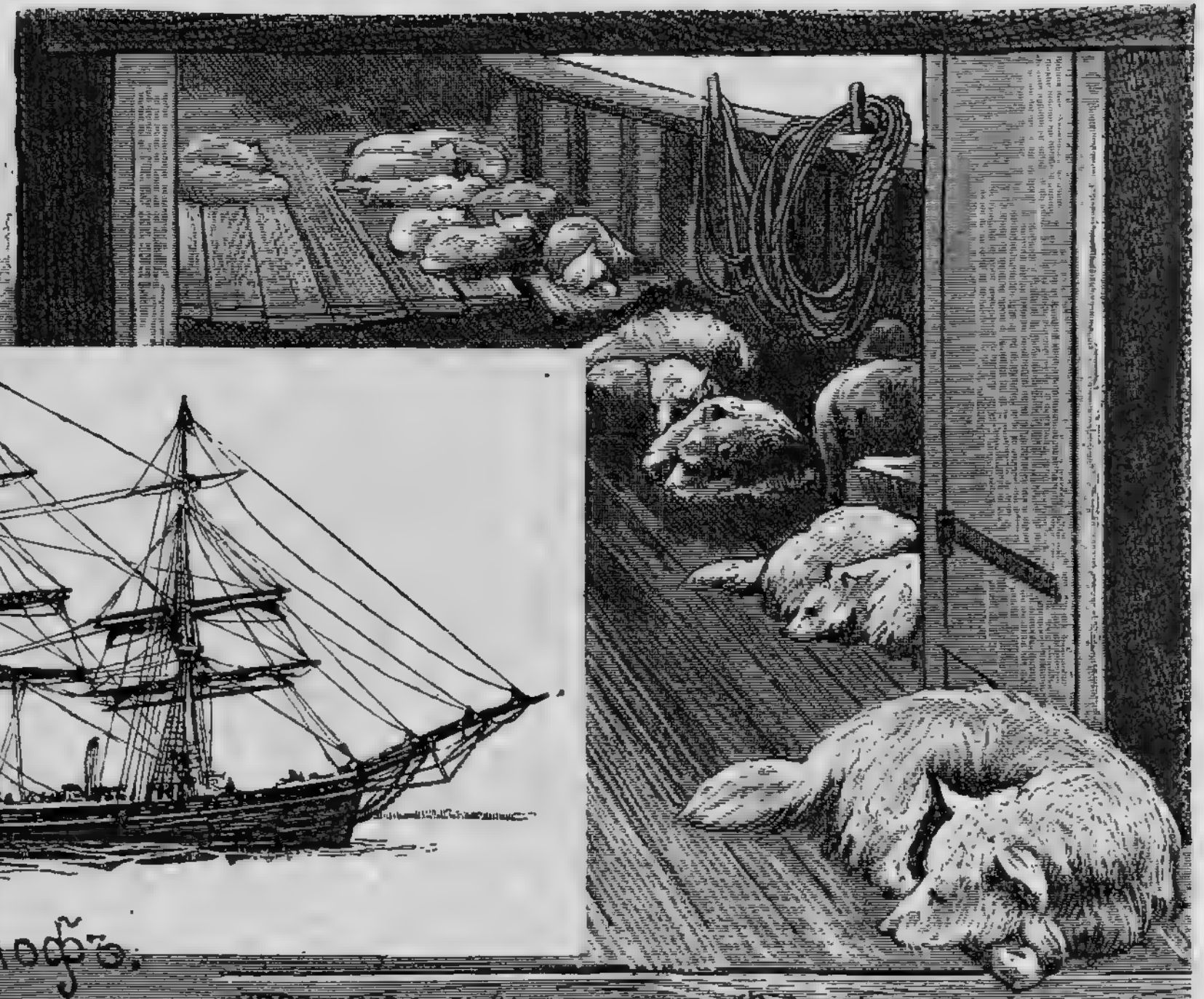
1-го іюля 1894 г. судно «Виндвардъ», купленное Джексономъ и спеціально приспособленное для плаванія въ полярныхъ льдахъ, вышло изъ гавани Лондона и зайдя въ Архангельскъ, гдѣ приняты были на бортъ ѣздовыя собаки, четыре зырянскихъ лошади, разборный домъ и проч. дополнительное снаряженіе, 5-го августа отправился прямо на сѣверъ къ землѣ Франца Іосифа.



ВОРОНЬЕ ГНѢЗДО



„ФРИТІОФЪ.



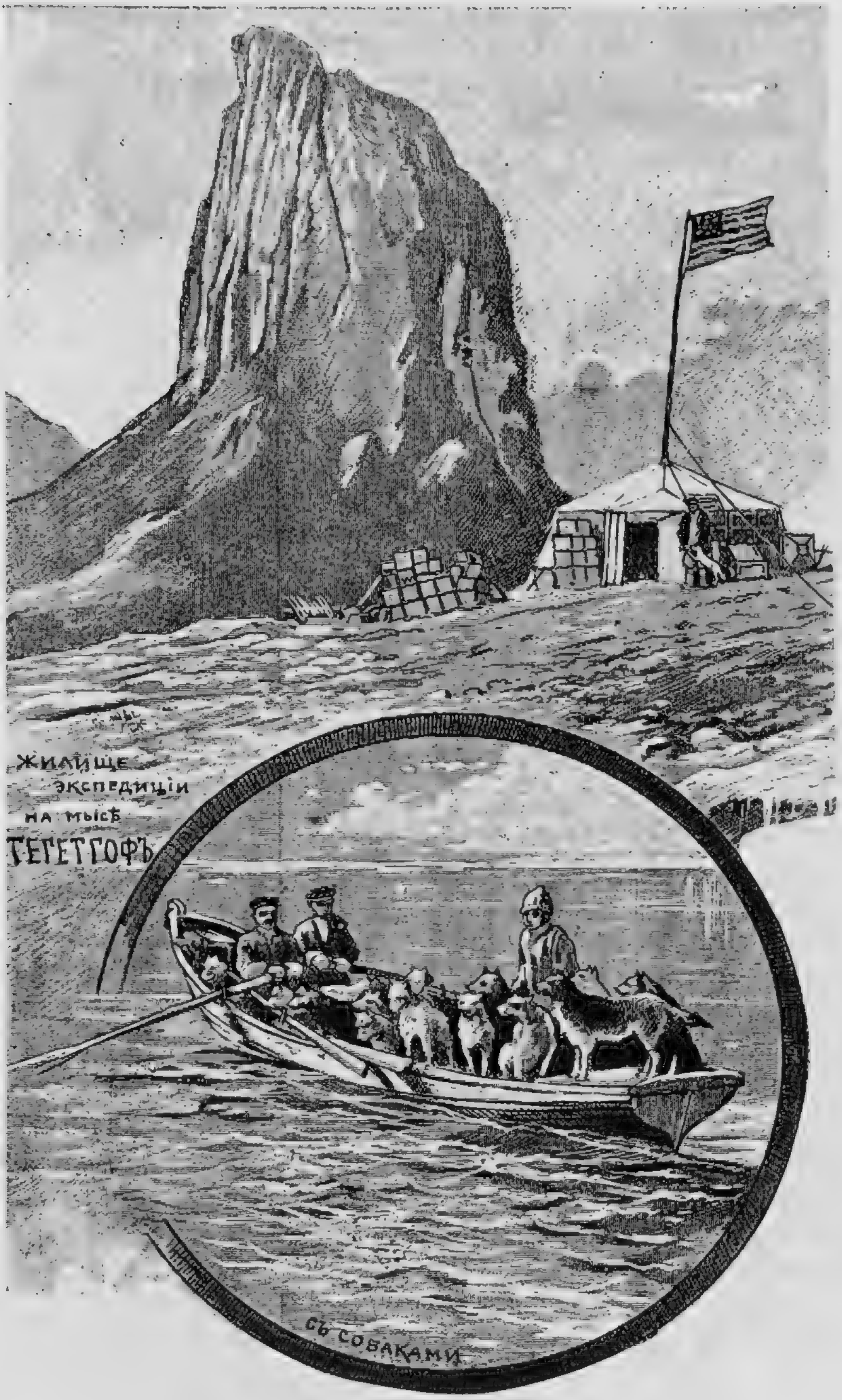
УПРЯЖНЫЙ СОБАКИ НА ПЛАТЬѢ ФРИТІОФА.

Послѣ того объ экспедиціи Джексона больше года не было никакихъ извѣстій. Объ этомъ было много толковъ въ печати и предполагали, что «Виндвардъ» погибъ со своимъ экипажемъ во льдахъ, когда 22-го октября 1895 г. судно Джексона неожиданно вступило въ Лондонскую гавань.

Оказалось, что «Виндвардъ» въ прошломъ году благополучно достигъ острововъ Франца Іосифа, гдѣ экспедиція высадилась, и Джексонъ началъ приготовляться къ зимовкѣ. Согласно заранѣе составленному плану, «Виндвардъ» отправился въ обратный путь въ Европу, но былъ затертъ во льдахъ и принужденъ былъ также остаться на зиму у мыса Флора. Съ наступленіемъ лѣта съ великимъ трудомъ удалось освободиться изъ ледяныхъ оковъ, «Виндвардъ» началъ пробиваться черезъ льды, покрывавшіе море и благополучно пришелъ въ гавань Лондона. Что касается Джексона, то онъ провелъ на островахъ архипелага еще 2 зимы, безпрестанно совершая болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи и возвратился на родину съ огромными научными результатами, касательно очертанія острововъ, ихъ протяженія, климата, флоры и фауны.

Вальтеръ Вельманъ, американскій журналистъ по профессіи, лѣтомъ 1894 г. предпринялъ полярное путешествіе съ надеждой достигнуть сѣвернаго полюса. Экспедиція его, состоявшая изъ 16 чел., на суднѣ «Рагнвальдъ Ярлъ» доставлена была на одинъ изъ острововъ группы Шпицбергена (подъ 80° с. ш.), откуда путешественники отправились по льду далѣе къ сѣверу. «Рагнвальдъ Ярлъ» вскорѣ былъ раздавленъ льдами, и Вельманъ отправилъ капитана Боттольфзена въ лодкѣ мимо острововъ Шпицбергена въ Норвегію, чтобы нанять для экспедиціи другое судно. Это трудное и рискованное путешествіе благополучно совершено было отважнымъ капитаномъ съ нѣсколькими матросами. Съ своей стороны Вельманъ и его товарищи двинулись къ сѣверу и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шли впередъ съ санями и шлюпками, но встрѣтившіяся имъ трудности оказались непреодолимыми и они повернули назадъ.

Добравшись съ большими опасностями и трудностями до Датскаго острова, гдѣ оставлено было снаряженіе экспедиціи


ЖИЛИЩЕ
ЭКСПЕДИЦІИ
НА МЫСѢ
ТЕГЕТГОФЪ
СЪ СОБАКАМИ

Вельманъ и его товарищи были безмѣрно обрадованы, увидѣвъ, что здѣсь уже стоитъ судно, нанятое Боттольфзеномъ въ Норвегіи и успѣвшее уже прійти сюда.

Такимъ образомъ экспедиція окончилась полною неудачей. Въ 1898 г. Вельманъ снова предпринялъ полярную экспедицію съ цѣлью произвести розыски объ Андре.

Судно экспедиціи «Фритіофъ» направилось въ воды архипелага «Франца Іосифа». Льды постоянно скоплялись вокругъ «Фритіофа» и неоднократно угрожали ему гибелью. Наконецъ, судно приблизилось къ возвышенному берегу какой-то земли, которая, повидимому, была островомъ Нортброкъ.

Здѣсь на мысѣ Флора стоялъ домъ Джексона, въ которомъ путешественники ожидали найти пріютившагося послѣ крушенія своего аэростата, пропавшаго безъ вѣсти Андре. Всю ночь вслѣдствіе сгустившагося тумана «Фритіофъ» не могъ подойти къ берегу и потому Вельманъ и его спутники томились тяжкой неизвѣстностью о судьбѣ несчастнаго воздухоплавателя.

На разсвѣтѣ взошедшее дневное свѣтило разорвало завѣсу тумана, и мысъ Флора ясно предсталъ предъ глазами путешественниковъ. Но тщетно старались они увидѣть какіе-нибудь признаки обитанія этого пустыннаго пункта человѣческимъ существомъ... Гробовая тишина и полная безжизненность царили на берегу и вокругъ виднѣвшейся неподалеку Джексоновской хижины.

Высадившись на берегъ, они легко убѣдились въ томъ, что Андре здѣсь нѣтъ и не было.

Отсюда Вельманъ направился дальше и зимовалъ на мысѣ Тегетгофъ.

Послѣ этого Вельманъ совершилъ еще одну полярную экспедицію и содѣйствовалъ не мало изученію природы этой страны.

Другой американецъ, *Робертъ Пири*, заявилъ себя изслѣдованіями Гренландіи. Въ 1892 г. онъ вмѣстѣ съ норвежскимъ путешественникомъ Аструпомъ изслѣдовалъ сѣверную окраину Гренландіи, опредѣлилъ сѣверную границу материковаго льда и нанесъ на карту часть берега. Лѣтомъ 1893 г. онъ снаря-

дилъ новую экспедицію и на китоловномъ суднѣ «Фалконъ» прибылъ въ заливъ Боудой подъ 78° 35′ с. ш. Въ составъ его экспедиціи входила также его супруга, не пожелавшая покинуть мужа въ трудномъ и опасномъ путешествіи. Вскорѣ послѣ прибытія въ Гренландію у нея родилась дочь.

Экспедицію свою Пири раздѣлилъ на 2 части: самъ онъ съ 8 спутниками отправился немедленно къ заливу Независимости, откуда предполагалось двинуться по льду къ сѣверу; остальная же часть экспедиціи съ Аструпомъ во главѣ, слѣдуя по берегу,

направилась къ мысу Бисмарка и затѣмъ должна была повернуть къ зимней квартирѣ въ заливъ Боудой.

Экскурсія Пири окончилась полной неудачей: ему пришлось вернуться обратно, когда еще не пройдена была и четверть разстоянія до залива Независимости.

Аструпу болѣе посчастливилось. Благополучно окончивъ свою первую экскурсію, онъ отправился снова къ Мельвильской бухтѣ и произвелъ здѣсь съемку берега. Во время этой экскурсіи выяснилась необычайная выносливость эскимосскихъ собакъ, которыя по сносной дорогѣ успѣвали иногда пробѣжать съ нагруженными санями 100 верстъ въ день!

О несчастной участи *Андре*, который пытался проникнуть къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ, настолько общеизвѣстно, что здѣсь излишне объ этомъ распространяться и потому перейдемъ прямо къ послѣднему путешественнику въ сѣверныя полярныя страны, который въ послѣднее время затмилъ славою всѣхъ своихъ предшественниковъ, такъ какъ пробрался ближе всѣхъ къ полюсу. Мы говоримъ объ экспедиціи итальянскаго принца, *герцога Абруццскаго* и объ его славномъ спутникѣ, капитанѣ *Каньи*.

ГЛАВА XVIII.

Экспедиція итальянскаго принца Герцога Абруццскаго.

Сборы въ экспедицію.—Отъѣздъ изъ Архангельска.—О. Нортброкъ.—Первый разъ во льдахъ.—Встрѣча съ Вельманомъ.—Бухта теплицъ.—Крушеніе, устройство зимовки.—Опасное приключеніе.—Экспедиція Каньи, первая попытка.—Вторая поѣздка Каньи.—Трудный путь.—Возвращеніе къ зимней стоянкѣ.—Зима на островахъ Франца Іосифа.—Исправленіе судна.—Искуственный каналъ.—Возвращеніе на родину.

Полярныя экспедиціи уже давно интересовали молодого принца, и онъ ревностно изучалъ литературу, относящуюся къ такимъ путешествіямъ. Изъ полярныхъ изслѣдователей наибольшее вниманіе его привлекъ прославившійся въ наши дни скандинавскій путешественникъ Нансенъ, подвиги котораго только что описаны.

По возвращеніи Нансена, герцогъ нарочно поѣхалъ въ Норвегію, чтобы познакомиться съ знаменитымъ изслѣдователемъ, и тогда уже въ головѣ его совершенно созрѣлъ планъ собственной полярной экспедиціи, при снаряженіи которой Нансенъ очень много помогалъ ему своими совѣтами и практическими указаніями, вынесенными изъ послѣдняго своего путешествія.

Планъ путешествія, составленный герцогомъ, заключался въ томъ, чтобы постараться проникнуть на суднѣ какъ можно дальше на сѣверъ въ область архипелага Франца Іосифа, устроить зимнюю стоянку на одномъ изъ острововъ этой группы,

а съ наступленіетъ зимы двигаться по льду на собакахъ дальше къ сѣверу.

Приготовленія къ путешествію сдѣланы были очень тщательно, хотя и въ короткое время.

Подобно Андре, принцъ не упустилъ изъ вида и воздушныхъ шаровъ; первоначально онъ предполагалъ ими широко

Герцогъ Абруццскій, принцъ итальянскій.

пользоваться въ своей экспедиціи и заказалъ въ Парижѣ 4 шара небольшого размѣра со всѣми приспособленіями для наполненія ихъ водородомъ. Однако, послѣдніе опыты, произведенные въ Парижѣ, заставили сомнѣваться въ возможности наполненія ихъ газомъ въ зимнее время, при крайне низкой температурѣ, господствующей въ полярныхъ странахъ. Въ виду этого взяты были только два шара и то болѣе для опыта, чѣмъ

съ цѣлью дѣйствительно воспользоваться ими для передвиженія къ сѣверу.

12 іюня 1899 года «Stella Polare» выступила изъ Христіаніи и направилась къ Архангельску. Погода все время была прекрасная, и первые льды встрѣтились лишь въ Бѣломъ морѣ. При этомъ первомъ ледяномъ крещеніи «Stella Polare»—судно экспедиціи—показала свои прекрасныя качества и съ легкостью пролагала себѣ путь по узкому проливу, сплошь затертому льдами.

30 іюня «Stella Polare» бросила якорь въ бухтѣ Архангельска, гдѣ съ возможною поспѣшностью производилось окончательное снаряженіе и взята была большая партія собакъ (въ 120 штукъ), заранѣе подобранная.

При заходѣ солнца 12 іюля «Stella Polare» снялась съ якоря и медленно двинулась внизъ по Двинѣ... Троекратное «ура» многочисленныхъ провожавшихъ въ послѣдній разъ прогремѣло въ воздухѣ, и судно, плавно разсѣкая волны, двинулось по направленію къ бѣлѣющимъ вѣчными льдами островамъ архипелага Франца Іосифа.

Мало-по-малу очертанія Архангельска становились все болѣе неясными, и вскорѣ Двина совершенно скрылась изъ виду. Заходящее солнце, точно на прощанье, ярко освѣщало красноватыми лучами поверхность моря; еще тягостнѣе было путешественникамъ разставаться съ прекраснымъ солнцемъ и мягкою погодою, для того, чтобы вступить въ область вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, тумановъ и ночного мрака.

Бѣлое море, за двѣ недѣли передъ тѣмъ затертое плавающими льдинами, было теперь совершенно чисто, такъ что «Stella Polare» на всѣхъ парахъ прошла черезъ проливъ и вступила въ Баренцово море, также свободное. Первыя льдины встрѣтили путешественники лишь 17-го, на широтѣ 74°; ночью ледъ сталъ встрѣчаться все чаще и чаще и, наконецъ, сплошною массою окружилъ судно. При густомъ туманѣ восходящее солнце освѣтило весьма безотрадную картину: насколько можно было обозрѣть съ высоты мачты, море было сплошь покрыто льдинами. Однако, когда солнце поднялось выше, и туманная за-

вѣса стала понемногу разсѣиваться, путешественники безъ особыхъ затрудненій прошли черезъ льды, вскорѣ опять вышли въ открытое море и понеслись по его поверхности на всѣхъ парахъ и парусахъ. Подъ вечеръ 20-го вдали показались неопредѣленныя очертанія скалистаго о-ва Нортброка, высоты котораго, увѣнчанныя вѣчными снѣгами, ярко блестѣли на солнцѣ и только мѣстами подымались обнаженныя скалы.

Островъ *Нортброкъ* составляетъ южную оконечность группы Франца Іосифа, названной такъ въ честь своего монарха австрійскими изслѣдователями *Вейпрехтомъ* и *Пайеромъ*, которые осенью 1873 г. были занесены теченіемъ и прибиты льдами къ юго-восточной части этого архипелага.

Весною слѣдующаго года Пайеръ снова явился сюда и прошелъ черезъ всю группу до мыса *Флигели* на остр. кронъ-принца Рудольфа; къ с.-з. и с. отсюда онъ увидѣлъ земли обширныхъ размѣровъ, какъ ему показалось, изъ которыхъ первую назвалъ землей *Короля Оскара*, а вторую—землей *Петермана*.

Въ 1880 и 1881 гг. Лейсмитъ на своей яхтѣ «Эйра» подошелъ къ землѣ Франца Іосифа съ юга до мыса *Лофлея*, изслѣдовавъ землю *Александра* и предположилъ, что суша простирается здѣсь далеко къ сѣверу.

Но вскорѣ это предположеніе было опровергнуто Джэксономъ, который провелъ на островѣ Нортброкѣ три зимы и своими экспедиціями, предпринимаемыми на саняхъ въ разныя стороны, много способствовалъ выясненію истиннаго положенія очертанія и протяженія различныхъ частей земли Франца Іосифа. Имъ было установлено, что къ сѣверу отъ земли Александра, которая составляетъ западную оконечность группы, простирается открытое море, названное имъ моремъ *Королевы Викторіи*.

Наконецъ, *Нансенъ* дополнилъ изслѣдованія Джэксона, высказавъ предположеніе, что земли короля Оскара и Петермана не существуетъ, и что море Королевы Викторіи простирается очень далеко къ сѣверу и западу.

По мѣрѣ приближенія къ о. Нортброку, своеобразныя красоты этой первой изъ полярныхъ странъ, встрѣченныхъ нашими

путешественниками, все болѣе и болѣе выступали въ своемъ дикомъ величіи. Сверкающія ледяныя вершины скалистаго мыса Флоры въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ отражались на небѣ и въ волнахъ омывающаго ихъ моря. Еще ближе сталъ слышенъ нестройный концертъ безчисленныхъ птицъ, гнѣздящихся на прибрежныхъ скалахъ, и, наконецъ, на далекой плоской возвышенности стали замѣтны постройки зимовья Джэксона.

При ясной весенней погодѣ мысъ Флора показался путешественникамъ очень привлекательнымъ. «Stella Polare» бросила якорь въ бухтѣ, и экипажъ немедленно приступилъ къ выгрузкѣ части съѣстныхъ припасовъ и снаряженія. Такой складъ уже заранѣе рѣшено было устроить на тотъ случай, если съ судномъ приключится какое-нибудь несчастье.

Герцогъ съ нѣсколькими спутниками посѣтилъ хижины Джэксона, которыя сохранились въ прекрасномъ состояніи. Въ главной хижинѣ на столѣ лежали газеты, фотографическіе снимки и пачки писемъ для экспедиціи Андре и Вельмана. Если-бы не сугробы снѣга, нанесенные внутрь черезъ неплотно прикрытую дверь, то по обстановкѣ хижины можно было бы заключить, что въ ней были люди еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Недолго продолжалась хорошая погода, — и снова небо заволокли черныя тучи, загудѣли пронзительные вѣтры, земля окуталась непроницаемымъ туманомъ.

26-го іюля «Stella Polare» покинула стоянку у мыса Флора и двинулась дальше къ сѣверу. При густомъ туманѣ приходилось идти почти наугадъ. Когда-же туманный покровъ разсѣялся, передъ глазами путешественниковъ открылась картина настоящаго ледяного царства. Повсюду на окружающихъ проливъ островахъ вздымались дикія скалы, обнаженныя на крутыхъ гребняхъ и остроконечныхъ вершинахъ и обледенѣвшія во всѣхъ другихъ частяхъ; берега, по большей части круто подымающіеся надъ водою, были повсюду обмерзшіе, повсюду— ледъ и ледъ безъ конца.

При въѣздѣ въ *Британскій каналъ* льды скопились въ такомъ количествѣ, что «Stella Polare» была задержана, пройти

черезъ это скопленіе не удалось; пришлось повернуть обратно и ѣхать на западъ вдоль берега земли Александра съ цѣлью попытаться проникнуть въ море королевы Викторіи черезъ Кембриджскій проливъ.

Но лишь только дошли до этого пролива, какъ показалось на небѣ безграничное бѣлое отраженіе, признакъ близости ледяныхъ скопленій; дѣйствительно, ледяныя глыбы начали окружать судно все въ большемъ и большемъ количествѣ, и вскорѣ «Stella Polare» застряла во льдахъ.

Итакъ, оба пути, ведущіе въ море королевы Викторіи, были закрыты. Продолжая свои попытки проникнуть дальше къ сѣверу, «Stella Polare» снова двинулась по направленію къ Британскому каналу. Льды между тѣмъ запрудили уже все пространство, и судну приходилось пробиваться между ними, подвигаясь иногда лишь по нѣсколько метровъ въ часъ.

Борьба могла-бы идти гораздо успѣшнѣе, если-бы можно было осматривать окрестности, но за густымъ туманомъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Командиръ судна почти не слѣзалъ съ «вороньяго гнѣзда» *) и пользовался каждымъ моментомъ, когда порывъ вѣтра разрывалъ непроницаемую завѣсу тумана, чтобы выбирать направленіе пути. Не разъ ледяныя горы и глыбы такъ стѣсняли судно со всѣхъ сторонъ, что грозили раздавить его, но, къ счастью, такіе критическіе случаи сходили благополучно. Только одинъ разъ на рулѣ оказалось небольшое поврежденіе.

Наконецъ, 5-го августа сильный вѣтеръ, разогнавъ нависшія тучи на небосклонѣ, разорвалъ густую пелену тумана; на небѣ засіяло благодатное солнце, которое освѣтило восхитительную картину ледяного царства.

Льды на сосѣднихъ берегахъ и вездѣ вокругъ парохода засвѣтились тысячами разноцвѣтныхъ огней съ безконечными переливами. Какъ очарованные, смотрѣли путешественники на эту волшебную панораму, забывая про всѣ свои невзгоды и неудачи.

---

*) Бочка на верхушкѣ мачты, куда взбираются для обозрѣнія горизонта.

Но недолго продолжалось это очарованіе и вскорѣ оно смѣнилось самымъ удрученнымъ состояніемъ духа, такъ какъ тщательный обзоръ горизонта показалъ, что положеніе судна почти безвыходное. Ледяныя массы окружали корабль со всѣхъ сторонъ, и конца имъ нигдѣ не было видно. Правда, узкіе проходы среди сплошныхъ массъ ихъ существовали, но всѣ они вели не къ сѣверу, куда стремились путешественники, а въ другія стороны.

Однако, при свѣтлой погодѣ борьба со льдами пошла гораздо успѣшнѣе. Полагаясь на крѣпость «Stella Polare», герцогъ отваживался иногда пробиваться напроломъ, врѣзываясь окованнымъ толстою сталью форштевнемъ въ сплошныя ледяныя массы и раскалывая ихъ на части.

Съ наступленіемъ утра, возобновилась отчаянная борьба, и къ 12 часамъ «Stella Polare» очутилась въ открытомъ морѣ въ виду какого-то замѣченнаго вчера съ вечера корабля, который оказался «Капеллой»; на немъ годомъ раньше отправилась экспедиція Вельмана.

Когда корабли сблизились, Вельманъ поднялся на палубу «Stella Polare» и сообщилъ, что всѣ члены его экспедиціи находятся въ прекрасномъ состояніи, и что «Капелла» отправляется домой. По его словамъ море было свободно ото льдовъ вплоть до земли кронъ-принца Рудольфа, откуда онъ шелъ теперь, и это сообщеніе сократило свиданіе, такъ какъ принцъ боялся упустить столь благопріятный моментъ.

Медленно разъѣхались оба судна въ противоположныя стороны при взаимныхъ благихъ пожеланіяхъ экипажей.

На всѣхъ парахъ помчалась къ сѣверу «Stella Polare» по свободному морю. Погода вскорѣ снова испортилась, но при отсутствіи ледяныхъ скопленій это имѣло только ту непріятную сторону, что нельзя было опредѣлить съ точностью положеніе судна. Такимъ образомъ ѣхали наугадъ три дня, и судя по пройденному разстоянію, можно было предполагать, что вскорѣ станетъ виденъ берегъ земли кронъ-принца Рудольфа. Каково-же было удивленіе герцога, когда утромъ 9-го августа при прояснившейся на короткое время погодѣ, оказалось, что

судно находится на широтѣ 82°4′ и что островъ кронъ-принца Рудольфа остался назади. Неопредѣленныя очертанія его виднѣлись еще вдали на юго-востокѣ. Наоборотъ, на сѣверѣ и на востокѣ не было замѣтно никакихъ признаковъ суши. Ни земли *короля Оскара*, ни земли *Петермана*, ни мыса *Осборна*, обозначенныхъ Пайеромъ на картѣ, не было и слѣда. Тамъ на необозримомъ пространствѣ только виднѣлись мелкія льдины, которыя и положили предѣлъ дальнѣйшему движенію «Stella Polare» на сѣверъ.

Правда, льды были не настолько сплошные, чтобы черезъ нихъ нельзя было пробраться, и нѣкоторое время «Stella Polare» еще шла въ прежнемъ направленіи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивались затрудненія, а между тѣмъ земли, гдѣ можно было-бы устроить зимовку, не замѣчалось.

Въ виду этого герцогъ, съ крайнимъ сожалѣніемъ, рѣшилъ повернуть обратно къ югу, и «Stella Polare» бросила якорь въ бухтѣ Теплицъ на западномъ берегу острова кронъ-принца Рудольфа.

Бухта эта, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ служившая могилою «Stella Polare», лежитъ подъ 81°47′ с. ш. На всемъ протяженіи берегъ подымается почти отвѣсною ледяною или каменною обледенѣвшею стѣною метровъ на 10 надъ поверхностью моря. Удобной стоянки для судна у самаго берега не нашлось, и герцогъ рѣшилъ устроить искусственную гавань, вырубивъ каналъ вдоль берега въ сплошномъ льду.

Въ теченіе одного дня каналъ этотъ былъ вырытъ на протяженіи 200 метровъ и судно прочно засѣло между его ледяными берегами.

Послѣ этого немедленно приступили къ выгрузкѣ матеріаловъ и къ устройству зимовья.

Въ первыхъ числахъ сентября снѣгъ подъ вліяніемъ морозовъ сталъ твердѣть, и герцогъ предпринялъ первую экскурсію на собакахъ.

Онъ объѣхалъ вокругъ всего острова кронъ-принца Рудольфа и обслѣдовалъ наиболѣе тщательно сѣверный берегъ его, до сихъ поръ еще никѣмъ не изученный.

Съ высотъ мыса *Флигели* герцогъ и его спутники ясно различили на востокѣ острова *Ева* и *Ливъ*, открытые Нансеномъ, и между ними незначительный о. *Аделаиду* и островъ *Фредень*, самый южный изъ всей группы; но когда подъѣхали къ мысу Ратъ, то острововъ уже не было видно, такъ какъ густой туманъ окуталъ ихъ непроницаемою пеленою.

Совершивъ благополучно свою экскурсію, герцогъ возвратился въ бухту Теплицъ какъ разъ во время, наканунѣ рокового дня для «Stella Polare»...

Въ ночь на 13-е августа поднялся южный вѣтеръ, который все крѣпчалъ и усиливался. На разсвѣтѣ путешественники увидѣли, что пригоняемыя имъ льдины закрыли выходъ изъ искусственнаго канала, въ которомъ находилась «Stella Polare».

Около 6 часовъ утра подъ напоромъ льдинъ судно страшно затрещало. Всѣ кинулись на палубу, еще не зная хорошенько, въ чемъ опасность. «Stella Polare» словно вздрогнула, покачнулась сначала направо, потомъ налѣво и въ такомъ положеніи осталась, накренившись подъ угломъ въ 20°. При сильномъ порывистомъ вѣтрѣ ледъ все напиралъ, судно трещало по всѣмъ швамъ, и каждую минуту можно было ожидать, что его совсѣмъ раздавятъ ледяныя глыбы.

Наружный видъ бухты совершенно измѣнился. Насколько можно было обозрѣть вдаль, море покрылось сплошнымъ ледянымъ покровомъ, а вдоль берега обрадовался высокій ледяной валъ изъ надвигавшихся другъ на друга, подъ напоромъ непрекращающагося вѣтра, ледяныхъ глыбъ.

Крѣпкое судно на этотъ разъ выдержало; боковымъ давленіемъ его только нѣсколько приподняло вверхъ.

Съ лихорадочною поспѣшностью всѣ стали выбрасывать на ледъ съѣстные припасы, одежду и многое другое, что попадалось подъ руку и казалось наиболѣе необходимымъ. Поспѣшили также перевести собакъ на берегъ, въ приготовленныя конуры

Къ счастью, вѣтеръ началъ стихать, да и льдины начали быстро смерзаться, такъ что можно было надѣяться, что судну, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, не грозитъ опасность быстраго крушенія.

Между тѣмъ тщательный осмотръ показалъ, что «Stella Polare» получила значительныя поврежденія: въ машинномъ отдѣленіи показалась вода, которая въ камерахъ вскорѣ поднялась выше котловъ. Первой заботой было выкачать воду, для чего была приведена въ дѣйствіе ручная помпа; когда-же оказалось, что ея далеко не достаточно, чтобы уменьшить прибыль воды, то приспособленъ былъ имѣвшійся въ запасѣ вѣтряной двигатель къ другой помпѣ и, наконецъ, пустили въ ходъ паровую водокачалку; но ничто не помогало: вода все прибывала, хотя и очень медленно.

Тогда путешественники, видя неминуемую гибель судна, принялись спасать грузъ. Всю ночь до 6 часовъ утра работали они безъ отдыха и отрывались отъ своего дѣла только на нѣсколько минутъ, чтобы на-скоро подкрѣпиться пищей.

Къ утру на сушу выгружено было все необходимое для устройства зимняго помѣщенія, запасы продовольствія, которыхъ по разсчету должно было хватить на годъ съ лишнимъ и все необходимое для снаряженія экскурсій на саняхъ.

Въ 6 часовъ утра въ корпусѣ «Stella Polare» снова почувствовались легкія содроганія, судно еще больше накренилось на бокъ и стало быстро наполняться водою...

Оставаться долѣе на кораблѣ становилось опаснымъ, и герцогъ отдалъ, наконецъ, приказаніе высаживаться на берегъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ покинули путешественники свое судно, сознавая, что съ потерей его они лишаются единственной возможности возвратиться на родину изъ ледяныхъ пустынь далекаго сѣвера.

Жилище, устроенное на берегу, было менѣе тепло и удобно чѣмъ судовыя каюты, но за то было безопасно: здѣсь путешественники чувствовали подъ ногами твердую землю, а не колеблющуюся поверхность обманчиваго и постоянно угрожающаго моря.

Для устройства жилища были поставлены рядомъ двѣ парусиновыя палатки и надъ ними натянули одинъ за другимъ два навѣса. Въ меньшей палаткѣ помѣстился герцогъ съ офицерами, а въ другой—матросы. Между обѣими палатками устроили

кухню и сложили запасы продовольствія. Столъ, нѣсколько складныхъ стульевъ и походныя кровати составляли всю меблировку каждой изъ палатокъ. Чтобы было теплѣе, снаружи полы палатки окопали широкимъ валомъ изъ снѣга и льда. Въ общемъ, получилось довольно сносное помѣщеніе и даже не особенно холодное,—когда топились чугунныя печки.

Занятые всѣми этими работами, путешественники и не замѣтили, какъ наступила настоящая зима; дни становились все короче и короче, морозы все усиливались, почти ежедневно шелъ снѣгъ, нерѣдко бушевали мятели, и вѣтеръ дулъ съ такою силою, что грозилъ изорвать въ клочья парусиновые навѣсы и самыя палатки.

15-го октября солнце совсѣмъ исчезло подъ горизонтомъ, и наступила нескончаемая полярная ночь. До половины ноября въ полдень ещо замѣтно было слабое мерцаніе свѣта на югѣ, но постепенно и это прекратилось. Только луна освѣщала иногда унылую картину безжизненной полярной пустыни, да великолѣпное сѣверное сіяніе очень часто доставляло величественное зрѣлище для путешественниковъ.

Когда покончены были всѣ неотложныя работы, то, въ виду предстоящей большой экспедиціи на саняхъ, принялись за дрессировку собакъ и совершали небольшія поѣздки по острову.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ случилось несчастье: путники заблудились и неожиданно сани ихъ сорвались съ крутого обрыва въ глубокій сугробъ снѣга.

Герцогъ пострадалъ отъ несчастнаго паденія съ вала больше всѣхъ: онъ отморозилъ пальцы на обѣихъ рукахъ, и это помѣшало ему принять участіе въ большой экспедиціи по направленію къ полюсу, къ которой уже давно готовились.

Праздники Рождества Христова и Новаго года заброшенные за тысячи верстъ отъ своей родины путешественники отпраздновали съ большою торжественностью. Была даже елка (взятая въ Архангельскѣ), украшенная подарками, собственноручно приготовленными итальянскою королевою и принцессами. Наступленіе Новаго года встрѣчено было пушечнымъ

выстрѣломъ и отпраздновано иллюминаціей. Съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, сидя за столомъ, убраннымъ по праздничному, забыли на время путешественники всѣ свои невзгоды и принялись строить самыя радужныя надежды на будущее...

Январь скоро прошелъ въ приготовленіяхъ къ экспедиціи и въ безпрестанныхъ небольшихъ поѣздкахъ по острову и по замерзшему морю.

Съ наступленіемъ февраля, температура начала сильно понижаться; по ночамъ морозы доходили до—40°, да и днемъ рѣдко подымалась выше—30°. Путешественники старались пріучить себя къ перенесенію холода, очень часто гуляли, бѣгали на морозѣ или занимались какой-нибудь работой, но при этомъ постоянно надо было бѣгать въ тепло-натопленную палатку и то и дѣло растирать снѣгомъ то носъ, то щеки, то пальцы.

Поразительную выносливость показали собаки. Уже съ октября мѣсяца имъ постоянно приходилось жить безъ конуръ, которыя безпрестанно заносились снѣжными сугробами. Нерѣдко по утрамъ ихъ самихъ находили занесенныхъ снѣгомъ съ примерзшими ко льду хвостами. Тѣмъ не менѣе, онѣ бодро выносили такой страшный холодъ, который для людей, въ особенности при вѣтрѣ, былъ положительно нестерпимъ. За все время погибло только 10 собакъ, остальныя 110 благополучно перенесли всѣ невзгоды и только поражали путешественниковъ необыкновеннымъ количествомъ пищи, которое онѣ ежедневно поглощали.

Въ февралѣ начало уже понемногу показываться надъ горизонтомъ солнце: безконечная полярная ночь кончилась и наступалъ день, сначала очень короткій, но быстро увеличивавшійся.

Приступили къ окончательному снаряженію въ путь. Часть путешественниковъ должна была отправиться на саняхъ на сѣверъ и попытаться проникнуть, какъ можно дальше, къ полюсу. Начальникомъ этой экспедиціи герцогъ назначилъ капитана Каньи, который и приступилъ къ выполненію раньше намѣченнаго плана.

Докторъ Кавалли, на основаніи опыта предыдущей части зимовки, опредѣлилъ съ точностью ежедневную порцію пищи,

необходимой при существующихъ условіяхъ для людей и для собакъ. Путешественники взяли съ собой столько продовольствія, чтобы хватило на $1^1/_2$ мѣсяца пути. Весь отрядъ состоялъ изъ 9 человѣкъ и раздѣлялся на три партіи по три человѣка въ каждой съ четырьмя санями. Кружокъ офицеровъ экспедиціи составляли: капитанъ Каньи, назначенный герцогомъ главнымъ начальникомъ экспедиціи; лейтенантъ итальянскаго флота Керини, еще молодой человѣкъ, способный и энергичный; наконецъ, докторъ Кавалли, въ качествѣ медика и натуралиста. Остальные участники были простые матросы, или низшіе служащіе изъ судового экипажа—все молодцы закаленнаго здоровья, выносливые и, подобно своимъ начальникамъ, беззавѣтно преданные дѣлу, которое составляло цѣль экспедиціи,—проникнуть какъ можно дальше на сѣверъ. если окажется возможнымъ, то и до самаго полюса. Въ багажѣ каждой партіи были принадлежности бивуака, одинаковый запасъ провіанта, именно по 180 человѣческихъ порцій и 150 порцій собачьихъ.

По плану герцога всѣ три партіи въ теченіе 2-хъ недѣль должны были продовольствоваться запасами первой партіи, которая послѣ этого срока возвращается домой. Послѣ этого двѣ оставшіяся партіи питаются провіантомъ второй группы въ теченіе двухнедѣльнаго пути, а затѣмъ и вторая партія ѣдетъ домой; дальше двигается только одна третья съ нетронутыми еще запасами продовольствія, приблизительно также около 15 дней.

Порціи разсчитаны были такимъ образомъ, чтобы ихъ, въ случаѣ необходимости, можно было значительно сократить. Кромѣ того, рѣшено было, по мѣрѣ уменьшенія запасовъ, оставшіяся сани бросать, а лишнихъ собакъ убивать, чтобы такимъ образомъ уменьшить расходъ продовольствія, да и сами убитыя собаки могли послужить пищею не только оставшимся своимъ товарищамъ, но въ случаѣ крайности, и путешественникамъ.

Продовольственные запасы состояли, главнымъ образомъ, изъ *пеммикана*, незамѣнимой пищи для всѣхъ путешествую-

щихъ въ полярныхъ пустыняхъ. Онъ приготовляется изъ высушеннаго и измельченнаго въ порошокъ мяса, смѣшаннаго съ равнымъ количествомъ жира. Изъ этой смѣси изготовляютъ небольшія плитки, въ родѣ шоколадныхъ, вѣсомъ немного болѣе 1/2 фунта. Вскипятивъ въ кипяткѣ воду, путешественники клали туда плитку пеммикана и черезъ нѣсколько минутъ получали очень питательный супъ. Кромѣ того взяты были и другіе припасы. Для собакъ взяли также пеммиканъ, нѣсколько худшаго сорта. Большое вниманіе также обращено было на одежду, которая должна была защищать тѣло отъ страшнаго холода и вмѣстѣ съ тѣмъ быть легкой и удобной. Путешественники одѣли на тѣло шерстяное трико и сверху фуфайки изъ сосновой шерсти, а затѣмъ мѣховыя куртки и панталоны, запущенныя въ высокіе сапоги, также мѣховые.

Все снаряженіе закончено было уже къ половинѣ февраля, но путешественники поджидали еще, чтобы наступили немного болѣе продолжительные дни.

21 февраля рано утромъ предъ восходомъ солнца выступили путники въ дорогу и послѣ труднаго перехода со всѣми санями черезъ высокій мысъ «Германія» къ вечеру очутились на ледяной поверхности безбрежнаго моря. На слѣдующее утро, чуть свѣтъ, распростившись съ герцогомъ, который съ отмороженной рукой на перевязи далеко провожалъ отъѣзжающихъ, капитанъ Каны въ послѣдній разъ осмотрѣлъ свой отрядъ и приказалъ выступать. Быстро понеслись сани по гладкой поверхности прибрежнаго тонкаго льда, и вскорѣ нельзя уже было различить провожавшихъ товарищей.

Цѣлый день ѣхали по довольно хорошей дорогѣ. Неудобство составляла только сырая, липкая, какъ грязь, соль, которая тонкимъ слоемъ покрывала ледъ, и, налипая на полозья саней, затрудняла ихъ движеніе.

Послѣ короткаго пятичасового дня солнце скрылось за горизонтомъ, и ночная тьма начала быстро сгущаться. Но тщетно истомленные путники высматривали себѣ подходящее мѣсто для устройства бивуака: повсюду, насколько можно было обозрѣть, ледяная поверхность имѣла одинъ и тотъ-же видъ, не было

шероховатостей, и, очевидно, ледъ вездѣ былъ тонкій, недавно образовавшійся.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, Каны подалъ знакъ остановиться и заняться устройствомъ лагеря. Наскоро приготовивъ себѣ ужинъ, усталые путешественники размѣстились по трое въ спальныхъ мѣшкахъ и вскорѣ заснули.

Среди ночи вдругъ Каны и спавшіе вмѣстѣ съ нимъ Керини и Кавалли были разбужены внезапно раздавшимся трескомъ. Казалось ледъ трескается, и каждую минуту можно было ожидать, что бездонная пучина Ледовитаго моря поглотитъ несчастныхъ путешественниковъ со всѣми ихъ собаками и багажемъ. Въ ужасѣ всѣ трое вскочили, наскоро одѣлись и стали напряженно прислушиваться. На дворѣ завывала вьюга; ледъ, очевидно, подъ мощнымъ напоромъ вѣтра, стоналъ, трещалъ и выгибался такъ, что испуганные путники чувствовали, какъ почва колеблется у нихъ подъ ногами. Повременамъ вихрь какъ будто стихалъ, и тогда все на время успокаивалось, но затѣмъ, съ новыми порывами вьюги, снова возобновлялся трескъ льда.

Около двухъ часовъ провели они въ страшномъ нервномъ напряженіи, не зная, что предпринять. Наконецъ и остальные товарищи ихъ проснулись, и тогда поспѣшно начали готовиться въ путь, хотя до разсвѣта было еще далеко. Собаки также выражали свое безпокойство заунывнымъ раздирающимъ душу воемъ.

Лишь только палатки были сняты и всѣ вещи нагружены на сани, какъ тронулись ощупью впередъ, при свѣтѣ фонарей. Наконецъ, окончилась страшная ночь, и на горизонтѣ появилось лучезарное дневное свѣтило. Въ то-же время вѣтеръ сразу стихъ, трескъ льда прекратился, и у всѣхъ повеселѣло на сердцѣ.

Когда разсвѣло, то путешественники наши съ удивленіемъ увидѣли, какія большія измѣненія произошли со вчерашняго вечера. Вмѣсто гладкой, какъ полъ, равнины, теперь повсюду оказались неровности; тамъ льдины, напирая другъ на друга и дробясь, нагромоздили большія кучи обломковъ, тамъ образовались трещины и полыньи, тамъ исковерканная ледяная поверх-

ность уподобилась застывшему волнующемуся морю... Картина была величественная, но путешественникамъ было не до наслажденій красотами природы, и они во всемъ этомъ видѣли только увеличеніе трудностей предстоящаго пути. Дѣйствительно, они двигались впередъ въ этотъ день гораздо медленнѣе, чѣмъ наканунѣ; теперь постоянно приходилось то перебираться черезъ ледяные валы, то переправляться черезъ трещины по здѣсь-же на-скоро устроенному ледяному мосту, то, наконецъ, пускаться въ обходъ болѣе значительныхъ трещинъ. Какъ нарочно температура стала еще понижаться, и къ вечеру термометръ показывалъ уже—47°, да еще снова поднялся вѣтеръ, хотя и небольшой. На такой неровной дорогѣ постоянно случались какія-нибудь поврежденія то въ упряжи, то въ самыхъ саняхъ. Между тѣмъ, исправленіе всѣхъ этихъ поврежденій представляло неимовѣрныя трудности. Рука, вынутая изъ мѣховой рукавицы на морозъ, почти моментально коченѣла, и приходилось поспѣшно снова прятать ее въ рукавицу, такъ что даже завязать какой-нибудь узелъ можно было лишь въ 5—6 пріемовъ, не говоря уже про какія-либо болѣе трудныя починки. Исправить какую-нибудь поломку было почти невозможно, такъ какъ дерево на такомъ морозѣ становилось хрупкимъ, какъ стекло, и при ударѣ молоткомъ раєщеплялось на мелкіе кусочки. Однако, исправлять всякое поврежденіе было необходимо, потому что безъ этого невозможно было двигаться дальше.

Страшно измучились путники за этотъ день, и когда вечеромъ разбили лагерь, то всѣ чувствовали себя до крайности изнуренными.

При такихъ условіяхъ итти дальше было очень рискованно, и Кане рѣшилъ возвратиться домой, чтобы затѣмъ со свѣжими силами, сдѣлавъ лишь кое-какія измѣненія въ снаряженіи, снова пуститься въ трудный путь. Притомъ-же можно было надѣяться, что съ наступленіемъ весны лютые морозы хоть немного уменьшатся.

На другой день путешественники съ тяжелымъ сердцемъ пустились въ обратный путь и черезъ два дня добрались до берега острова. Напрягая послѣднія усилія, начали они взби-

раться на крутые бока мыса «Германія», и когда съ вершины перевала увидѣли лагерь своихъ товарищей и неподалеку накренившуюся на бокъ «Полярную Звѣзду», то, словно обезумѣвъ отъ радости, побросали сани съ собаками и пустились бѣжать, что есть духу, къ теплымъ палаткамъ, которыя показались имъ какимъ-то раемъ.

Послѣ первыхъ минутъ радостнаго свиданія съ товарищами, несчастные страдальцы стали приводить себя въ порядокъ. Лютый морозъ у каждаго изъ нихъ оставилъ о себѣ какую-нибудь память: отмороженное ухо или щека, распухшее лицо отъ нестерпимой стужи и свирѣпаго вѣтра, да кромѣ того, у всѣхъ были въ большей или меньшей степени отморожены пальцы. Докторъ Кавалли, который и самъ пострадалъ не менѣе другихъ, нѣсколько дней неусыпно заботился о своихъ многочисленныхъ паціентахъ.

Дней черезъ пять искусство доктора, а еще болѣе здоровая выносливая натура итальянцевъ восторжествовали надъ всѣми болѣзнями, и отдохнувшіе путники снова стали подумывать о поѣздкѣ.

Наученные опытомъ, теперь они многое измѣнили въ своемъ снаряженіи; вмѣсто мѣховыхъ рукавицъ, напримѣръ, они взяли теперь шерстяныя перчатки, вмѣсто фуфаекъ Эгера — куртки изъ тонкаго сукна и т. п. Оказалось также, что порціи собакъ можно значительно уменьшить сравнительно съ прежнимъ разсчетомъ.

Въ началѣ марта всѣ приготовленія къ новому путешествію были закончены, и рано утромъ 11-го числа путники выступили на 13 саняхъ къ сѣверо-западу прямо по льду, образовавшемуся здѣсь на мѣстѣ прежней полыньи. Термометръ показывалъ 30^0—33^0 ниже нуля, а днемъ температура повысилась даже до 27^0. Но уже на слѣдующій день стало значительно холоднѣе, и путниковъ попрежнему начали донимать 45—50-ти-градусные морозы; опять началась отчаянная борьба съ холодомъ. Когда варился супъ, всѣ толпились около дымящагося паромъ котелка; но лишь только его снимали съ огня, какъ жидкость въ нѣсколько минутъ замерзала.

Опять начались мучительныя распутыванія собачьей упряжи, всевозможныя починки и поправки. Хотя въ перчаткахъ теперь это было гораздо удобнѣе. чѣмъ прежде, но безъ жертвъ и теперь не обходилось. Постоянно то тотъ, то другой отмораживалъ себѣ палецъ, носъ и т. п.

А сколько еще мученій ночью! Намаявшись за день, стуча зубами отъ холода, путешественники скидали мѣховое одѣяніе и, перемѣнивъ сапоги на толстые шерстяные чулки, залѣзали въ твердые, какъ камень, отъ мороза мѣшки. Мало-по-малу благодѣтельная теплота начинаетъ распространяться по всему тѣлу, но въ то-же время на смѣну холода является другой врагъ, не менѣе непріятный—это сырость. Паръ отъ дыханья, моментально охлаждаясь, образуетъ цѣлыя струйки воды, которыя текутъ за шею. Кромѣ того, самъ мѣшокъ и суконная одежда, и одѣяло—все это насквозь пропитано сыростью и кажется сухимъ только на морозѣ, а когда оттаиваетъ—становится совсѣмъ мокрымъ. И вотъ лежатъ несчастные страдальцы во всемъ мокромъ, пытаясь заснуть, хотя сонъ ихъ обыкновенно очень чуткій, почти болѣзненный. Но самое мучительное это было утреннее вставаніе. Всѣ силы своей энергіи должны были напрягать путешественники, чтобы заставить себя подняться и разстаться съ пріятной теплотой мѣшка. Лишь только мѣшокъ сбрасывался, какъ вся одежда на тѣлѣ моментально замерзала и дѣлалась твердою, какъ лубъ. Дрожа отъ пронизывающаго насквозь убійственнаго холода, словно средневѣковые рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, толпились они около пылающаго въ печкѣ огня, стараясь хоть немного отогрѣть члены, сразу окоченѣвшіе при вставаніи. Чашка горячаго чая или кофе лучше всего помогала при этомъ, разливая внутри тѣла живительную теплоту.

Въ день можно было идти не болѣе 6 часовъ, пока свѣтло, а съ наступленіемъ вечера надо было устраиваться на ночь. Дорога была плохая. Валъ за валомъ, трещина за трещиною преграждали путь путешественникамъ. Нерѣдко надо было съ большими затрудненіями карабкаться на крутые склоны высокихъ холмовъ изъ льда и снѣга и втаскивать туда сани. Сами

путешественники обыкновенно шли впереди каравана и расчищали путь палками съ желѣзными наконечниками. При такихъ условіяхъ въ день удавалось подвинуться впередъ не болѣе, какъ на 10—12 верстъ, но путешественники не унывали и надѣялись, что, по мѣрѣ уменьшенія багажа, идти станетъ легче, да, кромѣ того, разсчитывали, что дальше и дорога будетъ лучше.

23 марта отправлена была обратно первая группа изъ трехъ человѣкъ съ лейтенантомъ Керини во главѣ. Ихъ снарядили съ вечера наканунѣ, снабдивши ихъ продовольствіемъ на 10—15 дней пути, а также палаткой, керосиновой кухней и другими принадлежностями бивуака.

Около 11 часовъ утра Керини и его спутники распрощались съ товарищами и, пожелавъ имъ благополучія въ дальнѣйшемъ пути, отправились обратно.

31 марта Каньи отослалъ назадъ и вторую партію: д-ра Кавалли, Савойе и Карденти, снарядивши ихъ въ путь также, какъ и первую группу.

Теперь стало идти еще легче, багажа осталась немного, да и тотъ разложили на нѣкоторыя опроставшіяся сани. Между тѣмъ, несмотря на то, что уже наступилъ апрѣль мѣсяцъ, холода не унимались, вѣтры еше какъ будто усилились. Ночью термометръ обыкновенно показывалъ 45—48° мороза. За то днемъ нерѣдко выдавалась очень хорошая погода, солнце сіяло надъ горизонтомъ въ теченіе 7 часовъ, и тогда становилось гораздо теплѣе. Еще черезъ нѣсколько дней потеплѣло на столько, что даже ночью было всего 25—17° мороза, и путешественникамъ нашимъ это казалось уже совсѣмъ тепло. 5 апрѣля вдругъ разразилась страшная буря съ мятелью. Снѣгомъ за ночь почти совершенно занесло палатку, сани и несчастныхъ собакъ. Поутру нечего было и думать пускаться дальше, такъ какъ метель все продолжалась; цѣлыхъ два дня провели такимъ образомъ несчастные путники, откапываясь изъ снѣжныхъ сугробовъ. Наконецъ, погода стала проясняться, и Каньи рѣшилъ отправиться дальше, хотя по рыхлому снѣгу движеніе было очень затруднительно. Впрочемъ, морозъ въ 45° уже на

слѣдующую ночь настолько уплотнилъ снѣгъ, что получилась очень хорошая дорога.

Съ общаго совѣта тогда-же рѣшено было идти впередъ еще лишнихъ дней десять, и съ этой цѣлью стали прибергать съѣстные припасы, уменьшивъ ежедневныя порціи какъ самимъ себѣ, такъ и собакамъ.

По хорошей дорогѣ теперь было очень удобно ѣхать, но бѣда въ томъ, что вѣтеръ постоянно разламывалъ ледъ, и не-

Лейтенантъ Керини.

рѣдко приходилось останавливаться передъ большими каналами, въ ожиданіи, пока вода снова покроется льдомъ. Иногда-же бывали такіе случаи, что ледъ внезапно трескался подъ санями. Одинъ разъ сани провалились въ такую трещину и потянули за собою собакъ. Путешественники бросились ихъ спасать и съ большимъ трудомъ вытащили на ледъ собакъ и потонувшія сани.

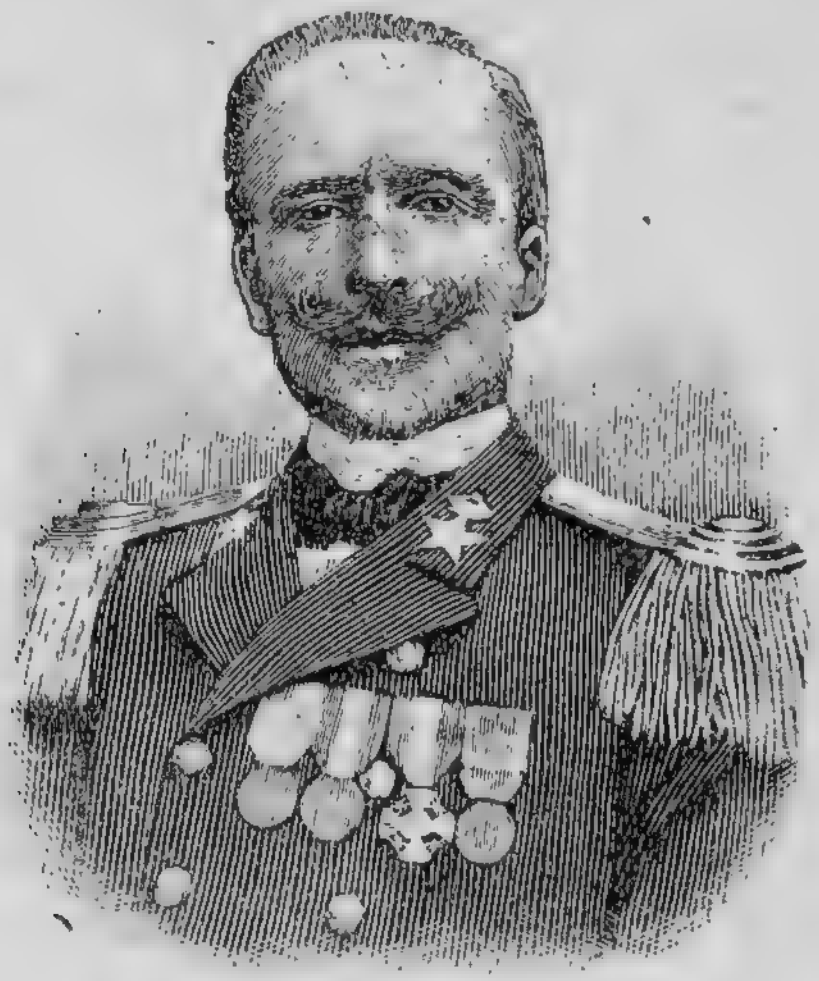
7 апрѣля, сдѣлавъ наблюденіе съ инструментами и произведя вычисленія, Каньи убѣдился, что они перешли уже 84° сѣв. широты. Между тѣмъ, дорога сдѣлалась еще лучше, валы и трещины попадались рѣже, и поэтому въ день стали проѣз-

жать опять 25—30 верстъ. Снѣжная буря опять задержала путешественниковъ на двое сутокъ. Однако 17 апрѣля они праздновали переходъ черезъ 85-ю параллель, а 25 опредѣленіе показало уже 85°28′. Теперь проходили въ день въ среднемъ по 33—34 версты. Между тѣмъ, по самому крайнему разсчету наступило время подумать о возвращеніи на островъ Кронпринца Рудольфа; идти дальше—значило рисковать погибнуть голодною смертью, да, кромѣ того, ледъ могъ взломаться раньше, чѣмъ путешественники успѣютъ добраться до твердой земли. Однако они день за днемъ откладывали свой поворотъ назадъ, тѣмъ болѣе, что именно теперь обстоятельства благопріятствовали дальнѣйшему пути на сѣверъ. Заманчиво было приблизиться къ полюсу болѣе, чѣмъ самые знаменитые путешественники и даже самъ прославленный Нансенъ. До параллели 86°30′, достигнутой этимъ послѣднимъ, оставалось всего 50 миль.

Въ полдень 22 апрѣля оказалось, что пройденъ параллельный кругъ 85°40′. Путешественники внѣ себя отъ радости употребили лишь $^1/_2$ часа на отдыхъ и помчались дальше, надѣясь еще къ вечеру достигнуть 86° сѣв. широты. Поздно вечеромъ, уже въ совершенной темнотѣ, до крайности уставшіе, они наскоро поставили палатку, приготовили пищу и улеглись спать, чтобы на завтра чуть свѣтъ опять пуститься въ путь. Но среди ночи вдругъ почувствовали они, что ледъ, на которомъ они расположились, двигается. Незамѣтно разыгрался вѣтеръ, послѣдствія котораго тотчасъ-же сказались: ледъ взламывался, отдѣльныя глыбы нагромождались другъ на друга, повсюду появились трещины и каналы. Несчастные путники съ замираніемъ сердца прислушивались къ зловѣщему треску океана, сокрушавшаго свои ледяныя оковы...

Тѣмъ не менѣе Каны и его товарищи все-таки двинулись далѣе на сѣверъ. На ряду съ собаками бѣжали они тамъ, гдѣ это позволяла дорога; черезъ трещины прямо перебрасывали сани, кстати теперь уже сильно облегченныя отъ груза; черезъ валы перетаскивали ихъ на веревкахъ. Вся надежда ихъ теперь возлагалась на морозы, которые все еще продолжали держаться

на 30—40°. Одинъ разъ они неожиданно очутились на льдинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной водой. Хотя эта льдина по своимъ размѣрамъ представляла собою цѣлый островъ, но вскорѣ путники увидѣли, что ихъ островъ, подгоняемый вѣтромъ, несется съ значительной быстротой по волнамъ океана. Здѣсь явилась еще новая опасность, такъ какъ вся льдина могла раздробиться въ куски при ударѣ о неподвижный ледъ. Дѣйствительно, когда произошло столкновеніе, то двое саней про-



Капитанъ Умберо Каньи.

валились въ образовавшуюся огромную трещину, но ихъ тотчасъ-же удалось вытащить.

Къ 24 апрѣля Каньи и его спутники находились уже на широтѣ 86°5′. Но стремленіе впередъ, къ полюсу, нисколько не ослабѣло у доблестныхъ путешественниковъ.

На другой день, чуть свѣтъ, всѣ уже вскочили, поспѣшно приготовили завтракъ, сняли палатку и безъ промедленій пустились въ дальнѣйшій путь. Съ той-же поспѣшностью, какъ наканунѣ, но еще съ большимъ воодушевленіемъ шли они до тѣхъ поръ, пока дорогу имъ не преградилъ широкій каналъ. Благоразуміе не позволяло тратить еще время на преодолѣніе этого препятствія, и Каньи рѣшилъ остановиться здѣсь.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялся онъ за вычисленія; товарищи его оставили всѣ дѣла и стояли здѣсь-же, ожидая результата. Велика была всеобщая радость, когда Каны объявилъ, что они находятся на 86°33′49″ сѣв. широты. Громкое «ура» огласило безпредѣльную пустыню Ледовитаго океана. Капитанъ Каны вынулъ изъ багажа итальянское знамя и торжественно водрузилъ его на вершинѣ сосѣдняго ледяного холма. Въ трехъ запаянныхъ жестянкахъ Каны заключилъ коротенькія записки, въ которыхъ изложилъ главнѣйшіе факты своего путешествія и оставилъ ихъ на томъ-же холмѣ. Остатокъ дня посвященъ былъ приготовленіямъ къ обратному пути. Всѣ были веселы и, въ гордомъ сезнаніи успѣха, возложеннаго на нихъ предпріятія, не страшились лишеній, трудовъ и всевозможныхъ невзгодъ обратнаго пути до лагеря своихъ товарищей.

А положеніе отважныхъ путешественниковъ было очень опасно. Когда разобрали багажъ, то оказалось, что у нихъ осталось продовольствія всего на 30 дней, между тѣмъ какъ сюда они ѣхали ровно $1^1/_2$ мѣсяца. Единственная надежда была на то, что теперь багажъ сдѣлался гораздо легче, и поэтому можно было разсчитывать на большую противъ прежняго быстроту, но зато былъ уже апрѣль на исходѣ, и надо было опасаться, что ледъ станетъ взламываться, а до ближайшей земли было около 500 верстъ.

Рано утромъ 26 апрѣля, разложивъ оставшійся багажъ на всѣ сани, путешественники отправились въ обратный путь.

Между тѣмъ зимовка герцога и остальныхъ путешественниковъ прошла благополучно. Частыя мятели намели огромные сугробы снѣга вокругъ палатокъ и даже совершенно прикрыли ихъ толстымъ пластомъ. Послѣ этого помѣщеніе сдѣлалось гораздо теплѣе, такъ что температура внутри рѣдко спускалась ниже 0°. Съ другой стороны, отсутствіе оконъ и недостатокъ вентиляціи были очень ощутительны.

При тускломъ свѣтѣ луны или при яркомъ заревѣ сѣвернаго сіянія картина окрестностей лагеря являлась во всемъ своемъ дикомъ величіи. Что касается судна, то оно имѣло очень безотрадный видъ: почти опрокинувшееся на бокъ, обледенѣвшее, начиная съ корпуса и кончая верхушками мачты и реями. На вантахъ висѣли гирлянды ледяныхъ сосулекъ, палуба была засыпана сугробами снѣга, а трюмъ, въ особенности машинное отдѣленіе, было сплошь наполнено льдомъ.

При этомъ — полная безжизненность: ни одного звѣря, ни одной птицы, повсюду одни и тѣ-же льды и снѣга... Лишь изрѣдка вблизи лагеря появлялся владыка полярныхъ странъ, бѣлый медвѣдь. Собаки подымали неистовый лай и, спущенныя съ цѣпей, бросались въ безумной ярости цѣлою стаей на косматаго звѣря, который обыкновенно сразу обращался въ позорное бѣгство. При такихъ условіяхъ охота на медвѣдей представляла мало интереса Медвѣдь, преслѣдуемый собаками, почти всегда спѣшилъ занять оборонительную позицію, гдѣнибудь на вершинѣ холма или просто взбирался на ледяную глыбу, и охотникамъ оставалось только подбѣжать и поразить его на смерть нѣсколькими выстрѣлами на разстояніи какихънибудь 4—5 саженей.

12 марта, т. е. черезъ два дня послѣ выступленія экспедиціи Каньи, возвратился Эвенсенъ со своими двумя товарищами, который провожалъ въ теченіе одного дня Каньи и принесъ первыя свѣдѣнія объ экспедиціи.

Черезъ 16 дней послѣ этого герцогъ съ двумя спутниками отправился на встрѣчу первой группы (Керини), которая по разсчету должна была возвратиться къ 5 апрѣля. На самомъ краю высокаго мыса Флигели поставили они палатку и для защиты отъ страшнаго холода при пронзительномъ вѣтрѣ окопали ее со всѣхъ сторонъ снѣгомъ. Отсюда можно было обозрѣть широкій горизонтъ, и герцогъ поочередно со своими товарищами всматривались вдаль при помощи подзорной трубы.

Однако, дни проходили за днями, а ничего не было видно. Такъ протянулось до 18 апрѣля, когда на разстояніи около 18—20 верстъ усмотрѣна была черная точка, повидимому, при-

ближавшаяся... Въ сильномъ волненіи герцогъ слѣдилъ за нею, не отрывая глаза отъ трубы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, когда уже можно было ясно различить сани, запряженныя собаками, и сидящую въ нихъ человѣческую фигуру, но лица еще нельзя было разобрать. Наконецъ, по морозному воздуху, среди гробовой тишины полярной пустыни, раздался знакомый голосъ матроса Карденти: «Кто здѣсь?»

Сторожившіе не выдержали и, рискуя сломить себѣ шею, бросились по крутому откосу мыса навстрѣчу прибли жавшимся санямъ. Черезъ нѣсколько минутъ Карденти уже сжимали въ объятіяхъ и засыпали вопросами.

— Первая группа? Лейтенантъ Керини?

— Нѣтъ, вторая; докторъ Кавалли, я и Савойе,—былъ неожиданный отвѣтъ.—А развѣ Керини еще не возвратился? Онъ оставилъ экспедицію еще 20 марта...

Карденти объяснилъ, что докторъ Кавалли и Савойе въ крайнемъ изнеможеніи и безъ всякихъ припасовъ ожидаютъ помощи на мысѣ Германія, а самъ онъ запрегъ въ пустыя сани всѣхъ оставшихся собакъ и поѣхалъ впередъ, чтобы извѣстить товарищей.

Немедленно-же герцогъ съ тремя санями отправился туда и вскорѣ обнималъ уже злополучныхъ страдальцевъ.

Въ тотъ-же день къ вечеру снарядили особую экспедицію, которая отправилась на поиски Керини и его спутниковъ.

Черезъ 18 дней она возвратилась безъ всякаго результата.

Въ безуспѣшныхъ поискахъ прошло время до 10 мая.

Настроеніе духа у всѣхъ было очень угнетенное, такъ какъ за Каньи тоже сильно безпокоились.

Вечеромъ 22 іюня герцогъ находился на мысѣ Флигели, когда увидѣлъ быстро приближающіяся сани со стороны лагеря. Ожидая услышать какую-нибудь важную новость, онъ бросился въ сильномъ волненіи навстрѣчу посланцу.

Какова-же была его радость, когда послѣдній еще издали закричалъ:

— Каньи возвратился!

— Вмѣстѣ съ товарищами?—спросилъ герцогъ, едва переводя духъ отъ быстраго бѣга.

— Да, и они достигли 86° 33′ 49″!

Немедленно-же герцогъ вскочилъ на сани и, безпрестанно погоняя собакъ, помчался во весь духъ къ лагерю. Черезъ нѣсколько часовъ онъ уже заключилъ въ свои объятія Каньи, Петигакса и Фенуплье, осыпая ихъ вопросами, съ болью въ сердцѣ всматриваясь въ ихъ изможденныя, потрескавшіяся отъ морозовъ и жестокихъ вѣтровъ лица...

Вотъ что разсказалъ Каньи.

Труденъ былъ путь къ сѣверу, но гораздо труднѣе оказалось возвращеніе.

Сначала ѣхать по старымъ слѣдамъ и по расчищенной уже раньше дорогѣ было очень легко, такъ что въ день проѣзжали по 30—35 верстъ, и притомъ уменьшеніе груза позволило путникамъ доставить себѣ роскошь: они сѣли въ сани. Изрѣдка удавалось такимъ образомъ сдѣлать въ день даже около 40 верстъ, а одинъ разъ проѣхали даже 45 верстъ. Слѣдовъ санней уже нельзя было различить, но собаки сами находили дорогу, по которой раньше, ѣхали руководствуясь своимъ удивительнымъ чутьемъ. Но на четвертый день, при объѣздѣ одного канала, слѣды были окончательно потеряны, и съ этого времени снова пришлось прокладывать дорогу съ окованными желѣзомъ палками въ рукахъ. Идти сдѣлалось труднѣе, но за то день сильно увеличился, и путешественники шли по 10—11 часовъ въ сутки. Каньи рѣшилъ торопиться, не щадя силъ, разсчитывая, что отдохнуть хорошенько можно будетъ при какомъ-нибудь препятствіи, когда волей-неволей придется проспдѣть на одномъ мѣстѣ, быть можетъ, даже нѣсколько дней.

Дѣйствительно, 2-го мая погода сразу испортилась, поднялась метель, и задулъ такой вѣтеръ, что поневолѣ пришлось отдохнуть.

Только подъ вечеръ 4-го мая можно было тронуться въ дальнѣйшій путь.

Съ этихъ поръ путешественники не отдыхали. Утомленіе дошло до такой степени, что во время короткаго привала они не рѣдко засыпали, сидя надъ котелкомъ съ супомъ.

*

Но иначе было нельзя, такъ какъ можно было опасаться наступленія оттепели, что было-бы крайне опасно. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи несчастные путники страдали еще отъ невыносимаго блеска снѣга, отчего у нихъ разболѣлись глаза, и угрожала опасность совсѣмъ ослѣпнуть. Пришлось надѣть на глаза повязки, что еще болѣе затрудняло путь.

Страдая глазами, Канн нѣсколько дней не могъ даже произвести наблюденія, чтобы опредѣлить широту, гдѣ они находились. Велика была радость, когда черезъ нѣсколько дней по сдѣланному опредѣленію оказалось, что пройдено уже 170 миль и до острова кронпринца Рудольфа оставалось всего 100 миль. Но вычисленіе показало также, что въ своемъ пути они сильно уклонились къ западу.

Между тѣмъ становилось все теплѣе и теплѣе, такъ что термометръ показывалъ только 5—7° мороза. Каналы и трещины стали попадаться чаще, дорога становилась хуже, а въ то-же время запасы продовольствія быстро уменьшались. Сознавая надвигавшуюся опасность, путешественники напрягали всѣ усилія, чтобы поскорѣе идти впередъ.

Въ концѣ мая припасы начали совсѣмъ истощаться; собакъ стали кормить черезъ двое сутокъ, отчего бѣдныя животныя стали быстро худѣть.

2-го іюня вдругъ наступила оттепель; ледъ повсюду началъ взламываться и рыхлѣть. Къ счастью, спасеніе было уже не далеко, такъ какъ до ближайшаго острова оставалось всего 20 миль. По хорошей дорогѣ это разстояніе можно было-бы пройти въ одинъ день, но теперь ледъ до такой степени испортился, что иногда въ день проходили всего 5—6 верстъ! А случалось и такъ, что льдину, по которой шли путешественники, теченіемъ относило назадъ къ сѣверу. Вмѣстѣ съ тепломъ появились туманы и вѣтры, такъ что опредѣлять положеніе сдѣлалось труднымъ, и часто путники шли наугадъ.

9-го іюня погода прояснилась, и вдали показались неопредѣленныя очертанія высокихъ береговъ острова. Взобравшись на высокую льдину, путешественники съ жадностью всматривались въ желанную землю. Только-бы добраться до твердой земли!

Видѣвшійся вдали скалистый пустынный берегъ острова казался имъ землею обѣтованною.

Но вотъ, при новомъ порывѣ вѣтра, горизонтъ снова задернулся завѣсою густого тумана, и опять ничего не видно, кромѣ шероховатой ледяной поверхности, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ каналами и ледяными валами... На утро слѣдующаго дня снова увидали въ прежнемъ направленіи скалистый островъ, не такъ ясно, какъ вчера, но за то несомнѣнно ближе, всего верстахъ въ 15—18. Такъ близко спасеніе, а между тѣмъ дорога настолько испортилась, что въ часъ успѣвали пройти едва $^1/_2$ версты!

Уже нѣсколько дней ѣли только супъ, сваренный изъ собачьяго мяса, такъ какъ сухари и консервы давно уже вышли. Убивши собаку, мясо путешественники оставляли себѣ, а оставшимся животнымъ бросали только внутренности и шкуру, да и то раздѣляя на маленькія порціи. Въ день, при крайнемъ напряженіи, проходили едва 6—7 верстъ, но теперь уже можно сказать съ увѣренностью, что вблизи несомнѣнно земля.

13-го іюня послѣ десятичасового пути, совершенно изнеможенные, Каньи и его товарищи остановились отдохнуть вблизи берега. Но только-что они поставили палатку и принялись варить себѣ собачій супъ, какъ вдругъ почувствовали, что ледъ, на которомъ они находились, трогается. Испугавшись, что на оторванной льдинѣ ихъ снова отнесетъ отъ столь желанной земли, путники забыли всю усталость и, поспѣшно сложивши палатку, бросились къ берегу. Напрягая послѣднія усилія, они шли еще 6 часовъ и къ вечеру, наконецъ, взобрались на крутой берегъ. Какую радость почувствовали они, когда вступили на твердую землю послѣ 95-ти-дневнаго пребыванія на ледяной поверхности моря! Казалось, что теперь уже конецъ всѣмъ невзгодамъ и всѣмъ несчастьямъ.

На дѣлѣ, конечно, было не такъ. Голодная смерть такъ-же угрожала нашимъ путешественникамъ и на островѣ, какъ и на морѣ. Притомъ-же до лагеря товарищей все-таки добраться можно было не иначе, какъ опять по морю. Правда, островъ Кронпринца Рудольфа былъ отсюда виденъ, но до него было

по крайней мѣрѣ верстъ 30, а Каньи уже испыталъ, какъ велико это разстояніе по такой дорогѣ.

Отдохнувъ часа три, путешественники снова покинули землю и отправились по льду къ видѣвшемуся вдали острову Кронпринца Рудольфа, но черезъ два часа принуждены были опять возвратиться на свой островъ, встрѣтивъ непроходимыя препятствія.

15 іюня подъ вліяніемъ благопріятнаго вѣтра льдины стали сходиться, и путешественники воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пуститься въ путь. Опять началась борьба за жизнь съ безпрестанными опасностями... Если удавалось попасть на ровное мѣсто, гдѣ легко было ѣхать.—являлась надежда на близкое спасеніе; но вотъ противный вѣтеръ снова относитъ страдальцевъ назадъ, и отчаянье закрадывается въ ихъ мужественныя души... Одинъ разъ, уже совсѣмъ вблизи отъ желаннаго берега, льдина, на которой по произволу вѣтра носились Каньи и его товарищи, ударилась о край твердаго льда и разбилась на куски. Сани, собаки и сами путешественники моментально очутились въ водѣ. Съ большимъ трудомъ выкарабкались они на ледъ, который все обламывался. Однако, и это несчастное приключеніе обошлось безъ особенныхъ потерь: удалось спасти всѣхъ собакъ и вытащить всѣ сани, хотя сами путешественники насквозь промокли.

Вскорѣ послѣ этого, около полудня 22 іюня, добрались, наконецъ, путешественники до берега о. Кронпринца Рудольфа и теперь уже дѣйствительно были спасены.

Итакъ, Каньи со своими тремя товарищами благополучно довели до конца отважное предпріятіе. Имъ удалось проникнуть къ сѣверу такъ далеко, какъ не удавалось раньше самымъ знаменитымъ путешественникамъ.

Съ наступленіемъ лѣта, которое здѣсь начинается лишь съ половины іюля, путешественники начали энергично готовиться къ возвращенію на родину. Съ большимъ трудомъ удалось очистить трюмъ ото льда, исправить окончательно поврежденіе въ

корпусѣ судна, прорубить льды, сковавшіе судно и державшіе его всю зиму въ наклонномъ положеніи. Для выполненія этой огромной работы не щадили труда, работали день и ночь съ топорами, кирками и динамитными минами.

8 августа во время взрыва одной мины, заложенной въ ледяной массѣ съ правой стороны судна, «Полярная Звѣзда» сильно вздрогнула и гордо выпрямилась на расчищенной водной поверхности. Итакъ, судно было готово повезти путешественниковъ на родину, но бухта была заперта льдами, которые сплошною массою заперли выходъ въ открытое море.

Напрягая послѣднія усплія, путешественники принялись прорубать каналъ.

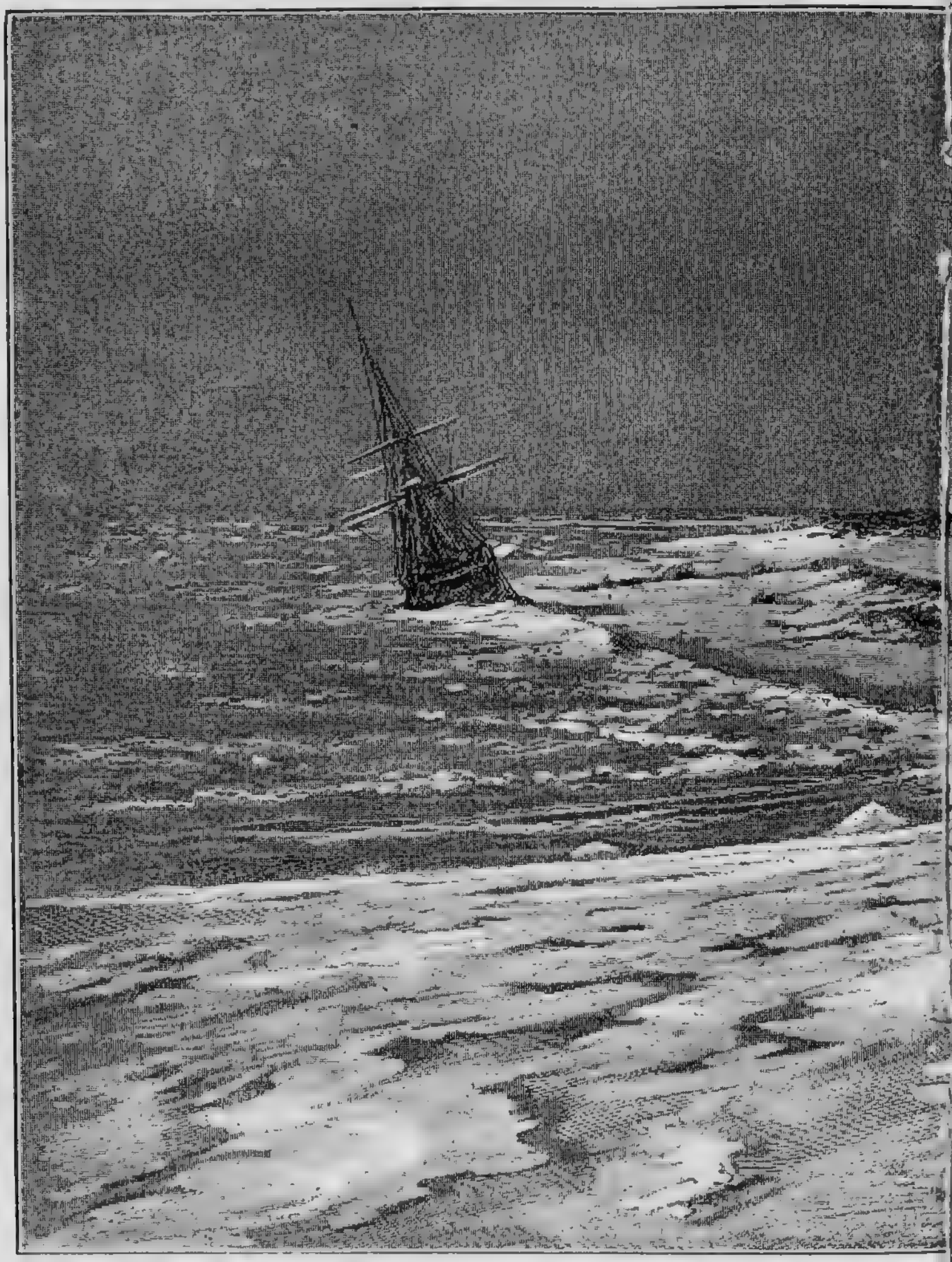
Работа была очень трудная, тѣмъ болѣе, что запасы динамита уже приходили къ концу. Къ счастью, на помощь путешественникамъ пришли вѣтры, которые постоянно взламывали ледъ, и такимъ путемъ день за днемъ уменьшалось разстояніе, отдѣлявшее «Полярную Звѣзду» отъ открытаго моря.

Вечеромъ 11 августа путешественники, сидя на берегу, отдыхали послѣ тяжелой работы. Сильный восточный вѣтеръ порывисто дулъ съ самаго утра. Вдругъ со страшнымъ трескомъ взломался послѣдній ледяной барьеръ, отдѣлявшій еще каналъ отъ моря, и путешественники поспѣшили взойти на корабль, какъ-бы опасаясь, чтобы онъ не уѣхалъ безъ нихъ. 12 августа перегрузили на судно все, что нужно было забрать съ собою, и 13, рано утромъ, «Полярная Звѣзда» покинула бухту Теплицъ.

Плаванье по проливамъ между островами группы Франца Іосифа совершено было съ большими затрудненіями въ 18 дней, и 31 августа судно подошло къ острову Нортброку. Посѣтивъ мысъ Флора, путешественники убѣдились, что надежда ихъ найти здѣсь несчастнаго Керини была тщетна...

Дальнѣйшій путь не представлялъ трудностей. Ледяныя горы встрѣчались довольно часто, но скопленій ледяныхъ глыбъ уже не было, такъ что «Полярная Звѣзда» безпрепятственно шла полнымъ ходомъ къ юго-западу, и 5 сентября показались вдали скалистые берега Норвегіи...

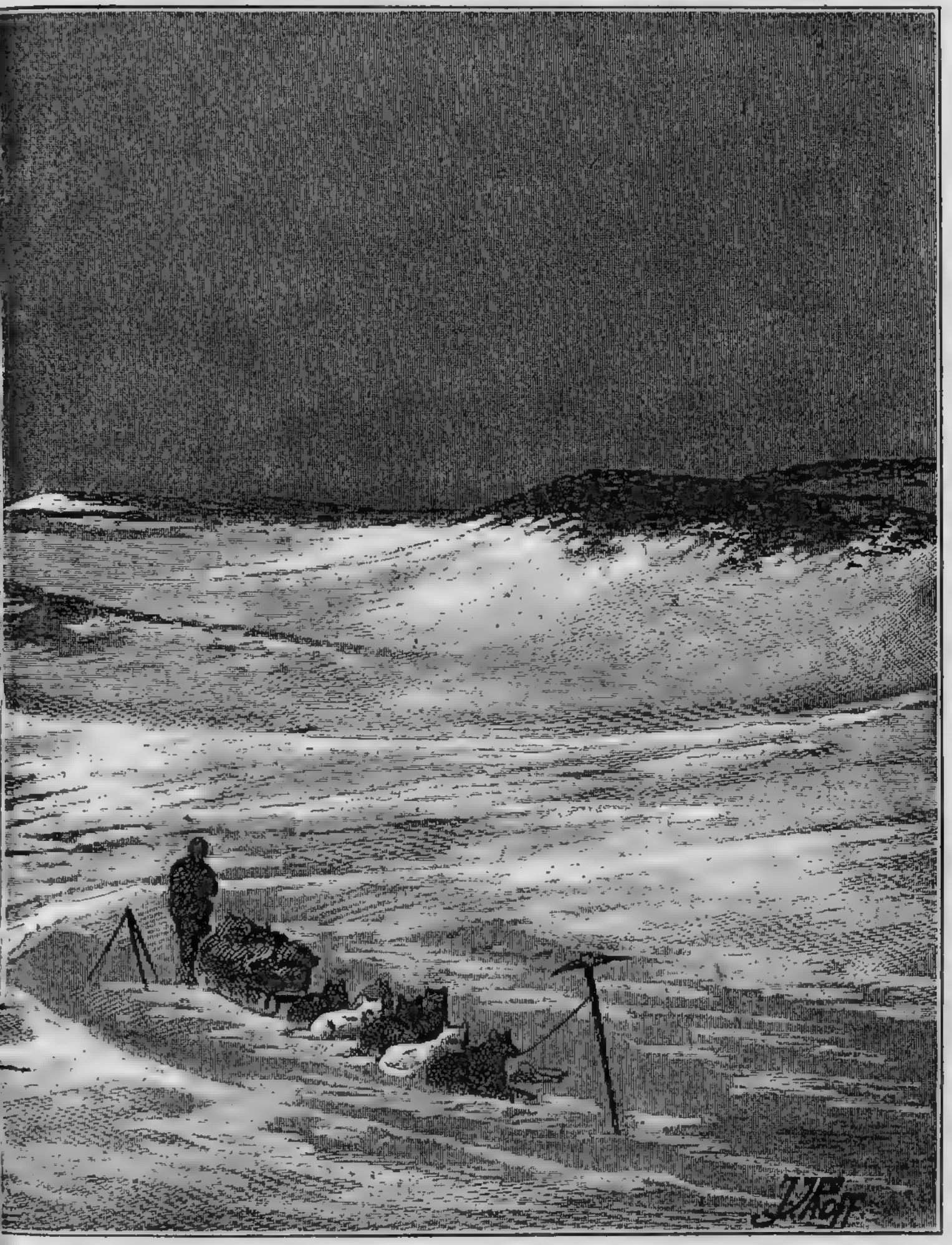
Путешествіе окончилось. Настало время оцѣнки его результатовъ. Труды герцога и его товарищей по путешествію расши-



Зимовье герц. Абруццскаго

рили, главнымъ образомъ, географическія свѣдѣнія объ архипелагѣ Франца Іосифа, страны до того мало изученной. По

главная заслуга экспедиціи герцога заключается въ томъ, что онъ своими изслѣдованіями опровергнулъ господствовавшее



на о. Кронпринца Рудольфа.

раньше мнѣніе, что земля Франца Іосифа простирается еще далеко къ сѣверу отъ о. Кронпринца Рудольфа. «Полярная

Звѣзда», передъ остановкой на зиму въ бухтѣ Теплицъ, прошла еще значительное разстояніе дальше къ сѣверу, но никакихъ признаковъ земли нельзя было замѣтить въ самыя лучшія подзорныя трубы. Наконецъ, Каньи въ своей санной экспедиціи прошелъ взадъ и впередъ какъ разъ по тому мѣсту, гдѣ какъ предполагали, должна была находиться земля, и не нашелъ опять-таки никакихъ признаковъ суши.

Для изученія климата страны экспедиціей герцога собранъ былъ тоже цѣнный матеріалъ. Ежедневно въ теченіе цѣлаго года производились наблюденія надъ температурой, состояніемъ атмосферы, надъ силой и направленіемъ вѣтровъ, а также производились наблюденія надъ напряженіемъ тяжести и проявленіями земного магнетизма.

Что касается изученія животнаго и растительнаго міра архипелага, то въ этомъ отношеніи экспедиціей герцога Абруццскаго сдѣлано сравнительно немного. Животныхъ зимою, вообще, говоря, встрѣчалось очень мало, и то почти исключительно бѣлые медвѣди. Даже тюленей и моржей видѣли не много. Каньи во всю свою поѣздку не встрѣтилъ ни одного животнаго, и даже слѣдовъ видѣлъ мало.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Слыша объ ужасныхъ опасностяхъ и испытаніяхъ, неразлучныхъ съ полярными экспедиціями, невольно задаешь вопросъ, искупаютъ-ли результаты всѣ эти усилія и страданія.

До сихъ поръ никто не дошелъ до полюса, а тѣ, кто наиболѣе приблизились къ нему, объявили его барьеры недоступными. Изъ этихъ обездоленныхъ странъ не было добыто никакихъ полезныхъ или цѣнныхъ произведеній. Съ бѣдными жителями ихъ нѣтъ выгоды заводить сношенія. Изъ двухъ путей, удобныхъ для мореплаванія, такъ долго отыскиваемыхъ и, наконецъ, найденныхъ, одинъ, сѣверо-западный, никогда не бываетъ свободнымъ и только отчаянная храбрость могла заставить пройти черезъ него; другой—сѣверо-восточный, побѣдоносно пройденный Норденшельдомъ, заставилъ его претерпѣть

девятимѣсячное плѣненіе во льдахъ и въ будущемъ обѣщаетъ мало хорошаго.

Но всѣ эти возраженія сейчасъ же оспариваются голосомъ разума. Если матеріальная польза отъ полярныхъ экспедицій ничтожна, то она велика въ области науки. Новыя земли перестали быть неизвѣстными и заняли свое мѣсто на картѣ земного шара; очертанія береговъ изучены математически вычислены. Почва разрыта и тайны прошлаго, сокрытыя въ ней, появились на свѣтъ Божій. Моря зондпрованы, теченія ихъ отмѣчены. Воздухъ, его движенія, магнетическіе и метеорологическіе феномены въ немъ изслѣдованы. Открыты растительные и животные экземпляры, невѣдомые въ прежнее время...

Кромѣ того, въ защиту полярныхъ экспедицій говорятъ высшіе нравственные разсчеты. Въ этихъ экспедиціяхъ проявились качества, дѣлающія честь человѣку: храбрость, постоянство, самоотреченіе. Только съ этими добродѣтелями можно было предпринимать подобныя путешествія, которыя представляютъ собою школу героизма. Всѣ согласятся съ мнѣніемъ, выраженнымъ Шарлемъ Мартиномъ:

«Неужели осмѣлятся утверждать, что такіе люди, какъ Франклинъ, двое Россовъ, Парри, Белло, Макъ Клюръ, Инглфіельдъ, Макъ Клинтокъ, Канъ, Галль и другіе, жизнь которыхъ равно какъ и ихъ экипажа, въ теченіе многихъ лѣтъ подвергалась опасности въ пустынныхъ моряхъ отъ бурь, потоковъ, подводныхъ скалъ, чудовищныхъ льдинъ, морозовъ, зимней тьмы и ужасной цынги,—не могутъ раздѣлить славы со знаменитыми героями войны?

«Эти герои мира поднимаютъ интеллектуальный и нравственный уровень своего народа. Чувство безпредѣльнаго восхищенія и почтенія передъ ними не должно омрачаться грустью и сожалѣніями. Слава ихъ не запятнана кровью своихъ ближнихъ. Человѣческій геній не потерпитъ отъ тѣхъ побѣдъ, съ которыхъ знаніе и нравственность пожинаютъ плоды».

ПЛАНЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ
Герцога Абруцкаго въ 1899-1900 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе ко 2-му изданію 3

ГЛАВА I. **Арктическія страны.** Полярныя пустыни.—Времена года на крайнемъ сѣверѣ. –Лѣтній видъ.— Миражъ.— Зимняя стужа. — Вьюги. — Сѣверное сіяніе. — Вѣчные снѣга.—Величайшіе ледники земного шара. — Обвалъ глетчера 5

ГЛАВА II. **Полярное море.** Вліяніе Гольфстрема. Ледоходъ.— Ледяныя поля. — Образованіе льдовъ въ открытомъ морѣ.—Опасности полярнаго моря.— Отраженіе льдовъ на небѣ. — Туманы. — Суда, унесенныя плавающими льдинами.—Гипотеза о существованіи Свободнаго Полярнаго моря.—Палеокристальное море 27

ГЛАВА III. **Пловучія ледяныя горы.** Происхожденіе „айсбергъ“.—„Рожденіе“ айсберга.—Колоссальный объемъ и странныя формы этихъ льдовъ.—Волшебное зрѣлище.— Столкновеніе айсберга съ судномъ.—Разрушеніе ледяныхъ горъ 39

ГЛАВА IV. **Природа полярныхъ странъ. Взглядъ на отдаленное прошлое.** Общій видъ полярныхъ пустынь.—Окаменѣлые лѣса.—Древняя арктическая фауна —Подземныя груды костей.—Большія млекопитающія, найденныя во льду . 49

ГЛАВА V. **Современная арктическая фауна.—Бѣлый медвѣдь.** Его охота на тюленя.—Зимній постъ.—Нападеніе медвѣдей на суда.—Осторожность этихъ животныхъ.—Отчаянная храбрость самки при защитѣ дѣтенышей 58

ГЛАВА VI. **Другіе обитатели сѣверныхъ пустынь** Сѣверныя лисицы.—Ихъ смѣлость.—Продѣлки съ путешественниками. — Сѣверные олени. — Переселеніе этихъ животныхъ.— Олени какъ домашнія животныя лапландцевъ и сибиряковъ.—Мускусные овце-быки.—Безчисленныя колоніи птицъ 68

ГЛАВА VII. **Жизнь въ Полярномъ морѣ.** Киты.—Месть кашалота.—Тюлени.—Моржи, преслѣдующіе шлюпку.—Материнская и супружеская преданность моржей 79

СТРАН.

ГЛАВА VIII. **Гиперборейцы.** Эскимосы.—Ихъ костюмъ.—Лѣтнее и зимнее жилище.—Помѣщенія сибиряковъ и лапландцевъ 89

ГЛАВА IX. **Бытъ эскимосовъ.** Промышленность эскимосовъ.—Лодки и охотничье оружіе.—Ловкость при ловлѣ тюленей.—Сани и собаки эскимосовъ.—Торгующіе чукчи.—Ярмарка въ Островномъ 98

ГЛАВА X. **Пропитаніе на крайнемъ сѣверѣ.** Нищета гиперборейцевъ.—Примѣры голодной смерти.—Людоѣдство.—Поразительное обжорство эскимосовъ 106

ГЛАВА XI. **Духовная жизнь гиперборейцевъ.** Характеръ арктическихъ народовъ.—Кротость и честность эскимосовъ.—Великодушіе индѣйскаго вождя.—Трогательное участіе тунгуса.—Какъ умираютъ эскимосы и чукчи.—Вѣра эскимоса Тукулито.—Полное довольство своей судьбой . 111

ГЛАВА XII. **Прошлое Гренландіи, туземцы и норманы.** Иностранцы въ Гренландіи.—Древнія нормандскія колоніи.—Борьба Унгитока съ Красснномъ.—Военная хитрость, напоминающая преданіе о Троянской лошади.—Датскія учрежденія.—Гренландскій парламентъ.—Проповѣдь на эскимосскомъ языкѣ 122

ГЛАВА XIII. Жилище датскаго представителя.—Любитель гренландской природы.—Ферма доктора Мольке.—Счастливый день для датскихъ семействъ 132

ГЛАВА XIV. **Эпопея полярныхъ путешествій.** Мореплаватели.—Полярныя экспедиціи.—Корабли, захваченные плавучими льдинами.—Столкновеніе „Пантеры“ съ айсбергомъ.—Суда во льдахъ.—Поднятіе ледяныхъ полей.—„Тегеттофъ“, затираемый льдинами 139

ГЛАВА XV **Полярныя зимовки.** Скука во время сѣверныхъ зимовокъ.—Тьма.—Измѣненный видъ судовъ.—Занятія экипажа.—Школа.—Развлеченія.—Изданія журнала и драматическія представленія.—Путешествія на саняхъ.—Глубокіе снѣга.—Подъемъ и спускъ съ ледяныхъ холмовъ.—Холодъ и сырость.—Прожорливость собакъ.—Привалъ въ палаткахъ и юртахъ.—Цынга 148

ГЛАВА XVI. **Приключенія лейтенанта Маркгама.—1,100 миль на льдинѣ.** Отчетъ лейтенанта Маркгама.—Приключеніе потерпѣвшихъ крушеніе на „Ганзѣ“.—Плаваніе на льдинѣ на протяженіи 1,100 миль 158

ГЛАВА XVII. **Новѣйшія полярныя экспедиціи.** Измѣненіе условій полярныхъ экспедицій въ новѣйшее время.—Путе-

СТРАН

шествіе Нансена.—Идея воспользоваться полярнымъ теченіемъ.—Путешествіе на саняхъ, зимовка на льду.—Встрѣча съ Джексономъ.—Возвращеніе на родину.—Джексонъ 3 зимы на островахъ Франца Іосифа.—Вельманъ.—Первая экспедиція.—Вторая экспедиція, поиски Андре.—Путешествія Пири.—Полетъ Андре на воздушномъ шарѣ 172

ГЛАВА XVIII. **Экспедиція итальянскаго принца Герцога Абруццскаго.** Сборы въ экспедицію.—Отъѣздъ изъ Архангельска.—О. Нортброкъ.—Первый разъ во льдахъ.—Встрѣча съ Вельманомъ.—Бухта теплицъ.—Крушеніе, устройство зимовки. — Опасное приключеніе. — Экспедиція Каньи, первая попытка.—Вторая поѣздка Каньи.—Трудный путь.—Возвращеніе къ зимней стоянкѣ.—Зима на островахъ Франца Іосифа.—Исправленіе судна.—Искусственный каналъ.—Возвращеніе на родину 186

Заключеніе 218

№ ....
БИБЛИОТЕКА

3-я Детскос. Труд. Школа
№ 1208
БИБЛИОТЕКА

М9 (11)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ВОЕННО-МОРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
РКВМФ СССР

3 —

KH
3
A
33-4